

РУССКИЙ ХРИСТИАНСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
И СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ**

Материалы ежегодной научной конференции

Европа

Санкт-Петербург

2001

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ:

Материалы ежегодной научной конференции. (12-13 апреля 2000 г.) /

Под ред. С.Ю.Трохачева, В.Н.Барышникова. СПб.: РХГИ, 2001.

Редакционная коллегия: докт. ист. наук Барышников В.Н., канд.
ист. наук К.Е.Нетужилов, канд. филол. наук С.Ю.Трохачев.
Е.А.Акимова.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник содержит краткое изложение докладов на научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» преподавателей Русского Христианского гуманитарного института, а также известных исследователей ряда вузов, научных и музейных центров Санкт-Петербурга, Архангельска и Петрозаводска. Конференция проводилась с 12 по 13 апреля 2001 г. и она проходила уже второй раз. В ней традиционно участвовали историки, филологи, этнографы, искусствоведы, культурологи, ведущие исследования в рамках изучения Петербурга и северо-западного региона.

Материалы предыдущей конференции были опубликованы в сборнике «Петербургские чтения 98-99».¹ Теперь же в отличие от первой конференции в ее проведении существенное значение имело участие профессорско-преподавательского состава Русского Христианского гуманитарного института (РХГИ). Более того в организации конференции активную роль сыграл коллектив отделения института по изучению истории Финляндии, ее языка и культуры, созданном в РХГИ в 1998 г. На этом отделении уже несколько лет глубоко и всесторонне изучается язык, история, география, материальная и духовная культура финского народа.

В целом пристальное внимание к истории, культуре и языку Финляндии стало естественным для вуза, поскольку Русский Христианский гуманитарный институт становится одним из исследовательских и образовательных центров в этой области. РХГИ намерен расширить также диапазон внимания к скандинавским странам, чтобы объединить изучение близлежащих к Петербургу государств Северной Европы. Такая задача уже давно назрела в плане превращения Петербурга в один из ведущих центров России по исследованию истории, экономики, литературы, языка, культуры Скандинавских стран и Финляндии. Русский Христианский институт, развивая образовательную, научную и исследовательскую

¹ Петербург и страны Северной Европы // Петербургские чтения 98-99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург – 2003». СПб., 1999. С. 431-490.

деятельность в этом направлении, видит благоприятные перспективы в своей работе.

Прошедшая конференция, также как и те, которые будут ежегодно проходить в дальнейшем, несомненно, станут служить для выполнения поставленной нами важной цели.

Редколлегия

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

Т.П.МАЗУР

ПЕТЕРБУРГ В СУДЬБЕ ВЫХОДЦЕВ ИЗ НОРВЕГИИ В ЭПОХУ ПЕТРА I

С городом, возникшем на берегах Невы, благодаря энергии великого преобразователя России Петра I, связывали свою судьбу представители многих народов. Оставили славный след в истории Санкт-Петербурга – морского форпоста России на Балтике и представители Норвегии. Сподвижником Петра Великого в деле создания Российского военно-морского флота явился уроженец норвежского города Ставангера Корнелиус Крюйс, ставший адмиралом.

Более 20 лет его жизни связано с Санкт-Петербургом. На берега Невы К.Крюйс прибыл в середине 1704 г. и перед его взглядом предстали уже первые постройки на Заячьем и Городском островах. Морское предназначение города определило его судьбу и облик. Военно-морской комплекс стал ядром архитектурного ансамбля Санкт-Петербурга, и именно адмирал К.Крюйс, поставленный у руководства адмиралтейских дел, строитель и хозяйственник по своей натуре, внес огромный творческий вклад в строительство города, ставшего гордостью России.

С первых шагов на невской земле его особой заботой становится и развитие города-крепости и превращения его в базу Балтийского флота, первым командующим которого явился первый вице-адмирал Российского военно-морского флота. При непосредственном участии К.Крюйса возводились в городе все сооружения морского ведомства. Это Адмиралтейство и его производства, шла застройка левобережной части города, строительство домов, устройство набережных, мощение и освещение улиц. Он является автором первого градостроительного норматива по борьбе с наводнениями и дает распоряжение строить дома с

высоким фундаментом. Став фактически организатором метеослужбы К.Крюйс установил постоянное наблюдение за состоянием погоды с записью в журналы. Был он и родоначальником пожарной службы. По его распоряжению в учреждениях морского ведомства, в домах иностранных купцов менялось в обязанность иметь пожарный инвентарь.

Много сил было вложено им в обеспечение безопасности молодого города. В июне 1705 г. в сражении у о. Котлин отряд кораблей под командованием К.Крюйса дал отпор шведам. В 1705-1709 гг. особой его заботой была организация обороны отвоеванного у шведов побережья. Ему принадлежит идея обороны города путем устройства нескольких «малых крепостей» по берегу Невы между Шлиссельбургом и Петербургом и системой крепостей-фортов на Котлине. Природный ум и смекалка помогают ему принимать неординарные решения в отражении попыток шведов захватить Санкт-Петербург со стороны суши и моря. В 1709 – 1712, 1715 – 1718 гг. под его руководством осуществляется строительство на о. Котлине пристаней, доков и Кронштадских гаваней, «закладка фундамента» Петербурга как крупнейшего торгового и пассажирского порта России.

Решив остаться на службе у Петра I он после поездки в Голландию в 1704 г. возвращается в Россию с семьей. Как щедрый человек, готовый «на всякое добро», он пользуется уважением и среди простых людей, и среди сановников дипломатов. Последние, приезжая в новую столицу России, часто останавливались в его доме. За открытый нрав и гостеприимство ценил адмирала Петр I и его сподвижники. Сановный Петербург часто собирался на ассамблеи у него дома, и радушный хозяин старался готовить сюрпризы для гостей. Он вел себя так, что сумел объединить вокруг иностранцев, обосновавшихся в Петербурге. Именно во многом благодаря К.Крюйсу, у великого зодчего нашего города Д.Трезини созрело решение навсегда остаться в России.

Корнелиус Крюйс способствовал распространению лютеранства в Петербурге и в целом по России. На территории своей усадьбы он возвел деревянную лютеранскую церковь «в виде креста из одних бревен, как

строят дома в Норвегии и почти по всей России». Благодаря его заботам отводились земельные участки в Петербурге под лютеранскую, католическую и голландскую кирхи. Не остаются без внимания и вопросы образования. На территории усадьбы Крюйса была устроена одна из первых школ Петербурга, положившая начало знаменитой Петершколе.

Крюйсу было суждено закончить свой жизненный путь в новой столице преобразенной России. Где умер он 3 (14) июня 1727 г. в своем доме. Город, которому великий адмирал посвятил более 20 лет своей жизни, проводил его и в последний путь.

С Санкт-Петербургом связана и судьба его близких. Его сын Иоанн (Ян) Крюйс строил Иоановское укрепление на о.Котлин, принимал участие в сражении против шведов у о.Котлин в 1705 г. в составе эскадры своего отца. Долгие годы прожила в Петербурге на Большой Морской дочь Корнелиуса Крюйса Анна. Одна из внучек Крюйса Катерина связала свою судьбу с секретарем Академии Наук Яковом Штелиным. А другая – Анна была женой старшины лютеранской церкви в городе.

Кроме этого с Санкт-Петербургом связана и судьба еще одного представителя Норвегии, уроженца г.Тронхейма адмирала российского флота Петра Бредаля. Нанятый на русскую службу по рекомендации К.Крюйса он начал службу в 1703 г. на Балтийском флоте. Это был один из наиболее Деятельных, способных и честных морских офицеров. Отличился в первом сражении флота у о.Котлин в 1705 г. и в Гангутском сражении (1714 г.). Участвовал в многочисленных операциях флота на Балтике, защищая молодой город от неприятеля. Пользовался особым доверием самого царя. В 1724-1730 гг. он был членом Адмиралтейской коллегии, с 1724 г. – директором Адмиралтейской конторы. В ведении П.Бредаля были вопросы планировки и застройки территории города, отведенных для морского ведомства, сооружение верфей, доков, каналов и мостов. После 1733 гг. он надолго покидает столицу, обороняет северные и южные рубежи России. В 1744 г. он оказался под следствием в связи с неудачным походом отряда судов под его командованием из Архангельска в

Кронштадт. После 53-х летней службы России, так и не дождавшись решения суда. П.Бредаль скончался в 1756 г. в городе, где начал службу.

Судьба его сына, Петра, на протяжении нескольких лет также была связана с Санкт-Петербургом. Он явился обер-егермейстером при Петре III.

Сохранилось в истории город также имя еще одного норвежца, уроженца Тронхейма – Гендриха Весселя, брата известного норвежского вице-адмирала Петра Весселя Торденшельда. С 1707 г. по конец 20-х годов с перерывом в один год Г.Вессель проходил службу на Балтийском флоте и, естественно, его судьба была связана с Петербургом. Командуя различными судами, в том числе и кораблем «Штандарт» принимал участие в операциях флота по защите отвоеванного у шведов побережья финского залива и возникшего в устье Невы города. Был участником похода флота к Выборгу и в неудачной погоне в 1712 г. за шведскими кораблями в составе отряда К.Крюйса. Дослужившись до капитана I ранга, в конце 20-х годов Г.Вессель возвратился на родину.

Каждый из названных морских офицеров-норвежцев внес свой вклад в историю российского военно-морского флота. У каждого была своя нелегкая судьба, но объединило их одно – город, в истории которого есть частица каждого из них.¹

ОТКЛИКИ НА ПУТЕШЕСТВИЕ А.И.ШЕГРЕНА В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Андреас Иоханес (Андрей Михайлович) Шегрен родился 26 апреля 1794 г. в бедной крестьянской семье в приходе Иитти (Финляндия). Своими способностями к наукам во время учебы в школе г. Ловиса обратил на себя внимание местного пастора И.Штольберга, который помог ему закончить гимназию и поступить в Академию Або (Университет Турку). Здесь в атмосфере т. н. «туркусского романтизма» и становления финского национального самосознания в начале XIX века Шегрен впервые получает представления об общей картине финно-угорского родства. Составной частью этого «фенноманского» движения был все возрастающий интерес к культуре других финно-угорских народов. В это же время после войны 1809 г. Финляндия входит в состав России. К моменту завершения университетского курса в 1819 г. Шегрен уже был захвачен идеей исследования культуры и языков финно-угорских народов и по совету своих учителей и друзей отправляется в Петербург. Там по рекомендации известного финского историка и пастора А. И. Гиппинга становится библиотекарем канцлера Российской империи графа Н. П. Румянцева. А в 1824 г. Шегрен получает от графа средства для двух летнего путешествия по Северу России и все права, а также привилегии официального путешественника, едущего по делам государства. Последние 3 года он путешествует уже на средства Императорской Академии наук.²

Возвратившись в 1829 г. из этого путешествия Шегрен получает известность и признание, пройдя к 1834 г. путь до экстраординарного

² О жизни и деятельности А.И.Шегрена см.: Андрей Михайлович Шегрен // ЖМНП. ч. LXXXVI. 1855ю Отд. 5. С. 1-8; перечень сочинений академика Шегрена, напечатанных с 1821 по 1854 год. // ученые записки Имп. Академии наук по I и III отделениям. Т. 3., ч. 4., 1855. С. 569-583; Шегрен - академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. К 200-летию со дня рождения. СПб., 1993; Терюков А.И. А.И.Шегрен и граф Н.П.Румянцев.// Румянцевские чтения. ч. 2. М. С. 256-262; Терюков А.И. А.И.Шегрен и М.А.Кастрен. // Россия и Финляндия в XIX - XX вв. СПб. 1998. С. 3-15 Ahiqvist A.E. A.J. Sjögrenin elämäkerta ja kirjoitukset. // Kieletär. Helsinki. 1875. ¹ 1. S/ 3-20; Korhonen M. Finno-Ugric Language Studies in Finland. 1828-1918. Helsinki. 1986; Branch M. A.J.Sjögren. Studies of North. // MSFUo. Vol. 152. 1973.

академика, ибо, как образно заметил М. Бранч, «финно-угроведение в 1829 г. было интересным и часто спекулятивным занятием лингвистов, а также историков. И именно вклад Шегрена в эту область науки через 5 лет после возвращения в Санкт-Петербург дал научному миру основу идей и методологию, которая превратила это интересное хобби в научную дисциплину».³

В результате его сочинений, опубликованных в течении 1828 - 1834 гг., впервые выявилась более или менее ясная и достаточно определенная картина истории, расселения и развития языков саамов, прибалтийско-финских и пермских народов. В ходе своего путешествия Шегрен сумел установить границы расселения этих народов, описать основные диалекты их языков, открыть науке новый народ - вепсов, дать картину этнического состава Ингерманландии. Он впервые показал, что сравнительно - исторический метод, предложенный Я.Гримом и Р.Раском для индоевропейских языков, можно и необходимо применять в финно-угроведении. Этот новый метод, а так же использование данных наук, считавшихся вспомогательными для исторических изысканий - ономастики, этнографии, археологии позволили А.И.Шегрену серьезно продвинуть решение проблемы финно-угорского родства.⁴

Работы, опубликованные им по материалам этой экспедиции, вызвали живой интерес к финским народам и языкам не только в Санкт-Петербурге, но и за пределами России. С одной стороны, это была самая новая по тому времени информация, с другой стороны, этим Шегрен подготовил дорогу ученым в различных областях истории и этнографии. Хотя научных итогов путешествия Шегрена с нетерпением ожидали в Финляндии, первый отклик появился в Германии. Его материалы были широко использованы немецким историком Фердинандом Мюллером в книге «Угорское племя».⁵ В своей книге Ф.Мюллер связывает имя Шегрена с именами Н.М.Карамзина и академика К.Фрахна, как наиболее известных ему выдающихся специалистов по истории России. Ф.Мюллер приводит

³ Branch M. Op. cit. P. 182.

⁴ Наиболее полный анализ методологии исследования Шегрена был сделан М. Бранчем. См.: Branch M. Op. cit. Pp. 185-219.

⁵ Müller F.H. Der Ugriesche Volksstamm. Vol. 1-2. Berlin. 1837, 1839.

большое количество исторических подробностей по Русскому Северу из публикаций Шегрена и дает достаточно точную картину заселения русскими Европейского Севера. Книга Мюллера в свою очередь сыграла значительную роль в распространении идей Шегрена в научных кругах Европы. Следует упомянуть еще одну публикацию в Германии. В 1838 г в журнале «Das Ausland» появляется обзор «О народах финно-уральской расы», подписанной фамилией Тайец. Основную часть статьи составляет подробный обзор районов Российской империи, населенных финно-уграми, с привлечением сведений по истории, этнографии, статистике и демографии. В этом описании Тайец придерживается принятой Шегреном классификации финно-угорских народов и использует опубликованные Шегреном материалы.⁶ Более существенно влияние Шегрена было на Ф.И.Видемана, становившегося тогда исследователем, продолжая еще быть учителем гимназий в Ревеле (Таллинне). Первая его научная работа прямо была посвящена анализу лингвистических сведений, собранных Шегреном в его путешествии. В своей работе о древней родине Чуди и его языковом родстве с народами Центральной Азии, Видеман впервые в науке четко формулирует 14 лингвистических принципов финно-угорского родства, одновременно предположив, что финно-угорские народы родственны монгольским, маньчжурским и татарским народам.⁷ Правда, он отмечал, что эти данные говорят не столько об одном языке, сколько об одной прародине. Позже он написал еще целый ряд работ, которые позволили пригласить его в 1856 г., после смерти Шегрена, как наиболее достойного кандидата занять кафедру финно-угорских языков в Императорской Академии наук в Петербурге. Уже эти три отклика показали, что идеи и методология Шегрена замечены в научных кругах, что они признаны его коллегами и быстро перешли в разряд всеобщих знаний.

Совершенно иная ситуация сложилась в Финляндии. В 1830-е годы в ней не было работ, равных по своему объему научных сведений

⁶ Tietz. Über die Völker der finnisch-uralischen Rasse // Das Ausland. Stuttgart und Tübingen. 1838. Ss. 1277-1315.

⁷ Wiedemann F. J. Über die früheren Sitze der tchudischen Völker und ihre Sprachverwandschaft mit den Völkern Mittelhochasiens. Revel. 1838. О Видемане см.: Setälä A.A. Dem Andeken Ferdinand Johann Wiedemann // FUF. Vol. 1905. Pp. 1-10.

публикациям Шегрена. Внимание большинства финских ученых было обращено на внутренние проблемы и связано с созданием основ финского языка и литературы, ориентировалось на сбор памятников народной поэзии. По меткому выражению профессора Лаури Хонка, «конечной целью было не больше ни меньше как дать нации историю, которой не было, язык, который был заброшен, и литературу, которая со временем выдержала бы сравнение с литературами других народов. Самым драматичным был вопрос о языке: финский должен был отстранить шведский, несмотря на то, что подавляющее большинство образованных людей не владело финским и долго еще не могло признать его обиходным для науки».⁸ Несмотря на то, что Шегрен стоял у истоков движения «романтиков Турку», поставивших перед собой эту трудную задачу, его исторические статьи были затребованы несколько позднее, в 1840-е годы, когда они стали концентрироваться на древней истории финнов. Именно в это время финские ученые ощутили необходимость в изучении родственных народов. В какой-то степени этот интерес был подхлестнут и появлением теории о урало-алтайском родстве, сформулированной Вильгельмом Шоттом в эти же годы.⁹ Тем не менее отношение к Шегрену в Финляндии при его жизни были достаточно прохладным, в первую очередь из-за того, что он постоянно проживал в Петербурге и был самым отмеченным монаршей милостью финским ученым. В то время как в Европе его считали выдающимся исследователем, один из его друзей по университету, а позднее финский сенатор, публицист, философ Снеллман, писал, что «Шегрен перестал быть финном», так как не живет на родине.¹⁰ Известно, что в период 1830-1840 гг. он предпринимал несколько попыток вернуться в Финляндию, даже выставлял свою кандидатуру на должность профессора финского языка и литературы в Гельсингфорсе, в Александровском университете. Национальными героями стали М.А.Кастрен и Э.Лённрот, которые вскоре затмили славу Шегрена. Ирония

⁸ Цит. по: Конка У.С. Путь Лённрота к «Калевале». (К 150-летию «Калевалы») // Советская этнография. 1985. ¹ 3. С. 23.

⁹ Schott W. Über das Altaische oder Finnisch-Tatarische Sprachengeschlecht. Berlin. 1849; Ravila P. Suomen suku ja Suomen kansa // Suomen historian käsikirja. Vol. 1. Helsinki. 1964. S. 1-22.

¹⁰ Snellman J.V. Saima. 1846. № 29,30.

подобных высказываний очевидна, ибо Шегрен как раз использовал все свое влияние в Академии наук для того, чтобы постоянно оказывать помощь своим землякам. Именно Шегрен добился получения денег для Императорской Академии наук для путешествия Кастрена, а его научные идеи нашли отражение в Инструкции, написанной им для него.¹¹ Академик А.Миддендорф, руководивший большой экспедицией Императорской Академии наук в Восточной Сибири, частью которого были исследования Кастрена, и знавший истинное положение дел, позднее написал о них: «Вы обнаружите в Кастрене не что иное, как метасихоз Шегрена... Его тщедушное тело отказывалось от пылкого подстрекательства его духа-исследователя, который, кажется, весь целиком перешел в Кастрена, чье путешествие является, так сказать, дополнением к путешествиям Шегрена».¹²

Шегрен был знаком с Лённротом, переписывался с ним. Именно Шегрен указал Лённроту новый район распространения рун о Калевало - Ингерманландию и просил его побывать в этих местах. Когда Лённрот в 1841 г. собирался в свое путешествие по Архангельской и Олонецкой губерниям, то Шегрен убеждал его обратить особое внимание на вепсов, на их язык, так как, по его мнению, этот аспект является ключевым в понимании этнической истории прибалтийско-финских народов. Собранные Лённротом вепские материалы были опубликованы в 1853 г. в его диссертации «О северо-чудском языке» для получения должности профессора финского языка и литературы в Александровском университете.¹³ Анализ опубликованных данных показывает, что диссертант следует в русле шегреновских идей, публикуя и пополняя его материалы. Краткий разбор деятельности Кастрена и Лённрота показывает, что постепенно методология Шегрена овладевает умами и финских ученых, оставаясь в дальнейшем главной научной доктриной вплоть до 1880 годов.

¹¹ Об этом см.: Терюков А.И. А.И.Шегрен и М.А.Кастрен. // Россия и Финляндия в XIX - XX вв. СПб. 1998. С. 3-15.

¹² Middendorff A. Compte rendu de l`année 1855 // Bulletin de la Classe Historico-Philologique de l`Académie Impériale des Sciences de St.-Petersburg. Vol. XIV 1857. Cols 1-75 (cols 6-10).

¹³ Lönnrot E. Om det Nord-Tschudiska språket. Helsingfors. 1853.

«ПОКОРИТЕЛЬ Финляндии» - ГЕНЕРАЛ ОТ ИНФАНТЕРИИ Н.М.КАМЕНСКИЙ

На рубеже ХУШ - Х1Х вв. около десятка молодых генералов, удостоились подобного эпитета, но первым в их списке неизменно стояло имя Николая Михайловича Каменского. «Умный, образованный, пышущий властью, самонадеянный, враг советов».¹⁴ Он был требователен и суров с подчиненными, мало заботился об их нуждах, но солдаты и офицеры любили его за храбрость и умение побеждать. В мирное время, даже благодаря своей знатности, Каменский вряд ли смог бы подняться выше полковника: обычная армейская рутина была органически чужда его буйной натуре. Однако как раз в начале царствования Александра I Россия постоянно воевала, порой с тремя-четырьмя противниками сразу. В результате в 23 года он уже генерал, а в 32 достигает зенита своей карьеры, снискав славу «покорителя Финляндии». Если бы не загадочная, преждевременная смерть не исключено, что именно ему было бы суждено возглавить в 1812 г. русские войска, вступившие в борьбу с «Великой армией» Наполеона Бонапарта. Французский император рассматривал молодого военачальника, как достойного соперника и не прочь был скрестить с Каменским шпага, однако судьба, или чья-то злая воля распорядились по-иному.

Николай Михайлович Каменский родился в 1777 г. в старинной аристократической семье. Его отец имел репутацию «человека со странностями, но отлично проявил себя в войнах с Турцией, и при Павле I полудни звание генерал-фельдмаршала. После смерти супруги он почти не занимался воспитанием двух своих сыновней - Сергея и Николаям, получивших соответственно наименования 1-го и 2-го, но помогал их продвижению по служебной лестнице.

В трехлетнем возрасте Каменский 2-й был записан в Новгородский полк и заочно получая раз в 2-3 года очередные звания дорос к 18 годам до подполковника. В этом возрасте он впервые появился на месте службы, и с

¹⁴ Михайлосский-Данилевский А.Н. Описание Финляндской войны 1808-1809 гг. СПб., 1841. С. 48.

неожиданным рвением взмел за изучение военного дела. Растроганный таким усердием Павел I в 1799 г. произвел его в генерал-майоры и назначил шефом Архангелогородского полка. Каменскому тут же представилась возможность оправдать высокое доверие

В сражениях молниеносной и блестящей швейцарской компании (Сен-Готард, Чертов мост) Николай Михайлович действует как опытный воин. «Юный сын ваш - старый генерал, - писал А.В.Суворов Каменскому-отцу.¹⁵

Затем следует мирная передышка, которая длится 6 лет. Повседневная служба затягивает Каменского. Его энергия требует выхода и находит его в картах и любовных романах, что едва не приводит к краху карьеры и увольнению из армии.

В 1805 г. началась 2-х летняя война с Францией в которой довелось поучаствовать всем членам клана Каменских. Оба брата отлично проявили себя, в частности, в битве при Аустерлице. В январе 1807 г. Николай Михайлович командует бригадой в кровопролитном сражении при Прейсиш-Эйлау. Во главе дивизии он предпринимает неудачную попытку деблокировать Данциг. Дело кончалось отступлением в Кенигсберг. Затем Каменский блеснул еще раз в удачном для русских бою при Гейльсберге, но кампания 1807 г. завершилась катастрофой при Фридланде. Тем не менее несмотря на неудачный исход он был произведен в генерал-лейтенанты и прочно закрепил за собой репутацию одного из самых способных и перспективных военачальников русской армии. Однако в полной мере его полководческие способности раскрылись в русско-шведскую войну 1808-1809 гг.

Война началась с того, что в феврале 1808 г. корпус Букстевдена вторгся в Финляндию и занял всю южную часть страны. Исключением стала крепость Свеаборг, в которой сконцентрировалось около трети всех шведских сил. Букстевден еще в 1805 г. был непосредственным начальником Каменского и теперь именно ему поручил осаду этой дыни. Взятие Свеаборга было уникальной в своем роде операцией, в ходе которой

¹⁵ Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии И.Д.Сытина». Т.3. СПб., 1997. С. 242-244.

сравнительно небольшому осадному корпусу удалось благодаря умелому использованию политического, психологического и военного факторов, овладеть первоклассной крепостью, защищаемой многочисленным гарнизоном.¹⁶ Н.М. Каменский при помощи ложных демонстраций и мелких нападений умело поддерживал у противника иллюзию подавляющего численного превосходства и вездесущности своих войск, усиливал у него панику. 22 апреля Свеаборг капитулировал. «Крепость, которая должна была стать символом военной славы Швеции, стала ее позором».¹⁷

Однако война только начиналась. Шведский генерал Клингспор развернул с севера успешное контрнаступление. Были утеряны Аландские острова, а по всей стране развернулось партизанское движение, ударной силой которого стали распущенные по домам солдаты-финны из свеаборгского гарнизона. Любопытно, что сам Николай Михайлович едва не стал жертвой одного из таких партизанских отрядов.

В июле 1809 г. Каменского назначили на центральный участок фронта командовать корпусом, действующим против сил возглавляемых самим Клингспором. Выступив в командование он стянул свои разбросанные на большом пространстве войска и 12 августа 1808 г. перешел в наступление. Избранная им тактика оказалась для шведов неожиданной. Вместо того, чтобы пытаться обойти противника и перерезать его коммуникации Каменский предпочел сконцентрировать свои войска (10500 человек при 38 пушках) против наиболее уязвимого левого фланга шведской операционной линии. В случае успеха на этом участке противнику грозила опасность быть отрезанным от Швеции. Стратегическая инициатива переходила к русским, а Клинтепору ничего не оставалось как группировать свои силы на этом же направлении и в конце концов принять навязанное ему генеральное сражение.

Николай Михайлович наступал напористо, следуя примеру своего учителя А.В.Суворова: основной удар он наносил с фронта, но в качестве вспомогательных действий использовал охват неприятельских флангов, что

¹⁶ См.: Бородкин М.М. Взятие Свеаборга в 1808 году // Военный сборник, 1900, № 11-12.

¹⁷ Иванов К. Дорога через мост // Родина, 1995, № 12. С. 17.

наводило на противника панику и принуждало к отступлению. Этот метод привел к тому, что шведы дважды оказались сбиты со своих укрепленных позиций - сначала при Куортане, а затем при Салми (1 и 2 сентября). Клингспору пришлось отойти к побережью Ботнического залива. Здесь у кирхи Оровайс 14 сентября и произошло сражение решившее судьбу Финляндии. Русских было около 6000 человек, шведов - около 7000. Несмотря на сильную позицию противника, части Каменского ретиво рванулись в атаку и были отброшены. Новые атаки сменялись контратаками. В решительный момент командующий клич: «Покажем шведам, каковы русские!» и лично повел в бой резервы. Этот натиск решил исход дела. Победа при Оровайсе нанесла повсеместно такое моральное потрясение, что и партизанская война практически прекратилась.¹⁸

В декабре после взятия Каменским Улеборга, между ним и генералом Клеркером была заключена конвенция в Олкиоки. Шведы покинули страну. Финны расходились по домам. Уезжая на зиму в Россию для лечения, Николай Михайлович с гордостью обозрев дело своих рук, произнес фразу, обращенную не столько к подчиненным, сколько к потомкам: «Мы завоевали Финляндию - сохраните ее».

Лечение затянулось почти не полгода. За это время Швеции был нанесен окончательный удар: по предложенному Каменским плану, корпус Шувалова двинулся на Торнее, корпус Барлая де Толли переправься по льду через пролив Кваркен к Умео, а корпус Багратиона, аналогичным маневром овладел Аландскими островами и оттуда совершил рейд на Гриссельхам. Любопытно, что первоначально, именно Николай Михайлович должен был возглавить руководство этими операциями, но сославшись на болезнь он отказался. Действия же трех корпусов привели к успеху: в Швеции началась паника, король Густав IV был свергнут в результате переворота, и новое правительство начало переговоры о мире.

Однако именно Н.М.Каменский поставил последнюю точку. 16 августа 1809 г. он принял командование улеборгским корпусом. Примирившись с потерей Финляндии, шведы решили потеснить русских в Остерботнии (северо-восточная часть Швеции). 28 августа Каменский

¹⁸ Ниве П.А. Русско-шведская война 1808-1810 гг. СПб., 1910. С. 249.

выступил навстречу двигающемуся на него отряду генерала Вреде, однако узнав, что в тылу высажен вражеский десант под командованием Вахтмейстера, круто развернул свои войска, оставив против Вреде лишь небольшой заслон. 21 августа он атаковал Вахтмейстера у Ратана и «усадил» десант обратно на суда. После этого Вреде ничего не оставалось, как последовать примеру коллеги и также отступить. Русско-шведская война завершилась.

17 сентября был подписан Фридрихсгамский мир по которому Финляндия была включена в состав России. После кратковременного отпуска Каменский производится в генералы от инфантерии и назначается командующим Дунайской армии действующей против турок. Но рассмотрение этих событий уже не входит в нашу задачу.

Тем не менее именно на этой войне и оборвался жизненный путь Н.М.Каменского. В февраля 1811 г. он серьезно заболел и слег в горячке. Вскоре, подав в отставку по болезни, выехал в Одессу на лечение. Здесь больного посетил его преемник на посту командующего Дунайской армии М.И.Кутузов. Престарелый генерал всплакнул у постели своего бывшего подчиненного. А 28 мая Николай Михайлович скончался в Одессе. После вскрытия тела были обнаружены следы отравы, однако установить виновников злодеяния не удалось. Выдвигалось множество версий - от агентов Наполеона до рогатых мужей.¹⁹

Притом, что кажется никто из современников не отзывался похвально о Н.М.Каменском как о человеке армия и общество дружно оплакивали в нем великого полководца не успевшего полностью реализовать свои возможности. Война 1812 года идеально подходила для людей подобных ему.²⁰

Тем не менее историки не дали полноценной характеристики Н.М.Каменского как военачальника и то значение, которое оказала его деятельность на ход истории. Пройдя хорошую школу под началом Суворова, Кутузова, Беннигсена он проявил себя как самостоятельный

¹⁹ См.: Дубровин Н. Граф Николай Михайлович Каменский // Военный сборник, 1865, № 5-8.

²⁰ См.: Керсновский А. История русской армии. Т. 1. М., 1992. С. 233-236, 241-245.

полководец в русско-шведскую войну 1808-1809 гг. да и в турецкую кампанию 1810 г.

В целом, тактические приемы Каменского не потрясают разнообразием: он предпочитает атаковать противника в лоб и лишь иногда дополняет эту фронтальную атаку фланговым обходом. В случаях когда противник находился на хорошо укрепленной со всех позиции (например, в крепости) это приводило к поражениям. Новаторством было использование Каменским ротных колонн (обычно, в полевых сражениях, русские войска выстраивались шеренгами или кареями), но это новаторство объяснялось объективной необходимостью - особенностями финского ландшафта.

Стратегические способности Каменского намного выше: он мастерски концентрирует свои силы на важнейшем участке линии фронта и навязывает противнику решающее сражение в наиболее выгодный для себя момент. Именно так он выиграл проведенные им.

150 лет назад русский историк Д.Бантыш-Каменский с горечью писал: «Останки фельдмаршала графа Каменского преданы земле в церкви принадлежавшего ему села Сабурова. Над ним и над прахом сына его, графа Николая Михайловича, поставлены прочные белые камни без надгробных надписей. Село перешло к стороннему владельцу. Церковь угрожает падением: умолкли в ней песни служителей алтаря. Еще несколько лет, и одни развалины будут указывать место, где покоятся два героя!» Так оно и случилось.

Карл-Эмануэл Янсон, академик живописи

К.-Э.Янссон (1846-1874) прославился небольшими по размеру изображениями интерьеров церквей и крестьянских домов Аландских островов – подлинными «жемчужинами» финской живописи прошлого века.¹ Наряду с бытовыми сценами, Янссон писал также портреты, причем портреты юнг до сего времени лучшие изображения детей в финском искусстве.² Колористическое мастерство художника, умение проникать в тайны человеческой психологии не успели раскрыться в полной мере из-за его ранней смерти. Однако талант художника успел высоко поставить его в ряду современников и был достойно оценен.

Личное дело Карла-Эмануэла Янссона, попавшее в архив Санкт-Петербургской Императорской Академии художеств, насчитывает шесть страниц - выписку из журнала Совета от 1 мая 1873 г. о признании К.-Э.Янссона, художника из Финляндии, достойного звания академика.³ В декабре 1873 г. диплом был препровожден в Канцелярию Финляндского Генерал-губернатора. Текст гласил, что Санкт-Петербургская Императорская Академия художеств за искусство и отличные познания в живописи народных сцен признает и почитает художника Карла-Эмануэла Янссона своим академиком. Это звание было присуждено Янссону за представленные на выставку 1873 г. в Петербурге две работы: «Трефовый туз» и «Сватовство на Аландских островах» (обе находятся в хельсинкском художественном музей Атенеум).

К.-Э.Янссон родился 7 июля 1846 г. в семье крестьянина прихода Финстрем (Аланды), где было семеро детей. Карл был вторым по возрасту, и, как все, посещал основанную пастором начальную школу. Хотя отец и владел небольшим хутором, достаток был не столь велик, чтобы думать о продолжении учебы мальчика. Карл становится помощником местного художника Г.Келлгрена. Заметив в юноше задатки дарования, приходский

¹ Безрукова М. Искусство Финляндии. М., 1986. С.79.

² Reitala, A. Karl Emanuel Ianssonin taide. Hels., 1976. S.87

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.789. Оп.8. Д.118. Карл-Эмануил Янсон. Л.2.

пастор Ф.фон Кнорринг, известный своей просвещенностью, выхлопотал молодому Янссону из Финляндского художественного общества небольшое денежное пособие. Эта стипендия – десять серебряных рублей в месяц – на обучение в художественной школе в Або – была невелика, да и высылали деньги нерегулярно. Однако Янссон более двух лет проучился под руководством художника Р.В.Экмана, организатора Общества. Подававший большие надежды Янссон при помощи дельнейших пособий получил возможность продолжать обучение и осенью 1862 г. был отправлен в Стокгольм в Академию художеств. Насколько была высока профессиональная подготовка Янссона, говорит тот факт, что при поступлении в Академию он миновал сразу два начальных класса. Будущий художник продолжил занятия у профессора рисования И.Ф.Хеккерта, одна из картин которого получила медаль на выставке в Париже. В шведской столице Янссону не раз приходилось голодать и жить в очень трудных для здоровья условиях. Впоследствии выяснилось, что его физическая слабость и болезнь легких получили начало именно в период учебы в Стокгольме.

Несомненна, значительна связь Янссона как жанрового живописца с творчеством Р.Экмана, учившегося, кроме Стокгольма, также в Париже и Риме. Вклад Экмана состоит в утверждении народной темы в финском искусстве. Однако работы, выполненные Янссоном в Стокгольме – «Лапландская девочка в церкви» (1864), этюды интерьеров и два портрета лапландских моряков 1865 и 1866 гг. с серовато-зеленым фоном, выявляют усвоенный художником под влиянием Й.Хеккерта тонкий колорит. В 1866 году он пишет два портрета 10-летнего Филипа Маттссона из Финстрема, корабельного юнги. Янссон изображает ребенка, которого слишком рано оторвали от детских забав и перенесли в мир взрослых мужчин. Тот же отличительный характер несет автопортрет (1866 г., Атенеум), где художник как бы примеряет щегольскую шляпу и стильный костюм, неуверенно глядя на зрителя.

Летом 1867 г. Янссон закончил Академию и возвратился на родину. Он продолжает работу преимущественно над портретами. Ему позируют

родные, друзья. Среди портретов Янсона 1860-х гг. лучшим признается портрет смеющейся старухи – «Старуха в белом чепце» (1867 г., Атенеум) как по выявлению характера модели, так и по исключительным колористическим достоинствам.

В 1868 г. пришло известие о получении пособия от правительства на поездку в Дюссельдорф. Янссон дважды приезжал в Дюссельдорф, вторично в 1871 г. Здесь он работает короткое время как ученик Г.Стевера, портретиста и исторического живописца, а затем опытного наставника жанриста Б.Вотье. Его учеба прерывалась по причине болезни, но все же недолгие занятия, а также поездка в Брюссель в 1869 г., где он познакомился с произведениями А.ван Остаде, внесли много нового в интерпретацию интересовавших его тем сельской жизни. Работа над композицией «Сельская невеста» (1869 г., Атенеум) под руководством Г.Стевера была непродолжительна, денег не хватало на оплату натуры. Учеба у Б.Вотье, потребовавшая больших материальных затрат, когда Янссон был вынужден жить за счет продажи своих картин, длилась всего три месяца. Написанная по указаниям Вотье картина «Старик, подстригающий мальчика» (1870 г., Хельсинки, част. собран.) более свободна по композиции, значимость окружающих вещей стала меньше, исчезает пассивность персонажей. Больше внимания уделено их характерам по сравнению с работой на тот же сюжет 1867 г., где изображен попросту интерьер с несколькими действующими лицами («Старик, подстригающий мальчика», 1867 г., Стокгольм, Национальный музей). Такой реализм был нов для финской жанровой живописи.

Летом 1870 г. Янссон возвратился из Германии по причине войны. Вместе с Ф.Альстедтом, другом по школе Экмана, в августе они на островах выполнили много этюдов. Маленькие живописные изображения изб и церквей – «Интерьер избы на Аландских островах» (1871 г., Атенеум) – скромный уголок крестьянского дома с потрескавшимися от времени половицами, расписной мебелью, аккуратно расставленной глиняной посудой – мастерство художника превратило в подлинные шедевры. Получила одобрение современников и картина «Трефовый туз» (1871 г.,

Атенеум), моделями которого послужили местные жители. Полное ее название – «Аландские моряки играют в каюте в карты».²¹ Рождение замысла восходит к первой дюссельдорфской поездке, когда парусное судно, на котором плыл Янссон, из-за штиля стояло три недели. От безделья моряки играли в карты. Но первый набросок Янссон сделал, когда увидел в дюссельдорфском музее картину Л.Кнауса «Шулеры» (1851 г., Дюссельдорф, Художественный музей), который в свою очередь написал ее в духе «Малых голландцев». Картина «Трефовый туз» была выставлена в Хельсинки на выставке Финского художественного Общества весной 1871 г.; она была принята современниками так же, как и написанные с юмором рассказы А.Киви.²² Осенью 1871 г., вернувшись в Дюссельдорф, художник заканчивает другое большое полотно – «Сватовство на Аландах» (1871 г., Атенеум). Его привлекает живописность обряда, красочность костюмов и быта жителей острова – рыбаков. Обе картины были присланы на весеннюю выставку 1873 г. в Санкт-Петербург, за эти полотна художник был удостоен звания академика живописи.

С произведениями К.-Э.Янссона в финское искусство вошли первые психологически зарисовки народной жизни, их отличает демократизм, самобытность, редкая для того времени свобода исполнения.

²¹ Reitala, A. Op. Cit. S.102.

²² Journal de S^tPetersbourg. 1873. 27.3.

РОЛЬ С.Ю. ВИТТЕ В РАЗВИТИИ РУССКО-НОРВЕЖСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Вторая половина XIX - начало XX веков - время стремительного экономического развития Норвегии. Ориентация норвежской промышленности и сельского хозяйства не на внутренний, а на внешний рынок обусловили заинтересованность деловых кругов в расширении связей с Россией. Увеличение норвежско-российских внешнеторговых связей потребовали новой регламентации, так как прежний договор, заключенный в 1838 г., уже давно устарел. Инициатива открытия переговоров принадлежала, однако, России в лице министра финансов С. Ю. Витте. Учитывалось при этом, что Норвегия нуждалась в новых рынках сбыта для реализации своего основного продукта - рыбы. Консул в Финмаркене В.А.Березников писал в донесении в 1895 году: «Конкуренция... все более и более затрудняет норвежский рыбный экспорт: даже отдаленная Япония и та соперничает с Норвегией в Гамбурге...».²³

Российское правительство в своей заинтересованности в расширении товарооборота с Норвегией исходило, в частности, из того, что она являлась отличным потребителем таких товаров, как пенька, смола, деготь, керосин, живой скот, масло, чай и т. д.²⁴ Во время подготовки к пересмотру договора 1838 г. были запрошены русские консулы в Швеции и Норвегии. Мнения их не совпали. Упомянувшийся выше консул В.А.Березников считал договор совершенно устаревшим, причем был уверен, что норвежцы сами нуждаются в облегчении сбыта рыбы в Россию и не могут предложить российскому правительству каких-либо встречных предложений. Поэтому он считал возможным потребовать от Норвегии в качестве взаимных уступок расширение прав, предоставляемых Норвегией русским поморам. Другой консул (в Христиании), А. А. Теттерман не видел, однако, возможности роста русского ввоза с помощью договорных изменений. Произошедшее увеличение экспорта хлеба из Российского

²³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 20. Оп. 6. Д. 991. Л. 13 об.

²⁴ Там же. Оп. 5. Д. 44. Л.16 об, 17.

государства он приписал постройке железных дорог в России и усовершенствованию в мукомольном деле Норвегии.²⁵

Далее обсуждения и рассмотрения отдельных точек зрения дело все же не шло. В 1897 г. было решено начать переговоры о заключении соглашений со Швецией и Норвегией в отдельности на принципах наибольшего благоприятствования. Необходимость отдельных договоров была обусловлена, во-первых, усилившимися в Норвегии тенденциями к политической независимости, а во-вторых, таможенной самостоятельностью Швеции и Норвегии, причем Швеция тяготела к введению протекционистских тарифов, Норвегия к фритредерству.²⁶

В сентябре 1897 г. доклад С.Ю.Витте царю о переговорах с Соединенными королевствами по поводу заключения с ними торгового соглашения был одобрен им.²⁷ Однако попытки министра финансов открыть переговоры как можно скорее тормозились со стороны министерства иностранных дел, которое поддерживало точку зрения своих представителей в Швеции и Норвегии о невозможности заключения соглашения до таможенного урегулирования между двумя странами. Витте же настаивал на спешке, «в виду обнаруживающегося в Норвегии стремления усилить путем возвышения ставок таможенного тарифа покровительство местной промышленности». Повышение тарифов, писал Витте, «могло бы лишить нас некоторых существенных преимуществ, которыми договор дал бы нам возможность воспользоваться».²⁸ Поэтому русскому посланнику в Стокгольме Е.К.Бюцову было предписано сделать официальное предложение шведско-норвежскому правительству.

Шведский министр иностранных дел Дуглас положительно отреагировал на предложение российского правительства, однако он отмечал необходимость заключения единого договора и для Швеции, и для Норвегии, а также придавал особое значение ведению переговоров именно в Стокгольме, так как опасался сепаратистских стремлений со стороны норвежского министерства. Витте сразу же ответил утвердительно. В

²⁵ Там же. Л. 12-19, 94.

²⁶ Там же. Л. 18.

²⁷ Там же. Л. 304.

²⁸ Там же. Л. 317-320.

качестве основы для нового соглашения министерство финансов предложило взаимное предоставление прав наиболее благоприятствуемой нации и некоторое сокращение в обоих королевствах таможенных пошлин на хлеб и муку, а также подтверждения беспошлинного ввоза леса, керосина, льна и других товаров.²⁹

В свою очередь, норвежские торгово-промышленные круги выдвинули ряд требований. Как доносил консул в Финмаркене в 1898 г., «норвежские правительственные сферы ожидают, что вся тяжесть наших требований сосредоточится на облегчении нашей поморской торговли на севере Норвегии». Витте считал, что основным условием с норвежской стороны будет понижение русских пошлин на рыбные товары. Подобная мысль была высказана еще ранее шведско-норвежским консулом в Архангельске.³⁰ Главные требования норвежцев сводились к значительным послаблениям по ввозу в Россию рыбных продуктов через Беломорские порты, а также предоставлению норвежским зверопромышленникам права промысла в русских территориальных водах. Но, по мнению консула Березникова, принятие их было бы роковым для поморской торговли.³¹

Необходимо отметить, что вопрос о торговом договоре с Россией занял определенное место и во внутриполитической борьбе между Швецией и Норвегией по проблеме будущего унии. Консервативные круги норвежского общества отнеслись недоверчиво к ведущимся переговорам, так как считали, что радикальная партия воспользуется моментом для «нападения на общее дипломатическое представительство Соединенных Королевств и для агитации в пользу заключения Норвегией отдельного от Швеции торгового соглашения».³²

Беспокойство консерваторов было небезосновательным. Так, на заседании стортинга 12 мая 1898 года радикальный депутат Линдбу внес предложение о том, чтобы при переговорах с иностранными державами о соглашениях, касающихся и Норвегии, правительство посылало бы особых

²⁹ Там же. Л. 328-331, 340-340 об., 343-344, 359.

³⁰ Там же. Л. 366 об., 368 об., 369.

³¹ Там же. Л. 410-413.

³² Там же. Л. 370.

делегатов для участия в обсуждении и получило отдельный оригинальный экземпляр договора.³³

Подобные настроения воспринимались в Швеции с беспокойством и в ноябре 1898 г. шведско-норвежский посланник в Петербурге заявил, что «соображения внутренней политики» заставили его правительство отложить переговоры до апреля 1899 г. Немногом ранее министр иностранных дел Дуглас заявил русскому посланнику Е.К.Бюцову, что противоречия между шведским и норвежским правительствами по вопросу о форме акта делают невозможным его заключение. К тому же понижение таможенных ставок на русский хлеб было недопустимым в виду протекционистской политики государства. Вместо этого министр иностранных дел предлагал содействие намечавшемуся открытию пароходного сообщения между Стокгольмом и одним из прибалтийских портов России, а также обмен декларациями о предоставлении друг другу прав наиболее благоприятствуемой нации.³⁴

Когда же в 1900 г. Бюцов воспользовался беседой с преемником Дугласа Лагерхеймом в надежде вновь поднять вопрос о договоре, он не встретил энтузиазма со стороны шведского правительства и получил, по сути, тот же самый ответ.³⁵

Таким образом, несмотря на энергию и усилия министра финансов С.Ю.Витте, стремившегося к скорейшему урегулированию вопроса, договор не был заключен в это время в силу ряда причин. Во-первых, сказалось наличие завышенных требований как со стороны России, так и со стороны Норвегии. В частности, российское правительство требовало еще большего снижения таможенных пошлин на ввоз хлеба, что было невозможно в сложившейся обстановке - с 1897 г. ликвидировался общий рынок Соединенного королевства. Россия же не могла предоставить льготы норвежцам для промыслов на севере страны, так как это нанесло бы удар поморской торговле. Во-вторых, отрицательную роль сыграла накалившаяся обстановка между Швецией и Норвегией по вопросу об унии. Норвежцы, боровшиеся в этот период за право иметь собственных

³³ Там же. Л. 370 об.

³⁴ Там же. Л. 455, 468-469.

³⁵ Там же. Л. 557-558.

консульских представителей за границей, требовали заключения отдельного от шведского государства договора. Безусловно, подобные настроения воспринимались в Швеции с беспокойством. Вот почему, шведское правительство, не желая усугублять существующее положение, поспешило свернуть переговоры с Россией. В результате, русско-норвежские отношения продолжали регулироваться договором 1838 г.

Консул Ф.С.Платоу и дело о «шпионаже» его русской супруги

В январе 1938 г. Наркомат иностранных дел потребовал от норвежского правительства закрытия к 1 апреля Генконсульства в Ленинграде. Официально утверждалось, что это делается во исполнение решения советского правительства о ликвидации представительств в тех случаях, когда их число превышало количество имеющихся консульств СССР в соответствующей стране.³⁶ На деле эта акция была данью нарастающей шпиономании и подозрительности. Требование вызвало недоумение Осло, так как противоречило духу и букве действующего договора. Однако НКВД не стал пересматривать своего решения и консульство, действовавшее с 1924 г., было закрыто.

По этой причине нашу страну покинул один из самых опытных норвежских дипломатов, прекрасно знающий Россию и связанный с ней тесно родственно - Финн Стоуд Платоу (1888 – 1952). Его служба в России длилась с 1910 г. и до мая 1938 г. Он стоял у истоков советско-норвежской торговой деятельности, будучи в 1921 - 1924 гг. первым торговым агентом Норвегии в Петрограде. В 1924 г. после восстановления дипломатических контактов явился уже консулом (с 1936 г. - генеральным) в Ленинграде, действуя там до самого его закрытия, и многое сделал для укрепления взаимопонимания с СССР.

События, связанные с ликвидацией консульства и отъездом Ф.Платоу, начались с того, что 13 марта 1938 г. в Ленинграде органами НКВД была арестована советская гражданка Вера Николаевна Гютине. Этот арест вызвал небывалую активность посольства Норвегии. Уже через день по личному поручению министра иностранных дел норвежский посланник А.Т.Урби обратился к наркому иностранных дел М.М.Литвинову с целью добиться ее освобождения, а затем, в конце марта передал в НКВД подробный меморандум. Но реакция на это была лаконичной: «В дело». Такая же судьба постигла и документ от 3 мая того же года. В нем бывший

³⁶ АВП РФ (Архив внешней политики Российской Федерации). Ф. 0116. Оп. 21. Д. 2. Л. 3 - 4, 21 - 22, 35.

генконсул Финн (Федор Иванович, как его иногда называли в России) Платоу просил разрешения на личную встречу с арестованной.³⁷

Кем была эта женщина, вызвавшая настойчивые дипломатические действия норвежского посольства? В.Н.Гютине (девичья фамилия Кулакова) родилась в Твери 19 октября 1894 г. Первым её мужем был Гютине Генрих Августович, француз по происхождению, принявший русское гражданство еще до революции. Он был арестован в Ленинграде по делу “Лицеистов” и по приговору суда расстрелян 1 июля 1925 г. Вдова стала работать в конторе концессионной фирмы, руководитель которой познакомил Веру Николаевну с норвежским консулом в Ленинграде Финном Платоу. После этого оба они немолодые уже люди, заключили между собой неофициальный брачный союз и жили на квартире консула в особняке на Каменном острове. Поскольку консул все же был ранее женат, то много лет добивался развода. Только 2 февраля 1938 г. таковой был оформлен министерством юстиции Норвегии. Одновременно норвежские власти признали законным его второй брак с В.Н.Гютине. После этого Платоу и Гютине обратились в советский ЗАГС для регистрации их брака, но 13 марта во время посещения паспортного отдела Гютине была арестована.

Как же поступил в сложившейся ситуации тогда посланник Норвегии в Москве А.Урби? Он предложил официально НКВД освободить Гютине и высылать за границу, гарантировав при этом, что норвежское правительство немедленно выдаст ей норвежский паспорт и обеспечит выезд из СССР. При этом посланник абсолютно не верил в её виновность.³⁸

Изыскивая в последующем все новые аргументы в пользу арестованной Урби ссылаясь на то, что норвежское правительство недавно пошло на большие уступки СССР в деле закрытия своего генконсульства в Ленинграде и как бы намекал, что освобождение Гютине могло стать ответной акцией с советской стороны. Посланник указывал на тот факт, что норвежская высшая юридическая инстанция официально оформила второй брак Ф.Платоу, а значит, на его супругу распространялось норвежское

³⁷ Там же. Ф. 0116. Оп. 21. Д. 2. Л. 26, 27, 34.

³⁸ Там же. Л. 28., 29.

подданство.³⁹ Даже при наличии вины она подлежала бы только немедленной высылке из СССР. Но аргументация посланника была оставлена НКВД без последствий.

Единственным результатом обращений стало разрешение НКВД (в начале мая 1938 г.) передавать заключенной посылки. Сам Платоу к этому времени вынужден был уехать из страны, но именно он, любя Веру Николаевну, инициировал всю норвежскую кампанию в её защиту.

С мая 1939 г. переговоры по делу Гютине-Платоу норвежская миссия вела с новым главой НКВД В.М.Молотовым. Внимание наркома было привлечено к тому факту, что “непрекращающиеся обращения по этому делу, как со стороны Норвежской миссии, так и со стороны Норвежского Министерства Иностранных дел явно свидетельствуют о том большом значении, которое Норвежское Правительство придает удовлетворительному урегулированию этого вопроса”.⁴⁰ Но НКВД вместе с тем ограничивал свои действия лишь пересылкой норвежских посланий в адреса других инстанций.

Норвежские же представители сделали все, что могли и даже более того. Мартовский (1938) и майский (1939) меморандумы Норвегии по делу В.Н.Гютине **беспрецедентны**. Подобного рода документов по размерам, форме и содержанию более не встречается в архивах русско-норвежских отношений. Миссия надеялась, что это поможет оправданию заключенной.⁴¹ Однако события развивались по иному сценарию.

Гютине была арестована Управлением НКВД по Ленинградской области. Обвинительное заключение вменило ей в вину сбор шпионских сведений для генконсула Платоу и норвежского же подданного, но резидента английской разведки Э.А.Ли. Последний был выдворен из СССР еще в 1934 г. Следствие длилось более года. Обвиняемая казалась сломленной. Но когда 19 июня 1939 г. она предстала перед Военным трибуналом, то отказалась признать себя виновной, объяснив судьям, что

³⁹ Там же. Л. 28-29, 34; Оп. 22. Д. 2. Л. 50.

⁴⁰ Там же Ф. 0116. Оп. 22. Д. 2. Л. 50-51.

⁴¹ Там же.

“на следствии давала показания под физическими мерами воздействия”.⁴² Тогда суд был прерван и дело направили на доследование.

В апреле 1940 г. Норвегия была захвачена войсками фашистской Германии и В.Н.Гютине временно лишилась поддержки норвежских дипломатов. Решением Особого Совещания от 2 сентября 1940 г. она была приговорена к 8 годам исправительно-трудовых лагерей.⁴³

Тем временем события развивались так, что после нападения Германии на СССР Москва восстановила дипломатические отношения с эмигрантским правительством Норвегии в Лондоне. И оказалось, что норвежские официальные круги не забыли о В.Н.Гютине. Уже 4 октября 1941 г. норвежская миссия вновь запросила НКВД о её судьбе. 16 февраля 1942 г. посол Р.О.Андворд в беседе с заместителем наркома иностранных дел А.Я.Вышинским просил содействия в освобождении и отправке Гютине к мужу в Сидней. 12 марта Андворд в ходе встречи с заведующим отдела Скандинавских стран П.Д.Орловым снова подробно рассказал ему о тяжелых переживаниях Платоу и заявил о том, что это «единственный вопрос, который бросает тень на сердечные отношения между СССР и Норвегией». Он указал, что В.Н.Гютине отбыла в заключении уже 4 года и может быть к ней возможно применить амнистию, добавив, что, если “по этому вопросу необходимо обратиться к Сталину, он готов немедленно сделать это.” На что Орлов заметил, что “считает нецелесообразным обращение к Сталину, так как он чрезвычайно занят другими вопросами огромной важности”.⁴⁴

А 10 апреля 1942 г. из НКВД неутешительно ответили: что оснований к пересмотру дела нет, но вновь разрешили передавать ей посылки.⁴⁵ Однако с норвежской стороны 31 августа 1942 г. было направлено ходатайство непосредственно Сталину от премьер-министра Ю.Нюгордсволла с просьбой о помиловании В.Н.Гютине и разрешении ее выезда из СССР. Этот документ был вручен послом Р.О.Андвордом В.М.Молотову 1 октября с приложением меморандума по этому вопросу. К

⁴² Архивная справка по делу В.Н.Гютине в Управлении Федеральной службы безопасности РФ по С.-Петербургу и области. С. 2.

⁴³ Там же.

⁴⁴ АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 24. Д. 7. Л. 8-9.

⁴⁵ Там же. Оп. 25. Д. 4. Л. 9.

сожалению, в делах не найдено никаких резолюций И.В.Сталина. Известен только результат: Вера Николаевна продолжала находиться в заключении. Правда, с 1942 г. она регулярно получала денежные переводы. С 1943 г. норвежское посольство высылало В.Н.Гютине 1200 - 1300 рублей ежемесячно.⁴⁶

По окончании войны в 1945 г. норвежское посольство вновь обратилось в НКВД с ходатайством о досрочном освобождении Гютине из заключения и разрешении ей выезда за границу. Но вновь был получен отказ. Она была освобождена из лагеря только по отбытии срока в 1946 г. и первоначально поселилась в Калуге. Ею поддерживалась связь с норвежским посольством, через которое получала от мужа материальную помощь, но выезд за границу и воссоединение с семьей был запрещен. Более того в начале марта 1948 г. она была выслана на поселение в Красноярский край, где проживала в селе Албан. До 1950 г. В.Н.Гютине продолжала получать денежные переводы из посольства Норвегии в Москве. Но вызволить её на свободу норвежские дипломаты оказались бессильны также и не известен финал её жизненного пути. Компетентные органы Красноярского края не дали на это ответа. Установлено лишь, что Военным трибуналом Ленинградского Военного округа от 4 июля 1956 г. она была реабилитирована “за отсутствием в её действиях состава преступления”.⁴⁷ Так бесславно закончилась эта “шпионская история”, превратившаяся в трагедию семьи Гютине-Платоу.

Что касается её супруга Финна Платоу, то в 1947 г. он был переведен по службе из Сиднея в Марсель, где и скончался 8 июня 1952 г., работая консулом.⁴⁸

В рассмотренной документальной истории характерна моральная сторона дела. В ней норвежская дипломатия, сам Ф.Платоу проявили высокую нравственность, стойко и последовательно отстаивая права человека. По этому вопросу в течение пяти лет было предпринято более 50 обращений в соответствующие советские инстанции. К сожалению, они

⁴⁶ Архивная справка... С. 2.

⁴⁷ Там же. С. 2-3.

⁴⁸ Hvem er Hvem? 1955. Oslo, 1955. S. 719.

оказались безрезультатными в условиях репрессивной системы того времени в СССР.

АРХИВНЫЕ РАЗЫСКАНИЯ ЮРИЯ ФЕДОРОВИЧА ДАШКОВА
В СЕВЕРНЫХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Юрий Федорович Дашков – наш современник, по профессии – журналист-международник. Он около десяти лет работал корреспондентом газеты «Сельская жизнь» по Скандинавским странам, а затем был заведующим отделением ТАСС в Финляндии.

В начале 60-х, когда администрация Королевской библиотеки в Стокгольме пригласила журналистов на церемонию открытия выставки, посвященной Ленину, Юрию Федоровичу самому пришла мысль попытаться разыскать неизвестные ранее следы пребывания Владимира Ильича в Скандинавии. В 1962 году и произошло «боевое крещение» на архивном фронте. Именно тогда в старинном сером здании министерства иностранных дел Швеции, расположенном на площади Густава-Адольфа, начальник архива положил перед Ю.Ф.Дашковым папку с надписью на обложке: «Русские и финские эмигранты в Швеции. 1906 год». С той поры «архивная лихорадка» захватила его.

Он много часов и дней просидел в архивах Швеции, Дании, Финляндии и Норвегии. Всюду, куда ни заносила Юрия Федоровича журналистская судьба, он старался выкроить пару часов, чтобы забежать в архив, в библиотеку, полистать пыльные подшивки газет, порыться в фондах, поговорить с людьми, которые сами были свидетелями и участниками исторических событий.

Ему удалось разыскать ряд интереснейших и чрезвычайно ценных документов о деятельности российских социал-демократов в Швеции, Дании и Финляндии, об их связях с местными либеральными и революционными деятелями.

В ходе исследования событий он все глубже понимает, как важно полнее знать сделанное предшественниками. И было еще при этом одно неперемное условие: желательно знать как можно больше языков.

Так в фондах А.Неовиуса и К.Вийка лежат документы на шведском, датском, норвежском, английском, немецком, французском, финском и русском языках. Впервые сам Юрий Федорович приехал работать в Стокгольм, владея шведским и немецким языками. Зная шведский, читал на датском и норвежском. Позднее, чувствуя, что многое не понимает, стал изучать французский, а затем, перед поездкой в Финляндию – финский. «Сама жизнь заставляла», - говорил Ю.Ф.Дашков.

Результатом настойчивых разысканий стали очерки и статьи Юрия Федоровича, которые публиковались в газетах, журналах, сборниках. В 1971 г. выходит первая книга Ю.Ф.Дашкова «По ленинским местам Скандинавии» с подзаголовком: «Журналистский поиск». Благодаря этой книге, которую достаточно высоко оценили многие историки, Ю.Ф.Дашков защищает в университете города Тарту кандидатскую диссертацию. Позже он выпускает еще четыре книги. Одна из заметных, которую опубликовало издательство «Мысль» в 1980 году, «У истоков добрососедства» с подзаголовком: «Из истории российско-финляндских революционных связей».

Замечательное качество Юрия Федоровича, который, работая в архивах, думает не только о себе, но и о тех товарищах-историках, которые исследуют подобные темы. Его заботили и разыскания будущих историков, которым придется еще работать в архивах.

Так, он считал, что в городском архиве Стокгольма надо еще раз тщательно просмотреть анкеты полицейских допросов российских граждан, прибывших весной 1906 г. в Стокгольм, Здесь же хранятся архивы полицмейстеров Стокгольма и Мальме. Почему бы не просмотреть дела, например, за 1906 и 1917 гг.? Ведь полиция наверняка следила за приезжими российскими политэмигрантами, и в этом архиве могут оказаться важные документы. В полицейском архиве, как считал Ю.Ф.Дашков, могли сохраниться документы о приезде в город Мальм делегатов V-го съезда РСДРП.

Юрий Федорович считал, что еще ждут своих исследователей фонды шведских социал-демократов Фредрика Стрема, Карла Чилбума,

Цета Хеглунда, Карла Линхагена, Туре Нермана. Все они встречались с российскими социал-демократами, некоторые вели переписку с ними.

В Копенгагене, в архиве рабочего движения, как считал Ю.Ф.Дашков, желательно было просмотреть фонды материалов левых социал-демократов, и, прежде всего – Г.Трира. Там могут быть документы о приезде российских социал-демократов на Копенгагенский конгресс II Интернационала, о транспортировке революционной литературы в годы войны и другие. Не менее важно было бы разыскать фонд бывшего председателя Норвежской рабочей партии Оскара Ниссена.

В Финляндии, на взгляд Ю.Ф.Дашкова, следовало бы еще раз внимательно просмотреть рукописные фонды в Славянской библиотеке университета Хельсинки, где долгое время работал Владимир Мартынович Смирнов. Здесь могут сохраниться документы, которые связаны с историей революционных событий в России. Ведь были же донесения жандармов, что архив РСДРП хранится в русской библиотеке университета.

Как считал Ю.Ф.Дашков, недостаточно изучен архив Финляндской социал-демократической партии, где в течение ряда лет работал К.Вийк. Заметим, что благодаря разысканиям Ю.Ф.Дашкова, удалось обнаружить дневник К.Вийка за 1917 г. и уточнить многие события и даты, относящиеся к августу-сентябрю.

Сам Юрий Федорович был убежден, что у будущих исследователей, занимающихся историко-революционной тематикой, может быть еще немало интересных находок в архивах Северной Европы.

Юрия Федоровича не стало 12 марта 1993 г. Сердце участника Великой Отечественной войны перестало биться. Он оставил после себя не только десятки очерков, статей, книги. Его перу принадлежат краткие обзоры русских фондов в Государственном архиве Финляндии,¹ а также обзор материалов о связях российских и шведских социал-демократов в Стокгольме (1901-1917 гг.).² Это фонды Стокгольмского городского архива, Архива рабочего движения и Архива МИД Швеции.

¹ Советские архивы. 1973. № 1. С.93

² Советские архивы. 1973. № 5. С.100

БИТВА ЗА ЛЕНИНГРАД В ИССЛЕДОВАНИЯХ ХЕЛЬГЕ СЕППЯЛЯ

Когда в 1986 г. спросили приехавшего из Финляндии в Петрозаводск финского военного историка Хельге Сеппяля, какое из своих произведений он считает лучшим, то последовал ответ: «Первая моя работа "Битва за Ленинград и Финляндия", которая появилась в 1969 г.».⁴⁹ Действительно, эта книга, изданная тогда в Хельсинки,⁵⁰ привлекла к себе значительное внимание как в самой Финляндии, так и за ее пределами. Интерес к этому исследованию вызывался не только самой его темой, которая еще не разрабатывалась в таком направлении, но и стремлением автора, основываясь на многочисленных документальных и иных источниках, объективно подойти к определению места Финляндии в битве за Ленинград. То обстоятельство, что Х.Сеппяля владел русским языком, позволило ему проделать двусторонний анализ описывавшихся событий, используя в должной мере советскую историческую литературу. В последующих своих книгах об участии Финляндии во второй мировой войне исследование вопросов, касавшихся битвы за Ленинград, получило у него дальнейшее развитие и углубление. Особенно это видно из его книги «Финляндия как агрессор в 1941 году», частично переведенной на русский язык и опубликованной в Петрозаводске в журнале «Север» в 1988 г.⁵¹

Но прежде всего кратко остановимся на жизненном и творческом пути известного финского историка. Родился он в купеческой семье в 1924 г. Ранняя молодость прошла на войне (с 1942 г.). Избрав для себя в конечном счете военную профессию он окончил кадетскую школу, а затем и военную академию. После службы в артиллерийских войсках Х.Сеппяля стал офицером генерального штаба, а затем там же и начальником военно-

⁴⁹ Helge Seppälä - toisinajatteleva historian tutkija. Haastellut Ulla-Liisa Heino // Punalippu. 1986. N 4. S. 127.

⁵⁰ Seppälä H. Taistelu Leningradista ja Suomi. Porvoo-Hels. 1969.

⁵¹ Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo-Hels.,-Juva. 1984; Сеппяля Х. В кильватере Германии. Фрагменты из книги «Финляндия как агрессор в 1941 году» //Север. 1988. №7.

исторического отдела. Был он в продолжении нескольких лет (в 1967-1974 гг.) преподавателем военной истории в академии и во второй половине 60-х гг. являлся секретарем Военно-исторического общества. Обладая незаурядными исследовательскими способностями Х.Сеппяля написал до десятка книг и сотни научных, а также популярных статей, стремление не отступать от исторической правды и сохранять принципиальность в оценке событий прошлого стало в последние годы создавать трудности в издании им написанных работ. Особенно это проявилось при публикации им острой по содержанию книги «Финляндия как оккупант в 1941-1944 гг.», где речь идет об оккупации финскими войсками советской Карелии. Когда работа была все же издана, то в адрес автора стали раздаваться угрозы и злобные телефонные звонки, о чем пришлось информировать даже полицию.⁵²

Работы Х.Сеппяля явно имеют существенные отличия по своему подходу к изложению определенных событий прошлого от того, как истолковывают их долгие годы в финской историографии. По его оценке «многие в Финляндии не осмеливаются признавать, что они пишут историю искаженно». При этом, отмечает он, «слабость финских исторических работ заключается в том, что они основаны исключительно на финских источниках, которые являются... односторонними и субъективными».⁵³ В своей статье об ответственности исследователей и преподавателей военной истории, опубликованной в 1981 г., Хельге Сеппяля писал, что «беспристрастная исследовательская работа и обучение требуют от соответствующих людей высокой морали ученого».⁵⁴

Именно такой критерий проявился у Х.Сеппяля при написании книги «Битва за Ленинград и Финляндия», а также с обращением к этой теме в последующих работах. Он опирался в своих исследованиях на широкий круг финских и зарубежных источников.

Первоначально при переходе к конкретному изложению событий, связанных с битвой за Ленинград в 1941-1944 гг. и раскрытию в этой связи

⁵² Sotahistorioitsija Helge Seppälä: Suomalaiset syyllisid rotuerotteluun Itä-Karjalassa // Helsingin Sanomat. 1989. 22.2; Suomalainen «rushdie-ilmiö»: Seppälälle uhanssoittoja kirjasta // Tiedonantaja. 1989. 2.3.

⁵³ Helge Seppälä - toisinajatteleva historiantutkija. S. 127,128.

⁵⁴ Seppälä H. Sotahistorian tutkijan ja opettajan vastauksia // Maailma ja Me. 1981, N 3. S.16.

позиции Финляндии, автор делает далекий экскурс в прошлое, чтобы показать как исторически развивалась борьба у невских берегов между Россией и Швецией до основания Петербурга, а затем и после этого. Три главы посвящены раскрытию того, какое место занимал Ленинград в советско-финляндских отношениях 20-40-х годов, где особое внимание уделено «зимней войне» 1939-1940 гг. и процессу, происходившему после нее вплоть до лета 1941 г, Касаясь здесь того, как со стороны Москвы проявлялось стремление достигнуть в своих отношениях с Финляндией решения проблемы обеспечения безопасности Ленинграда, Х.Сеппяля считает, что уже на тартуских мирных переговорах 1920 г. «у советской делегации было намного лучшее представление о стратегических вопросах, чем у финнов...».⁵⁵ Речь в данном случае идет о том, что Советской Россией выдвигалось тогда предложение о том, чтобы отодвинуть границу от Петрограда и предлагалось в качестве компенсации за утраченную Финляндией территорию на Карельском перешейке-район Печенги /Петсамо/ и часть полуострова Рыбачий.

В книге делается вывод, что предложения СССР по поводу изменения границы с Финляндией «во многих отношениях были такими же, что и 20 лет тому назад, какие выдвигались в Берлине и Тарту». Автор подчеркивает, что Советский Союз готов был решить с Финляндией конкретно дело относительно территориальных уступок.⁵⁶ В свою очередь глава финской делегации на осенних переговорах 1939 г. в Москве Ю.К.Паасикиви, а также маршал К.Г.Маннергейм были склонны вопреки палящий своего правительства пойти на компромисс с Советским Союзом. В данном случае Х.Сеппяля отмечает: «При рассмотрении со стратегических позиций видно, что короткий путь к Москве шел тогда через Ленинград. Возможно, именно по этим стратегическим причинам Маннергейм, как военный, не одобрил политику правительства Финляндии и срыв переговоров. Он был готов идти дальше в уступках и также, как Паасикиви передать остров Юссарё»,⁵⁷ поскольку финское

⁵⁵ Seppälä H. Taistelu Leningradista ja Suomi. S. 55.

⁵⁶ Ibid. S. 70.

⁵⁷ Ibid. S. 72.

правительство не шло на предоставление в аренду Советскому Союзу находившийся там же полуостров Ханко.

Когда Х.Сеппяля писал свою книгу, то в советской литературе утверждалось еще, что «Финляндия начала в 1939 г. войну против СССР», прибегнув к провокациям на границе. Автор опроверг это утверждение. Из рассекреченных же теперь документов известно, что Сталин в своем выступлении в Кремле 17 апреля 1940 г. на совещании с командным составом Красной Армии довольно четко сказал: «Ясно, что коль скоро переговоры мирные с Финляндией не привели к результатам, надо было объявить войну, чтобы при помощи военной силы организовать, утвердить и закрепить безопасность Ленинграда и, стало быть, безопасность нашей страны».⁵⁸

Для российских историков несомненный интерес представляет обстоятельное изложение Х.Сеппяля хода боевых действий на Карельском перешейке в период «зимней войны» 1939-1940 гг. и политической обстановки, складывавшейся в это время, а также начавшийся процесс активного сближения с Германией вскоре после заключения Московского мирного договора 12 марта 1940 г. На документальном материале подробно раскрыт ход военного сотрудничества между Германией и Финляндией, размещение немецких войск на финской территории и конкретная разработка генеральными штабами обеих стран оперативного плана наступления финских войск на ленинградском направлении,

При описании вступления Финляндии в войну на стороне Германии Х.Сеппяля показывает несостоятельность утверждения, неизменно повторяющегося в финской историографии, что это произошло в результате агрессии со стороны СССР 25 июня 1941 г., когда советские самолеты подвергли бомбардировке финские аэродромы, использовавшиеся немецкой авиацией для проникновения в воздушное пространство Ленинграда. По словам Х.Сеппяля, «действия военно-воздушных сил Советского Союза лишь облегчили государственному руководству Финляндии принять окончательное решение» и прямо таки

⁵⁸ Зимняя война 1939-1940. Кн.2. И.В.Сталин и финская кампания (Стенограмма совещания при ЦК ВКП/б/), М.1999. С. 272.

«спасло» его, да к тому же вывело и военное руководство «из щекотливого положения».⁵⁹

Намерена ли была Финляндия участвовать вместе с немецкие войсками во взятии Ленинграда? Исходя из намеченных совместных германо-финляндских оперативных планов, которые раскрывает Х.Сеппяля, сомнений в достижении такой цели нет. Главный удар, который наносился финскими войсками на свирском участке, был рассчитан на соединение с германской группой армий «Север» и окружение Ленинграда. Не приостановилось наступление финской армии и на Карельском перешейке после выхода 1 сентября 1941 г. к старой государственной границе. Она продвигалась дальше на ленинградском направлении почти десять дней и заняла часть территории на подступах к Сестрорецку и к северо-востоку от него.

Вряд ли можно здесь, однако, согласиться с Х.Сеппяля, что приостановившееся наступление финских войск явилось результатом проявления доброй воли Маннергейма. Автор пишет, что «Маннергейм отказался от дальнейшего наступления на Ленинград во избежание напрасного кровопролития».⁶⁰ А в другом случае склонен даже считать, что «Маннергейм заслужил, возможно, прямо таки орден за спасение Ленинграда» и добавляет без какой-либо конкретизации: «Он снискал и своего рода признательность Сталина».⁶¹

Объяснение причин, почему не смогли финские войска дальше продвигаться на ленинградском направлении, явно упрощено. Прежде они нами уже неоднократно излагались и находят поддержку у исследователей также в Финляндии.⁶²

Излагая период позиционной войны 1942-1943 гг. и соучастия Финляндии в блокаде Ленинграда Х.Сеппяля сочувственно говорит о больших жертвах, понесенных жителями города в период голода. Но вместе с тем заключает так: «Мы, финны, не чувствуем виновности, хотя и

⁵⁹ Seppälä H. Taistelu Leningradista ja Suomi. S. 125; Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941. S. 103.

⁶⁰ Seppälä H. Taistelu Leningradista ja Suomi. S. 136-137.

⁶¹ Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941. S. 180.

⁶² Барышников Н.И. Маннергейм и блокада Ленинграда // Петербургские чтения 98-99. СПб. 1999. С.442.

держали блокадное кольцо, а также являлись его важным связующим звеном, стоя на Свири, у Беломорского канала и Мурманской дороги. Если мы так или иначе все же повинны в смертельной трагедии, то, с другой стороны, спасли Ленинград или быть может помогли Красной Армии в его спасении, не ведя, собственно, военных действий».⁶³ Явно идеализируя роль финской армии и говоря даже о ее «заслуге» в ходе блокады Ленинграда, автор забыл упомянуть, что они приковала к себе часть сил Ленинградского фронта и войска Карельского фронта. К тому же попытка перекрыть в 1942 г. Дорогу жизни путем захвата на Ладожском озере острова Сухо предпринималась с финской стороны, из района Сортавала.

Заключительная часть изложения Х.Сеппяля позиции Финляндии и действий ее армии в битве за Ленинград посвящена событиям лета 1944 г., когда советские войска предприняли мощное наступление на Карельском перешейке и в Карелии. Произошло это потому, отмечает автор, что, «с позиции Советского Союза обстановка на Балтийском море и вопрос о безопасности Ленинграда не были еще решены»: после ликвидации в январе 1944 г, блокады города финские войска все еще продолжали находиться в непосредственной близости от него. Описав ход боевых действий, в результате которых советские войска за короткое время овладели Выборгом, Сеппяля делает вывод, что наступление Ленинградского фронта было остановлено упорным сопротивлением финских войск.⁶⁴ В этом отношении его позиция не отличается от точки зрения и многих других историков Финляндии.

Действительно, после полученного Финляндией подкрепления немецким противотанковым оружием и авиацией, бои северо-восточнее Выборга стали носить упорный с финской стороны характер и продвижение советских войск замедлилось «Но обстановка могла сразу измениться при введении в действие дополнительных сил в распоряжение 21-й армии. Однако Советское Верховное Главнокомандование не пошло на это, несмотря на обращение командующего войсками Ленинградского фронта к И.В.Сталину с соответствующей просьбой. Больше того Сталин

⁶³ Seppälä H. Suomi hyökkäys 1941. S. 228.

⁶⁴ Seppälä H. Taistelu Leningradista ja Suomi. S. 233, 274-275.

распорядился снять ряд дивизий с финского фронта, чтобы направить их для использования в готовившемся наступлении на других направлениях. Как доносила финская радиоразведка в ставку Маннергейма о перехваченной и расшифрованной телеграмме - ответе Сталина Говорову, в ней было сказано: «Война будет решаться в Берлине, а не в Хельсинки».⁶⁵

Принято считать, что подписание соглашения о перемирии с Финляндией 19 сентября 1944 г. завершило события, связанные с битвой за Ленинград в ходе минувшей войны. Была восстановлена государственная граница, определенная мирным договором 1940 г., и тем самым ликвидировалась остававшаяся угроза городу с севера.

Заканчивая свою книгу «Битва за Ленинград и Финляндия» Хельге Сеппяля писал: «Соседство Ленинграда и Финляндии является стратегическим фактором, который и далее будет в центре внимания нашей политики безопасности».⁶⁶ Такой вывод уважаемого коллеги - финского исследователя, являющегося членом Ассоциации историков блокады и битвы за Ленинград в годы второй мировой войны, которая основана в Санкт-Петербурге, свидетельствует о глубоком понимании им опыта прошлого и важности учета его в ходе последующего исторического развития.

⁶⁵ Lehmus K. Tuntematon Mannerheim. Hels. 1967. S. 180.

⁶⁶ Seppälä H. Taistelu Leningradista ja Suomi. S. 290.

М.И.БЕЗРУКОВА – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСКУССТВА
СЕВЕРНЫХ СТРАН

Российская скандинавистика, отечественное искусствознание понесли большую потерю – 5 октября 1999 года не стало одного из крупнейших специалистов в области изучения искусства скандинавских стран и Финляндии – Мирославы Ивановны Безруковой – кандидата искусствоведения, члена Союза художников России.

Спектр научных интересов М.И.Безруковой был достаточно широк – от монументальной росписи и декоративно-монументальной пластики до станковой живописи и гравюры. В поле ее зрения находились все Северные страны – Дания, Норвегия, Швеция, Исландия, - но особое внимание она уделяла искусству Финляндии, где бывала много раз. Мирослава Ивановна была лично знакома со многими видными деятелями финской культуры, директорами художественных музеев и галерей, финскими художниками. Она много сделала для популяризации скандинавского искусства в нашей стране и как исследователь, и как активный участник процесса взаимопроникновения, взаимообогащения культур, способствуя укреплению доверия и взаимопонимания между народами.

М.И.Безрукова окончила отделение искусствоведения исторического факультета Московского государственного университета. В 1973 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата искусствоведения на тему «Реалистические тенденции в монументальном скандинавском искусстве (первая половина XX века)». Научно-исследовательская деятельность ее была связана с Государственным музеем изобразительных искусств им. А.С.Пушкина в Москве, где она долгие годы работала в качестве научного сотрудника.

Мирослава Ивановна жила и работала в Москве. Но очень многое связывало ее с Петербургом, куда приезжала на открытие выставок скандинавского искусства. Она принимала участие в научных конференциях, часто работала в Научной библиотеке Эрмитажа. Тесная

дружба связывала М.И.Безрукову со старшим научным сотрудником Эрмитажа А.Е.Кроль - хранителем английской и скандинавской живописи в собрании музея.

70-е – 90-е гг. – время появления фундаментальных исследований по истории скандинавских стран. Главы, касающиеся искусства и архитектуры в исследованиях по их истории, написаны при участии М.И.Безруковой или ею самостоятельно.¹ Последние же годы жизни она уделяла исследованию и популяризации датской культуры.²

Однако все же основное направление в ее деятельности представляло собой изучение искусства Финляндии. Можно по праву сказать, что во многом благодаря ее стараниям финское искусство стало широко известно в России.³ Самым значительным достижением М.И.Безруковой в этой области явилась монография «Искусство Финляндии. Основные этапы становления национальной художественной школы» (М., 1986). Это издание в своем роде уникальное. Впервые российскому читателю представлена цельная картина развития финского искусства, начиная с эпохи средневековья до наших дней. Интересно в этой связи отметить, что книга эта получила очень высокую оценку самих финнов. Из личной беседы с писателем Юрием Рытхэу известен следующий случай. Когда Ю.Рытхэу находился в Финляндии, он попросил сопровождавших его финнов показать ему наиболее значительное исследование в области финской культуры, появившееся за последние годы. Как же он был удивлен и обрадован, когда финны представили ему работу не своего соотечественника, не «западного» исследователя, а российского автора – монографию М.И.Безруковой «Искусство Финляндии».

¹ История Швеции. М., 1974; История Норвегии. М., 1980; История Дании с древнейших времен до начала XX века. М., 1996; История Дании XX век. М., 1998.

² Достаточно упомянуть в этой связи статью М.И.Безруковой в журнале «Творчество» (1990, № 12) – «Золотой век датской живописи», посвященную проходившей в Москве выставке с одноименным названием, и научно-популярную книгу «В стране Гефион. Слово о Дании» (М., 1990), где М.И.Безруковой написаны разделы, касающиеся искусства.

³ Еще в 60-70-е гг. были выпущены комплекты открыток «Вяйне Аалтонен» 1961; «Современная финская гравюра» 1962; «Современные финские художники» 1978, снабженные комментариями М.И.Безруковой. Позже появились: Живопись Финляндии XVIII – XIX вв. Выпуск I, 1981; Живопись Финляндии XIX в. Выпуск II, 1982. В 1981 г. издан альбом «Вяйне Аалтонен».

Как член Союза художников России Мирослава Ивановна была связана с выставочной деятельностью. Редкая выставка скандинавского искусства в Советском Союзе обходилась без ее участия. М.И.Безрукова была своеобразным летописцем советско-скандинавских художественных связей, и, думается, что систематизированный в этой области ее материал никогда не утратит своей актуальности.⁴

Весной 1997 г. исполнилось 125 лет со дня рождения С.П.Дягилева – выдающейся личности в истории русской и мировой культуры рубежа XIX – XX веков. В этот же год отмечалось и столетие со времени показа в Санкт-Петербурге организованной Дягилевым выставки скандинавской живописи. А год спустя, в 1998 г., - столетие международной выставки «Мир искусства», на которой экспонировались и финские мастера. М.И.Безрукова принимала самое активное участие в юбилейных торжествах, проходивших в Петербурге, всерьез увлекшись темой «Дягилев и Северная Европа».⁵ К сожалению, многое из задуманного ею теперь уже суждено осуществлять другим.

Начало 60-х гг. XX века явилось качественно новым этапом в развитии скандинавистики в Советском Союзе. Появилась такая форма работы, как комплексная полифункциональная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М.И.Безрукова вошла в оргкомитет конференции, организовав при секции литературоведения подсекцию искусствоведения (с середины 80-х гг. выделившуюся в самостоятельную секцию). В этой связи хотелось бы отметить ее огромный организаторский талант, объединившей специалистов различных областей искусствознания в единый коллектив. В работе секции участвовали искусствоведы, театроведы, киноведы,

⁴ См.: М.И.Безрукова. Финские выставки в Советском Союзе // Искусство. 1986. № 6.
М.И.Безрукова. Советско-скандинавские художественные связи (по материалам выставок изобразительного искусства) // Скандинавский сборник. XXVI. Таллинн, 1981.

⁵ М.И.Безрукова неоднократно приезжала в Петербург для участия в работе научной конференции памяти профессора М.В.Доброклонского. Один из последних ее докладов: Дягилев и Северная Европа (к 100-летию Скандинавской выставки 1897 года в Санкт-Петербурге) // Проблемы развития зарубежного искусства. Материалы десятой научной конференции в память профессора М.В.Доброклонского. СПб., 1997. По данной проблематике см. также: М.И.Безрукова-Долматовская, Дягилев и Северная Европа. Взгляд из России. К 125-летию со дня рождения // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Москва-Петрозаводск, 1997.

фольклористы, художники, архитекторы, специалисты в области дизайна и прикладного искусства, философы, музыковеды. М.И.Безрукова всегда приветствовала появление новых имен в науке, и можно по праву сказать, что «петербургская искусствоведческая скандинавистика» обязана своим рождением ей. В области архитектуры – это Б.Л.Васильев, Г.Н.Булдаков, Н.Я.Лейбошиц, Б.М.Кириков, в области театроведения – В.И.Максимов, в области изобразительного искусства – С.Ф.Леонтьева, Т.К.Михалкова, Е.П.Ренне, Л.В.Суворова, О.А.Кривдина, С.М.Тодорова, В.А.Семенов. Петербуржцы благодарны М.И.Безруковой за то, что она объединила людей разного возраста, различной научной ориентации, взглядов и интересов в то, что теперь можно назвать «петербургской школой». Важно петербургским скандинавистам не растерять то ценное, что было создано в течение более чем двадцати лет М.И.Безруковой.

Помимо руководства секцией искусствоведения на скандинавских конференциях М.И.Безрукова всегда выступала с собственным самостоятельным докладом, который нередко выносился на пленарное заседание. В течение ряда лет она входила в состав редколлегии «Скандинавского сборника», издававшегося Тартуским государственным университетом и с большим вниманием следила за событиями в культурной жизни Северных стран, российско-скандинавскими связями в области искусства.

Творческие планы, которые были у М.И.Безруковой, не удалось ей до конца осуществить. Но, несмотря на свою болезнь, она работала до последних дней, мужественно борясь с недугом.

Петербургские искусствоведы видят свой долг в продолжении начатого ею дела.

ВОЙНА И ПОЛИТИКА

П.А. Кротов

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДАТСКОГО ОБРАЗЦА ПРАВА ПРИ ПОДГОТОВКЕ РУССКОГО МОРСКОГО
УСТАВА 1720 Г.

Тема установления источников, выявления степени влияния иностранных образцов права и, напротив, самостоятельного законотворчества Петра 1 и других российских разработчиков Морского устава 1720 г. - одного из наиболее значительных памятников российского законодательства Петровской эпохи - исследуется в историографии более полутора столетий, но и по сей день имеет «белые пятна».¹

Изучить, как Петр 1 работал с уставным положением датского флота, утвержденным Фредериком IV 15 марта 1700 г., с целью возможного использования его артикулов в будущем русском Морском уставе, позволяет исследование экземпляра книги «Инструкция о морских артикулах и кригесрехтах, или воинских правах, королевского величества дацкого», напечатанной по распоряжению царя 17 августа 1715 г. в Петербурге сверхмалым тиражом (20 экземпляров),² на котором нами были выявлены записи, пометки, сделанные рукой монарха, и другие следы его работы.³

Этот экземпляр Инструкции хранится, как и многие другие книги из библиотеки Петра 1, в Отделе редкой книги Библиотеки Российской Академии наук.⁴ На лицевой стороне кожаного переплета книги начерком первой трети XVIII в. бурыми чернилами сделана жирная надпись: «Дацкие морские артикулы». На последней странице Инструкции (с. 122), после которой идет оглавление, на поле простым, остро заточенным

¹ Историографию вопроса см.: Кротов П.А. К вопросу об источниках Морского устава Петра 1 (Неизвестные уставные флотские положения 1694 и 1699 г.) // Петербургские чтения - 97: Петербург и Россия: Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург - 2003». СПб., 1997. С. 287-288.

² Быкова Т.А., Гуревич М.М. Описание изданий гражданской печати. 1708 - январь 1725 г. М.; Л., 1955. С. 179-180.

³ Правка Петра 1 не отмечена в посвященном библиотеке Петра 1 исследовании. Боброва Е.И. Библиотека Петра 1: Указатель-справочник. Л., 1978. С. 68.

⁴ Отдел редкой книги Библиотеки РАН (ОРК БАК). 24. 4. 4-а.

карандашом поставлен знак «+» и приписано в нижней части страницы тем же карандашом характерным почерком Петра 1: «Главы написат наперет о их качестве».⁵ Рукою царя простым карандашом поставлен прямоугольный крест на странице 35 над 54 артикулом и слева от него до обреза листа сделана пометка: «о афише», - видимо, недописанные слова «о офицерах». В артикуле 160 на странице 84 монарх переправил простым же карандашом конечные буквы выражения «с подыманием перста» на «перстофь».⁶ На странице 125 после слов «Глава первая» царь вписал простым карандашом ее заголовок: «О молитве».⁷

Имеются и другие следы труда самодержца: прямоугольные кресты простым карандашом на странице 70 на полях напротив артикула 127 на странице 72 в строке: «Конштапелю щет ево положен будет «+» за всякую пушку на заряд и на затравку простова», - причем последнее слово «простова» подчеркнуто тем же карандашом одной чертой. Такие же четкие прямоугольные кресты карандашом, насколько можно судить, с сильным нажимом проставлены на страницах 75 (арт. 139), 94 (арт. 181 и 182), 95 (арт. 183), 97 (арт. 186), 98 (арт. 188), 112 (арт. 4) и уже упомянутый крест на странице 122. На странице 96 напротив предпоследней строки артикула 184 тем же простым карандашом на полях поставлен кружок, на странице 117 напротив текста о доле добычи на захваченных неприятельских кораблях, полагающейся адмиралу и шаутбенахту, также нарисован кружок, но потом перечеркнут двумя чертами наискось крест-накрест.

На рассматриваемом экземпляре Инструкции 1715 г., по нашему мнению, остались и следующие знаки работы с книгой создателя Российского флота, а именно: на страницах 67, 70, 94, 95, 96, 97, 112 внутри этих страниц загнут верхний угол, причем все загибы выполнены однообразно. Наоборот, внутри страниц 27 и 40 отогнут верхний край листа в другой манере - сгиб широкий, идущий вдоль верхнего же среза страницы. На страницах 72 и 98 загнут внутрь нижний угол. В пользу того, что это следы работы с Инструкцией 1715 г. самого Петра 1

⁵ Последняя буква в надписи Петра 1 не «есть», но «ять».

⁶ Петр 1 использовал при исправлении не букву «ферт», но «фита».

⁷ Последняя буква в надписи Петра 1 не «есть», но «ять».

свидетельствует то, что загибы страниц 67, 70, 72, 94, 95, 97, 98, 112 совпадают со сделанной самодержцем пометкой - прямоугольным крестом.

Еще один загиб нижнего угла внутри страницы 11 также нетрудно объяснить. В 13 артикуле печатной Инструкции 1715 г. имеется ошибочный перевод с датского языка: «Понеже командор или капитан на карабле достоин почитать губернатора или коменданта в своей крепости...». Правка этого отрывка сделана, впрочем, уже не простым карандашом, но чернилами и не рукою царя: «Понеже командор или капитан на своем карабле достоин почтенъ быть, яко губернаторъ или комендант в своей крепости...» Это исправление учтено в следующем издании Инструкции с одним несущественным отличием: вместо союза яко, употреблен союз так как.⁸

Что означал поставленный царем знак креста на поле напротив какого-либо артикула датской «Инструкции о морских артикулах»?

К примеру, крест поставлен Петром 1 против середины 57 артикула Инструкции, откуда идет изложение второй его части: «...но ежели офицер товарища своего дерзнет бить руками или тростью на берегу, у того отнять чип и отдать тому, которого он обидел в сатисфакцию при судьях». Такой артикул отсутствует в русской «Инструкции и артикулах военных» 1710 г., имеющей своим первоисточником голландское уставное положение 1662 г. Царский крест, как представляется, означает здесь необходимость включения такого положения в будущий Морской устав русского флота. И действительно, в 5 книге («О штрафах»), главе 13 помещен артикул 99, начинающийся именно с отмеченных слов: «Ежели офицер товарища своего дерзнет бить руками или тростью на берегу, тот будет лишен чина на время и повинен будет заплатить тому обидимому против его жалованья на полгода болше или и менше, по рассмотрению воинского суда».⁹ Датская правовая норма, часть 57 артикула Инструкции 1700 г., заимствована в Морской устав 1720 г. не механически. Наказание в

⁸ Инструкция о морских артикулах и кригесрехтах, или воинских правах, королевского величества дацкого. СПб., 1716, апреля 13. С.11.

⁹ Книга Устав морской о всем, что касается доброму управлению в бытности флота на море. СПб., 1720, апреля 13. С. 147.

Морском уставе предусматривалось другое: лишение преступника-офицера чина только временно и выплата обиженному денежного возмещения. Более того, русский 99 артикул существенно дополнен: «А ежели кто на карабле сие учинит, тот лишен будет чина и написан в матрозы на такое время, как в суде определено будет, и стопке ж повинен будет тому обидимому заплатить, как выше писано».¹⁰

В какой степени законоположения датской Инструкции 1700 г. нашли отражение в Морском уставе 1720 г.?

О практически дословных, полных заимствованиях артикулов, в ряде случаев с небольшой редакторской правкой, на наш взгляд, можно говорить только применительно к пяти артикулам Инструкции 1700 г. Без существенно значимых изменений (лишь редакторская правка) в Морской устав 1720 г. вошли следующие: 24 датский артикул воплотился в арт. 2 (Кн. 3. Гл. 15), 84 - арт. 25 (Кн. 3. Гл. 1), 128 - арт. 25 (Кн. 1. Гл. 1), 129 - арт. 28 (Кн. 1. Гл. 1) и 167 - это артикул 40 (Кн. 4. Гл. 1) русского Морского устава.

Еще тринадцать датских артикулов имеют явное текстуальное сходство с артикулами Морского устава 1720 г., позволяющее оценивать их как текстовые заимствования из одного законодательного памятника в другой, но русские артикулы доработаны либо заметно дополнены по сравнению с датскими образцами. Выявлены нижеперечисленные текстуальные заимствования названного рода из датской Инструкции 1700 г. в Морской устав 1720 г.: датский артикул 25 русский арт. 6 (Кн. 3. Гл. 1), арт. 32 - арт. 61 (Кн. 5. Гл. 6), арт. 57 - арт. 99 (Кн. 5. Гл. 13), арт. 81 - арт. 66 (Кн. 5. Гл. 8), арт. 86 и 87 явились источником арт. 37 (Кн. 3. Гл. 1), арт. 94 - арт. 59 (Кн. 5. Гл. 1), арт. 95 - арт. 60 (Кн. 5. Гл. 1), датские артикулы 98, 108 отличаются от текстуально близко сходных с ними артикулов 37 и 36 (Кн. 5. Гл. 2) и характером наказания, а в арт. 179 в отличие от русского арт. 49 (Кн. 3. Гл. 1) наказания не предусмотрено; арт. 106 включен в заключительную часть (с редакторской правкой) арт. 6 (Кн. 3. Гл. 1), арт. 172 послужил текстуальной основой арт. 17 Морского устава (Кн. 4. Гл. 1).

¹⁰ Там же.

Напротив, 12 артикул датской Инструкции 1700 г. взят в Морской устав 1720 г. не в развернутом, но в заметно усеченном виде (соответственно 62 и 25 слов). Или, вторая половина вышеупомянувшегося 87 датского артикула не вошла в состав соответствующего ему 37 артикула Морского устава (Кн. 3. Гл. 1).

Остальные датские артикулы, согласно проделанному исследованию, либо не имеют очевидной текстуальной связи с артикулами Морского устава 1720 г., либо она крайне спорна, настолько размыта, что с достоверностью без изучения рукописей с соответствующей правкой не может быть определена. Немалое количество артикулов Инструкции 1700 г. и Морского устава Петра 1 имеют перекличку только в самом «казусе» артикула, а текстуального сходства нет.

СВЕДЕНИЯ О ШВЕЦИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(ПО ДОНЕСЕНИЯМ РУССКИХ ВОЕННЫХ ВЛАСТЕЙ В ФИНЛЯНДИИ)

В обстановке начавшейся Первой мировой войны Россия была заинтересована в отстаивании самими Скандинавскими странами своей независимости и нейтралитета, который подразумевал воздержание со стороны каждой из них от какого-нибудь содействия воюющему государствам (неучастие в военных операциях, недопущение на свою территорию иностранных войск, сохранение дипломатических и торговых отношений с ними).¹¹

Шведский нейтралитет явно подтачивался западными державами: сначала Францией и Англией, затем Германией. В начале века в Швеции была развернута антирусская кампания, которая была организована консервативными кругами в целях наращивания своей военной мощи и была весьма кстати для кайзеровской Германии.¹² На протяжении целого ряда десятилетий наиболее реакционные круги Скандинавских стран навязывали их общественному мнению миф о так называемой «русской опасности», об «угрозе с востока». Наиболее сильно эта тенденция проявлялась в Швеции, имевшей с Россией как сухопутную, так и морскую границу.¹³ По сообщению датской газеты «Копенгаген», оборонительные мероприятия Швеции имеют в виду только русскую опасность, стремление Швеции к союзу проявляется в ее отношении к германской империи.¹⁴

¹¹ Кудрина Ю.В. Первая мировая война и Дания // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С.216.

¹² История Швеции. М., 1974. С. 423; Кан А.С. Новейшая история Швеции. М., 1964. С.34-35.

¹³ Åselius G. Hotbilden: svenska militära bedömningar av Ryssland 1880-1914 // Mellan bjömen och. Stockholm, 1994. S. 197-208; Ericson L. «Rysslands gräns står kall och skarp vid Torneå osh Karungi». Svensk neutralitets - vakt i övre Norrland. 1914-1918. // Mellan bjömen och. S. 209-222.

¹⁴ Цит. по: Кудрина Ю.В. Нейтралитет или союзы? // Северная Европа. Проблемы новейшей истории. М., 1988. С.28-29.

Неудивительное, что накануне войны высшие военные власти империи предприняли ряд специальных публикаций о Швеции как о потенциальном противнике России. Среди них были брошюра капитана Уперова, изданная в финляндской столице Гельсингфорсе (Хельсинки) штабом 42-го армейского корпуса Петербургского военного округа, а также перевод истории русско-шведской войны 1808-1809 гг., написанной в военно-историческом отделе шведского генерального штаба.¹⁵

Отметив полное отсутствие «систематических описаний на русском языке» пограничной с Россией части Швеции «в чисто военном отношении» капитан Уперов на основании шведских источников рассмотрел вопросы, касающиеся естественно-географического положения сопредельной территории, ее экономического развития, путей сообщения, этнического состава населения, организации укрепленных пунктов, состояния шведской армии и «военного устройства» края. Автор уделил особое внимание расположенной в 30 км. от порта Лулео крепости Буден, как «главному объекту возможных военных действий» и предусмотренному строительству на р.Колике других укрепленных пунктов лена.

«Трудно предположить, - писал автор, - что когда-либо между Швецией и Россией возникнет война, а еще труднее, что военные действия разовьются на сухопутной русско-шведской границе, но было бы неосновательно совершенно отрицать возможность вооруженного столкновения с соседом, хотя бы и преисполненном самых мирных намерений, с одной стороны, а с другой - отказываться от изучения театра военных действий только потому, что он является второстепенным».¹⁶ Поставив перед собой задачу выяснить, «что представляет собой пограничная область Швеции как база для военных операций Швеции против России (через Финляндию) и как театр военных действий при наступательных операциях русской армии», капитан Уперов обращал

¹⁵ Уперов. Швеция: военно-географический очерк Норботгенского лена. Гельсингфорс, 1913; Шведская война 1808 - 1809 гг. Т.1 - 3. СПб. 1905 - 1910.

¹⁶ Уперов. Указ. соч. С.1.

внимание на то, что в Швеции «придворная партия», являющаяся очень сильной, «призывает к союзу с Германией против России». Крепость же Буден, по заключению автора, не сможет быть, «базой шведов при операциях их в направлении границы» в современном состоянии.¹⁷ Далее отмечалось, что если либеральное шведское правительство, возглавлявшееся популярным стокгольмским адвокатом Карпом Стаафом, в начале 1910-х гг. было настроено сокращать военные расходы, то консервативная оппозиция развернула в стране милитаристскую агитацию, распространяя слухи о мнимых русских планах нападения на Швецию. Приходившие на заработки в Северную Швецию русские точильщики бездоказательно выдавались за шпионов.¹⁸

В противовес тому, что описывалось Уперовым, шведский историк И.Андерссон указывал на сложившееся в самом начале мировой войны критическое положение, «когда Россия обдумывала план внезапного морского нападения на Швецию», а Швеция для проведения политики нейтралитета вынуждена была выставить «значительные силы, предоставив как политическое руководство, так и военный персонал, обеспечивающий охрану на море и на побережье».¹⁹

В целом же в Швеции в начале века в рассуждениях об обороне страны понятие «опасность с востока» использовалась в качестве аргумента в пользу укрепления ее границ. По наблюдениям исследовательницы Х. Карлбек-Исотало, среди консервативно и либерально настроенных авторов были, однако, и такие, которые не советовали нагнетать страх перед русскими, а стремиться укреплять связи между Швецией и Россией, особенно экономические. В период Первой мировой войны ведущие шведские промышленники и банкиры требовали, чтобы шведская пресса создавала более позитивное представление о России.²⁰

¹⁷ Там же. С.74.

¹⁸ Кан А.С. История Скандинавских стран. М., 1980. С.162.

¹⁹ Андерссон И. История Швеции. М., 1951. С.387.

²⁰ Карлбек-Исотало Х. Бойкот или сотрудничество? (К вопросу об отношении шведов к Советской России: 1917 - 1924 гг.) // Скандинавский сборник. Таллинн, 1988. Вып. 32. С.63 - 64.

Повышенное же внимание в Швеции к военным мерам у границы с Россией вызывало в ее общественных кругах подозрительное отношение. В этом убеждают материалы военной цензуры, действовавшей в годы войны в русских войсках Великого княжества Финляндского. На основании публикаций в местной и иностранной периодической печати,²¹ а также содержания перлюстрированных писем, поступавших из-за пределов Финляндии, военные чиновники собирали сведения о настроениях населения в пределах княжества, но и в соседней Швеции.

Отчеты военных цензоров Гельсингфорса, Выборга, Николайстада (Ваза) и других цензурных пунктов, так же как и материалы сводок контрразведывательного отделения дислоцированного в Финляндии 42-го армейского корпуса о настроениях в шведской армии и в обществе, являются в этом отношении уникальным источником. Указанные документы хранятся в фонде «Русские военные бумаги» Национального архива Финляндии.

В военной цензуре работали лица, владевшие финским, шведским, немецким, французским, английским и другими иностранными языками из числа финляндских граждан, члены семей русских офицеров и духовенства, учителя. Составлялись как еженедельные, так впоследствии и ежемесячные отчеты на основании корреспонденции, просмотренной цензорами. Этой документации командир 42-го армейского корпуса придавал серьезное значение, тем более, что составленную по отчетам общую сводку о настроениях населения в Финляндии и в Скандинавских странах необходимо было представлять в штаб Северного фронта и далее в ставку главнокомандующего.²²

Заметим, что отчеты финляндских военных цензоров за 1914 - 1917 гг. еще не стали предметом соответствующего источниковедческого анализа. Это же можно сказать и о сводках контрразведывательного отделения 42-го армейского корпуса о настроениях в Швеции и ее армии.

²¹ См.: Финляндия, Швеция и будущее // Выбор Финляндии. Из шведской печати. СПб. 1916. С. 15, 19.

²² Kansallinen Arkisto (Национальный архив Финляндии). Д. 3847. Л. 44-50, 55.

В шведской повседневности до конца 1916 г. мало или почти совсем не было заметно то критическое положение, которое было вызвано военными действиями между европейскими державами. Шведы чувствовали затруднения, связанные с внешней торговлей и снабжением военного времени. При обсуждении этих вопросов государственным деятелям Швеции приходилось считаться с политикой блокады, которую к началу 1917 г. Англия проводила по отношению к Швеции почти столь же жестко, как и к Германии, и с минированием германским флотом акваторий на Балтике, а также с объявленной Германией в январе 1917 г. неограниченной подводной войны.²³

В 1917 -1918 гг. голод, инфляция и прочие последствия мировой войны сказались уже в полную меру в экономической жизни нейтральной Швеции. Чувствовалось снижение эффективности государственных мер, направленных на обеспечение населения продовольствием, недопущение роста цен и предотвращение социальных потрясений.²⁴ Именно такую картину дают сводки из фонда «Русских военных бумаг».²⁵

²³ Андерссон И. Указ. соч. С.387 - 388; Кан А.С. Новейшая история Швеции. С.39.

²⁴ Чернышева О.В. У истоков государственно-монополистического капитализма в Швеции// Экономическая история проблемы и исследования, 1987.С.204.

²⁵ Kansallinen Arkisto. «Русские военные бумаги»: Д.1934. Сводки сведений о шведской армии и о настроениях в Швеции по данным периодической печати; Д. 13655. Дело гельсингфорского военно-цензурного пункта о настроениях населения.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В Финляндии в 1918 г.

Финляндия являлась типичным образцом новых государств, которые рождались в конце Первой мировой войны на осколках некогда могущественных империй. Становление этих государств представляло собой сложный процесс не только в плане установления границ, формирования управления, но и в вопросах, связанных непосредственно с распадом империй, расторжением старых отношений. Новые субъекты международного права унаследовали от империй все их слабости. В частности, молодые государства в такой же степени (если не больше) терзали проблемы национальных меньшинств.²⁶

Русское население Финляндии (подданные Российского государства, а также русские, имевшие финское гражданство) после провозглашения страной независимости оказалось в чужом государстве. Однако русские не торопились покинуть Финляндию. Одни надеялись, что между двумя государствами – Россией и Финляндией – в скором будущем установятся нормальные, добрососедские отношения. Другие считали независимость Финляндии, как и большевизм в России временными явлениями.

Тем не менее, поскольку контуры будущего весьма неопределенно просматривались на горизонте, представители русского населения считали необходимым создать свою этнонациональную организацию, чтобы обрести моральную и материальную поддержку в национальном коллективе. 28 января 1918 г. Константин Иванович Арабажин, профессор русского языка и литературы Гельсингфорсского университета, создал инициативную группу для образования общества «Русская колония в Финляндии». На собрании членов инициативной группы он произнес речь, в которой назвал неорганизованных русских людей «человеческой пылью» и призвал избрать комиссию для выработки устава общества. Вскоре он приступил к изданию газеты «Голос русской колонии», переименованной впоследствии в «Русский голос».²⁷

²⁶ См.: Геллнер Э. Условия свободы. М., 1995. С. 129.

²⁷ Bakhmeteff Archive (далее – BAR). Box 4. Vittenberg S.E. Воспоминания секретаря Общества «Русская колония» Е. фон Майдель. С.1.

Положение русских в Финляндии усугубила гражданская война, вспыхнувшая в конце января 1918 г.²⁸ 25-28 января правительственные войска под командованием К.Г. Маннергейма приступили к разоружению изолированных друг от друга российских гарнизонов в северной и северо-западной Финляндии.²⁹ Нападение белофинской армии на ряд российских гарнизонов послужило поводом для официального вмешательства последних в гражданскую войну. 29 января армейский комитет 42-го корпуса издал приказ о начале военных действий с войсками финской Белой армии. Приказ заканчивался лозунгами: «Победим кровожадную буржуазию!» и «Да здравствует мировая революция!».³⁰ Вмешательство русских войск в финскую гражданскую войну позволило сторонникам белой Финляндии интерпретировать события зимы-весны 1918 г. как освободительную войну против России.

Весной 1918 г. русское население, оставшееся в Финляндии, переживало тяжелые времена. Несмотря на то, что далеко не все русские гарнизоны оказывали сопротивление армии К.Г. Маннергейма, правительство белой Финляндии считало себя в войне с Россией. Солдаты русских гарнизонов, придерживавшихся нейтралитета в гражданской войне, оказались в положении военнопленных. Запасы продовольствия в русском интендантстве были реквизированы белыми. Финляндское правительство не выдавало подданным Российского государства продовольственных карточек. Они должны были покупать продукты в слабо снабжаемом Русском кооперативе или на черном рынке.³¹

В этой обстановке бывший комендант Свеаборгской крепости полковник Константин Евгеньевич Кованько стал центральной фигурой среди русского населения Финляндии. Он был известен как выдающийся артиллерист, который пользовался уважением, как среди русских, так и среди финляндцев.³² Нарком иностранных дел Г.В. Чичерин назначил

²⁸ К этому времени в Финляндии находились не успевшие вернуться на Родину российские войска, общая численность которых составляла не более 40 тыс. человек.- Rasila V., Jutikkala E., Kuhla K. Suomen poliittinen historia. 1905-1975. Porvoo- Hels.-Juva, 1980. S. 164.

²⁹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 353. Оп. 1. Д. 38. Л. 16. Телеграмма командира 42-го армейского корпуса в штаб сухопутных войск от 18(31). 01.1918.

³⁰ Там же. Л. 18 об; Российский государственный архив Санкт-Петербурга (РГА СПб). Ф. 7384. Оп. 7. Д. 51. Л. 1. – Приказ № 19 по 42-му армейскому корпусу.

³¹ ВАР. Вох 4. Р. 13.; Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 308-309. Телеграмма Г.В. Чичерина А.А. Иоффе от 19.05.1918.

³² ВАР. Вох 4. Воспоминания секретаря общества «Русская колония» Е.фон Майдель.

Кованько уполномоченным представителем Российской республики в Финляндии. Бывшему коменданту Свеаборгской крепости поручалась также временная защита интересов и прав русских граждан в Финляндии.³³ К.Е. Кованько создал Русскую канцелярию, начальником которой стал бывший подполковник российского Генерального штаба С.Э. Виттенберг.³⁴

15 мая междоусобная война в Финляндии закончилась с помощью Германии победой армии белофинского правительства. В стране начался процесс, который известный финляндский историк М.Энгман охарактеризовал как «очищение от всего русского».³⁵ Еще 10 мая 1918 г. было издано распоряжение губернатора провинции Нюланд (Уусимаа) Б.Яландера о выселении из страны русских подданных, не имевших особого разрешения на продление своего пребывания в Финляндии.³⁶ После этого распоряжения последовала принудительная высылка русского населения по определенным спискам. В первые дни данной акции на конфискованных Финляндией российских судах было вывезено 700-850 человек.³⁷

Канцелярия полковника Кованько работала в это время в чрезвычайном режиме, подготавливая документы для отправки на родину сотен граждан России, размещая подлежащее высылке русское население, собиравшееся в финской столице из различных провинций Финляндии. При этом положение самого К.Е. Кованько оказалось далеко не стабильным. Финляндское правительство официально не признавало его в качестве полномочного представителя России. «Конечно, Кованько – не большевик, он порядочный человек, но он – представитель правительства, которое мы не признаем»,³⁸ - утверждало финское руководство.

22 мая дом представителя Российской республики был окружен военной полицией, Русская канцелярия подверглась обыску, вечером этого же дня полковника Кованько арестовали.³⁹ Арест руководителя Русской канцелярии, тем не менее, содействовал объединению разрозненных

³³ Документы внешней политики СССР. С. 329-330.

³⁴ VAR. Vox 4. Vittenberg.

³⁵ Энгман М. После России // Север. 1992. № 11-12. С. 131-132. См. подр.: Вериков Б. В. Тампере с 1913 года // Вестник. Русский журнал в Финляндии. 1994. № 1. С. 8-9.

³⁶ Документы внешней политики СССР. С. 309.

³⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп.1. Д. 663. Л. 38, 48. Обзор финляндской прессы, май 1918 г.

³⁸ Цит. по: VAR. Vox 4. Vittenberg. P. 13.

³⁹ Документы внешней политики СССР. С. 329-330. Телеграмма Г.В.Чичерина Мирбаху от 29.05.1918.

русских организаций. По инициативе С.Э. Виттенберга состоялось заседание представителей Православного прихода, Попечительства при православном приходе, Русского благотворительного общества, Педагогического общества, Русского кооператива, Совещательного комитета по делам русских учебных заведений и общества «Русская колония».⁴⁰ На совещании были избраны четыре представителя русского населения: арестованный К.Е.Кованько, С.Э.Виттенберг, К.И.Арабажин и заведующий библиотекой Гельсингфорского университета Андрей Викторович Игельстрем. Выборные представители были утверждены финскими властями. Им поручалось от имени русских организаций поддерживать неофициальную связь с правительственными кругами Финляндии. В конце июня 1918 г. полковника Кованько освободили. Его канцелярию переименовали в «Русскую канцелярию по эвакуации и помощи русским».⁴¹

Одной из важнейших акций выборных представителей и канцелярии К.Е.Кованько являлась подготовка обмена русских военнопленных в Финляндии и арестованных финляндцев в России. В частности, представители русского населения в Финляндии принимали активное участие в освобождении Льва Борисовича Каменева. 1 февраля 1918 г. Л.Б.Каменев выехал в страны Западной Европы с целью пропаганды идей мировой революции среди европейских рабочих. В конце марта он возвращался в Петроград, но на Аландских островах был арестован по приказу Маннергейма.⁴² В июле 1918 г. глава государства П.Э.Свинхувуд обратился к выборным представителям русского населения в Финляндии с просьбой содействовать обмену пленными между Финляндией и Россией. С.Э. Виттенберг ездил с этой целью в Москву, где встречался с В.И.Лениным.⁴³ 29 июля 1918 г. было подписано соглашение между Советской Россией и Финляндией об освобождении и обмене гражданами обеих стран, арестованных по политическим причинам.⁴⁴

⁴⁰ VAR. Vox 4. Vittenberg. P. 14.

⁴¹ Ibid.

⁴² РГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2 Д. 5. Л. 1. Сообщение Л.Б.Каменева на заседании Петросовета от 7.08.1918. Об аресте Каменева см. подр: Nurmiö Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. Porvoo-Hels., 1957. S. 42-44.

⁴³ VAR. Vox 4. Vittenberg. P. 14.

⁴⁴ Документы внешней политики СССР. С. 412-413.

3 августа 1918 г., согласно дневниковым записям С.Э.Виттенберга, Л.Б.Каменева и его соратников У.Савицкого, С.Вольфа финские власти обменяли на финского художника Хуго Бакмансона и еще двоих финляндцев, арестованных в Петрограде.⁴⁵

Осенью 1918 г. в Финляндии появились первые эмигранты из России. Это были люди, располагавшие солидными денежными средствами, хранившимися в заграничных банках. Они останавливались в лучших гостиницах финской столицы, вызывая тем самым недовольство среди местных жителей. Однако, финляндское правительство считало их беженцами, поэтому не отправляло обратно на родину и требовало от них лишь регистрации. Когда наплыв беженцев слишком возрос, правительство приняло решение ограничить свободу выбора беженцами места жительства. Численность русских в Финляндии в конце 1918 г. составляла приблизительно 17 тыс. человек.⁴⁶ Общество «Русская колония» оказывало благотворительную помощь нуждающимся, содействовало трудоустройству. При Обществе были созданы Бюро труда, швейная мастерская, курсы изготовления обуви. Но средств для всех нуждающихся явно не хватало.

Деятельность русских организаций в Финляндии могла быть более эффективной, если бы некоторые их руководители отбросили в сторону свои непомерно раздутые амбиции. Так, председатель общества «Русская колония» К.И.Арабажин занимался интригами в свободное от журналистских обязанностей время. Он болезненно реагировал на растущую популярность среди членов «Русской колонии» К.Е.Кованько. Чтобы устранить конкурента, Арабажин сочинил донос на руководителя Русской канцелярии, как на большевистского представителя, «пригrevшего у себя в канцелярии русских шпионов».⁴⁷ К.Е.Кованько получил распоряжение покинуть Финляндию в трехдневный срок, однако не успел вернуться в Россию. 21 октября 1918 г. он скончался. Поведение Арабажина вызвало возмущение среди членов общества «Русская колония» в Финляндии. На своем заседании они переизбрали председателя, оказав доверие А.В.Игельстрему.⁴⁸

⁴⁵ BAR. Vittenberg. В. 4. Р. 19.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Ibid. Р. 17.

⁴⁸ Новая русская жизнь. 1920. № 15. С. 5.

В конце 1918 г. на финляндскую сцену вышла новая организация – «Особый комитет по делам русских в Финляндии». Председателем ее стал бывший премьер-министр российского правительства А.Ф.Трепов. Однако, в отличие от общества «Русская колония» и «Русской канцелярии», члены Особого комитета преследовали прежде всего широкие политические цели. Они создавали проекты реставрации в России монархии, а также собирали средства и брали кредиты в частных финских банках для армии Н.Н.Юденича.⁴⁹ Практическая помощь нуждающимся соплеменникам для членов «Особого комитета» стояла на втором плане.

Такова была обстановка в русских организациях в Финляндии к началу 1919 г.

⁴⁹ ВАР. Вох 1. Особый комитет по делам русских в Финляндии. Председатель Комитета - в Государственный совет Финляндии, 23.12.1918.

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛОЖЕНИЕ ФИНСКОГО МЕНЬШИНСТВА В СССР В
1930-Е ГГ.

В межвоенный период отношения Советского Союза с его северо-западным соседом – Финляндией в значительной степени оказывали воздействие события, связанные с проживанием финского меньшинства на территории СССР. В свою очередь, эти отношения влияли на положение последнего. В 1920-е гг. на территории исторической Ингрии, то есть пяти уездов бывшей Петроградской губернии, проживали до 140 тысяч финнов-ингерманландцев. Это были преимущественно потомки переселенцев из Финляндии, обосновавшихся на берегах Невы и в районе южного побережья Финского залива в XVII в., в период шведского владычества. Относительная стабильность советско-финляндских отношений на протяжении 1920-х гг. благоприятствовала развитию культурной автономии ингерманландских финнов: на территории Ленинградской губернии/области функционировали финские национальные сельсоветы, начальные и средние школы, выходили книги и периодические издания на финском языке.

Первый серьезный кризис в советско-финляндских отношениях, наступивший в начале 1930-х гг., был непосредственно связан с событиями в Ингрии. В начале 1930 г. в Советском Союзе был провозглашен переход к политике коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса. Эта политика не могла не затронуть ингерманландских финнов, которые проживали преимущественно в сельской местности и среди которых было немало крепких хозяев-единоличников. Начались аресты и высылки за пределы области ингерманландских «кулаков». Пик депортаций пришелся на 1931 г., в течение которого из Ленинградской области было выселено около 18 тысяч этнических финнов.⁵⁰ Рубеж 1920-х–1930-х гг. был также отмечен началом

⁵⁰ Kulha K. Neuvostovallan aika (1920-1941) // Inkerin suomalaisten historia.

Ювдskyлд, 1969. S.359.

гонений против финской лютеранской церкви в Ингрии: финские приходы закрывались, пасторы подвергались арестам и высылкам.

Репрессии периода коллективизации имели не национальный, а социальный характер: русские крестьяне и православное духовенство страдали от них не меньше. Однако в Финляндии события в Ингрии были восприняты именно как целенаправленное притеснение ингерманландских финнов. 5 марта 1930 г. на собрании делегатов ингерманландских эмигрантских организаций в Выборге было принято обращение к премьер-министру Финляндии К.Каллио с просьбой выступить в защиту притесняемого ингерманландского населения, привлечь внимание Лиги наций и руководства великих держав к ингерманландской проблеме.⁵¹ В финской печати была развернута энергичная антисоветская кампания. Советское руководство обвинялось в нарушении ингерманландской автономии, гарантированной приложениями к Тартускому мирному договору 1920 г. 12 мая 1930 г. в Хельсинки перед зданием советского представительства были организованы демонстрация протеста и митинг, на котором произносились воинственные речи и угрозы по отношению к восточному соседу.⁵² На волне протеста вновь зазвучали территориальные претензии к Советскому Союзу, раздавались голоса о необходимости присоединения к Финляндии Восточной Карелии и Северной Ингрии. 16 мая 1931 г. временный поверенный в делах Финляндии в СССР Вестерлунд передал советской стороне ноту, в которой заявлялось, что высылки финских крестьян из Ленинградской области вызывают беспокойство в Финляндии, и содержалась просьба «найти средства, способные устранить причины беспокойства... и создать этим благоприятные условия для постоянного развития дружественных отношений, существующих между двумя странами». В ответ 17 и 24 мая были переданы две ноты за подписью заместителя наркома иностранных дел СССР Н.Н.Крестинского, в которых осуждались поднятая в Финляндии «клеветническая кампания» по поводу

⁵¹ Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф.507. Оп.1. Д.5. Л.49.

⁵² Korhonen K. Naapurit vastoin tahtoon: Suomi neuvostodiplomatiassa. Tartosta talvisotaan. I. 1920–1933. Hels., 1966. S.214.

«мнимого» преследования ингерманландцев и бездействия правительственных органов по отношению к ней. Нота финляндского правительства расценивалась как вмешательство во внутренние дела Советского Союза.⁵³ Советское руководство в тот момент, однако, еще не решалось на открытую конфронтацию с Финляндией. Формально отклонив демарш финляндского правительства, оно сочло возможным принять некоторые меры для преодоления дипломатического кризиса. В результате достигнутого компромисса советская сторона согласилась приостановить депортации ингерманландцев и разрешить некоторым из высланных вернуться в места прежнего проживания в обмен на обязательство Финляндии не поднимать ингерманландский вопрос в Лиге наций.⁵⁴

Кризис был урегулирован, однако отношения между двумя государствами были основательно подпорчены. Несмотря на то, что в 1932 г. между СССР и Финляндией был заключен договор о ненападении, в оперативных планах советского командования с начала 1930-х гг. Финляндия стала учитываться в качестве безусловного противника в случае возникновения войны между СССР и третьим государством (тогда как до конца 1920-х гг. расчет делался на нейтралитет Финляндии). Связано это было не только с ингерманландским кризисом, но и с событиями в самой Финляндии: попытками правого переворота в этой стране, походом участников праворадикального лапуаского движения на Хельсинки в июне 1930 г., в результате которого правительство сделало ряд уступок правым, а также, возможно, и с тем фактом, что президентом Финляндии в 1931 г. стал П.Свинхувуд, глава первого правительства независимой Финляндии в 1918 г., известный своей крайней неприязнью к России. Полномочный представитель СССР в Финляндии И.М.Майский в июне 1931 г. высказал убеждение в том, что «в случае интервенции Финляндия не останется в положении нейтрального государства. Правильнее... исходить из той перспективы, что в случае интервенции Финляндия с первого же дня будет участвовать в военных действиях».⁵⁵ При прогнозировании событий в случае возможного военного конфликта с Финляндией не могло не

⁵³ Документы внешней политики СССР. Т.14. М., 1968. С.327-330, 348-350.

⁵⁴ Korhonen K. Op.cit. S.216.

приниматься во внимание положение в приграничной полосе с преобладающим финским населением, которое власти считали неблагонадежным. В этих условиях и возник план операции по выселению финноязычного населения из районов, пограничных с Финляндией и Эстонией.

25 марта в ленинградском управлении НКВД было получено совершенно секретное указание от наркома внутренних дел Г.Г.Ягоды о проведении операции «По очистке пограничной полосы Ленинградской области и Карелии от кулаков и антисоветских элементов в порядке репрессии». До конца апреля предполагалось депортировать из пограничной полосы шириной в 22 км в Сибирь и Среднюю Азию около 3500 семей. Одновременно надлежало развернуть подготовку к очищению 100-километровой зоны пограничной полосы в Ленинградской области и 50-километровой зоны в Карелии.⁵⁶ Депортация, начатая в апреле 1935 г., продолжалась до осени 1936 г. К тому времени около 50 деревень в приграничных местностях Карельского перешейка были очищены от финского населения. Общее число ингерманландцев, депортированных в 1935-1936 гг., оценивается исследователями в 26-27 тысяч человек.⁵⁷

В феврале 1937 г. министр иностранных дел Финляндии Р.Холсти, находясь с визитом в Москве, в число проблем, которые он обсуждал с советскими представителями, пытался включить и ингерманландский вопрос. Его попытки убедить собеседников в безосновательности репрессивной политики, уверения в том, что Финляндия не угрожает Советскому Союзу и не собирается предоставлять свою территорию войскам других держав, не воздействовали на советскую сторону.⁵⁸ После депортаций 1935-1936 гг. и безрезультативности

⁵⁵ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф.0135. Оп.14. П.129. Д.4. Л.28.

⁵⁶ Бугай Н.Ф. Север в политике переселения народов // Север. 1991. № 4. С.97.

⁵⁷ Kulha K. Op.cit. S.359; Nevalainen P. Inkeriläiset ja Pietari // Suomi ja Pietari. Porvoo, 1995. S.42.

⁵⁸ Korhonen K. Turvallisuuden petäessä: Suomi neuvostodiplomatiassa. Tartosta talvisotaan. II. 1933-1939. Hels., 1971. S.150-152.

поставленного Р.Холсти вопроса недолго оставалось ждать до ликвидации последних черт ингерманландской автономии, что также было связано с поднявшейся в 1937 г. волной борьбы с «национализмом». В 1937-1938 гг. в Ленинградской области были упразднены все финские сельсоветы, запрещено преподавание на финском языке в школах, прекращен выпуск любых изданий на финском языке, закрыты последние финские лютеранские церкви. Приход церкви Святой Марии в Ленинграде был закрыт весной 1938 г. после того, как финляндское консульство, под патронатом которого он находился, прекратило свою деятельность и выехало из города.⁵⁹ В общей сложности к концу 1930-х гг. финское население Ленинградской области, в результате выселок и других видов репрессий, уменьшилось приблизительно на 40 тысяч человек.

⁵⁹ Центральный государственный архив С.-Петербурга. Ф.7384. Оп.33. Д.162. Л.54.

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА В КОНТЕКСТЕ
ВОПРОСА О ПРИЧИНАХ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1939-
1940 гг.

К числу вопросов политической истории Европы XX века, вызывающих уже не первое десятилетие серьезные дискуссии историков и общественности, российских, а также зарубежных политиков, относится вопрос о причинах советско-финской войны 1939-1940 гг. Рассмотрение этого вопроса неизбежно приводит всех исследователей к упоминанию об требовании СССР «отодвинуть границу от Ленинграда». Это так, однако, не меньшее значение имел вопрос о безопасности флота. Внешняя политика СССР в регионе Балтийского моря определялась, следующими положениями:

- Заключением системы договоров с нацистской Германией и неудачей, постигшей политику коллективной безопасности.
- Долгосрочной целью советской внешней политики с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. - оставаться вне *большой* войны как можно дольше.
- Важнейшей «региональной проблемой» для СССР в 1938-1939 гг. стало возможное развитие военного сотрудничества Финляндии со Швецией, Балтийскими странами, или даже Польшей. С другой стороны, заключение договоров Германии с СССР не предотвращало возможного германо-финского политического сотрудничества.

Таким образом, складывающаяся политическая ситуация в зоне восточной Балтики не исключала возникновения военного конфликта в 32 километрах от Ленинграда. В монографии «Политическая история Финляндии»,⁶⁰ являющейся в Финляндии базовым университетским учебником, справедливо отмечены высокие боевые возможности и общая боеготовность береговой артиллерии страны. Закономерен вопрос о приобретении тяжелой артиллерии страной, испытывавшей серьезный недостаток в вооружении. Ответ достаточно прост: Финляндии досталась

⁶⁰ Политическая история Финляндии. М., 1999.

значительная часть тяжелой артиллерии тыловой позиции «Морской крепости имени Петра Великого» - части сложной глубоко эшелонированной системы обороны Санкт-Петербурга и Кронштадта, имеющей несколько минно-артиллерийских позиций, т.е. рубежей обороны. Она была в целом достроена к началу первой мировой войны и предусматривала эффективную защиту против любого потенциального противника и, прежде всего, Германии. В свою очередь «Морская крепость имени Петра Великого» являлась центральной частью системы обороны Балтийского моря, начинающейся западнее (Моонзундская позиция и Або-Аландская позиция) и проходящей восточнее тыловой позиции, прикрывающей непосредственно Кронштадт.

На указанных рубежах были установлены сотни орудий калибром от 305 мм (дальнобойность 147 кабельтовых) до 75 мм (дальнобойность 34 кабельтовых). В сложившейся для советского государства обстановки 1918-1919 гг. значительная часть артиллерийских систем крупных калибров попала в распоряжение вооруженных сил Германии, Финляндии и Эстонии. В Финляндии большинство из них сохранилось в боевом состоянии, более того позиции были усовершенствованы и дооборудованы. Долгое время считалось, что в Эстонии тяжелой артиллерии калибра 305 мм не сохранилось. Это мнение основывалось на том факте, что на боевых позициях в 1940 г. не было принято тяжелого вооружения указанного калибра. Однако это не так. *Эстония имела тяжелые артиллерийские системы и уже начала строительство бронированной башни на о. Найссаар.* Для понимания ситуации важно иметь в виду план модернизации обороны государства, представленного президенту Эстонии начальником штаба вооруженных сил генерал-майором Н.Резком 14 декабря 1937 г. В нем обосновывалось следующее: «С сооружением 305-миллиметровой бронированной башни на Найссааре значительно укрепились бы огневая система наших морских крепостей... *После модернизации 305-миллиметровых орудий с целью увеличения дальности стрельбы они смогут перекрыть огнем весь Финский залив на общей линии Таллинн — Порккала. Тем самым стало бы возможным, например, в случае военного*

конфликта с восточным соседом, создать ощутимые препятствия для выхода его флота на линию Найссаар — Порккала...». (выделено мною -Н.М.)⁶¹

Говоря о значении финско-эстонского военного сотрудничества следует учитывать еще один документ. Речь идет о стенограмме обсуждения предложений Советского правительства по поводу заключения договора о взаимопомощи (26 сентября 1939 г.) на совместном заседании правительства, государственной думы и государственного совета Эстонии 26 сентября 1939 г.. На заседании обсуждалась обеспокоенность СССР отсутствием оперативного простора для Балтийского флота. Были признаны справедливыми опасения СССР относительно статуса Финляндии как возможного союзника Германии. Стенограмма заседания является очевидным свидетельством того, что совместная блокада Финского залива была возможна как в политическом, так и в военном отношении.⁶²

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что финская и эстонская артиллерия, эстонские подводные минные заградители, финские броненосцы береговой обороны и подводные лодки в случае реального военного союза могли, конечно, заблокировать Балтийский флот. В декабре 1939 г. для подавления батарей о. Руссаре, Бьеркского архипелага (от 152 до 254 мм), использовался главный калибр линейных кораблей «Марат» и «Октябрьская революция». Причем занимая позиции для обстрела о. Руссаре советские линейные корабли проходили в зону гарантированного поражения батарей о. Найссаар (Эстония.). Последнее не удивительно, именно здесь орудия калибра 203 - 305 мм могли закрыть проход из Финского залива.

Если бы финские орудия могли опираться на поддержку артиллерии эстонских островов положение Балтийского флота было бы более сложным. Абсолютное превосходство СССР на суше и в воздухе конечно же гарантировало поражение Эстонии с ее союзниками по Балтийской антанте и Финляндии. Но широкомасштабный многомесячный конфликт в этом

⁶¹ От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах. Документа и материалы. Таллинн, 1990. С. 37.

⁶² Там же. С. 157.

случае был бы неизбежен. Последнее, в свою очередь, противоречило целям внешней политики СССР и могло привести к непредсказуемым последствиям в отношениях с Германией или Великобританией.

Лишь после получения военных баз в Прибалтике СССР локализовал потенциальный конфликт и отодвинул вполне реальную угрозу большой войны.

АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЯ В ФИНЛЯНДИИ В ОКТЯБРЕ 1939 Г.
(ПО ИНФОРМАЦИОННЫМ МАТЕРИАЛАМ РАЗВЕДКИ ШТАБА КБФ)

Разведотдел штаба Балтийского флота регулярно во второй половине 30-х годов готовил т.н. «Разведсводки к сведению и руководству». Эти материалы составлялись обычно за каждый месяц и в них содержался анализ военно-политической ситуации в сопредельных с Советским Союзом государствах на Балтийском море. Особым разделом этих сводок была попытка раскрыть положение в Финляндии. При этом следует учитывать, что в разведывательном отделе существовал специальный финский сектор, сотрудники которого знали финский и шведский языки и были преимущественно финского происхождения.⁶³ Кроме того сотрудники отдела пытались делать соответствующие выводы за полугодия, где обобщался использующийся ими материал.⁶⁴

Однако, начиная с апреля 1936 г., сведения, которые стали даваться в разведсводках начинают резко сокращаться, причем это совпало с частой сменой руководства отдела и, по всей видимости, было связано с начавшимися репрессиями.⁶⁵ В результате информативность материалов становится крайне ограниченной, что явно свидетельствовало о падении в целом качества работы военно-морской разведки Балтийского флота.

Такая ситуация сохранилась вплоть до начала второй мировой войны, когда осенью 1939 г. произошло резкое обострение советско-финляндских отношений. Как же оценивалось военно-политическое положение в Финляндии в то время в разведывательных органах СССР?

В данном случае особый интерес представляет отрезок времени, относящийся к октябрю 1939 г., поскольку именно тогда начались сложные советско-финляндские переговоры в Москве, финал которых был связан с окончательным принятием в СССР решения о начале войны против Финляндии. Уже в конце месяца, а именно 29 октября, военный совет

⁶³ Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ). Ф. р-307. Оп. 4. Д. 9. Л.1-2.

⁶⁴ См.: Там же. Ф. р-1883. Оп. 1. Д. 62. Л.115.

⁶⁵ Там же. Д. 63 Л. 46; Д. 67. Л. 38.

Ленинградского военного округа представил в Москву план «разгрома сухопутных и морских сил финской армии», а спустя пять дней нарком ВМФ Н.Г.Кузнецов поставил основные боевые задачи командованию Балтийского флота.⁶⁶

Поскольку известно, что впоследствии указанный план оказался явно не реалистичным, то, естественно, важно найти соответствующее тому объяснение. При этом совершенно очевидно, что разведсводок содержащих анализ военно-политической обстановки, помогает в данном случае многое понять. Из этих разведсводок, поступавших регулярно в течение всего октября, вырисовывается ясная картина того, какую в целом информацию получало советское военно-морское руководство.

Характерно прежде всего, что в поступающей информации акцентировалось внимание на устойчивых антисоветских настроениях, которые существовали тогда в Финляндии.⁶⁷ Эти сведения были достаточно правдивыми, поскольку реально в Финляндии с нескрываемым подозрением относились к политике СССР. Одновременно в разведывательной информации, датированной 4 октября, т.е. еще до того момента начала московских переговоров, отмечалось, что на Карельском перешейке идет интенсивное военное строительство и с этой целью развернута широкая «кампания призыва добровольцев».⁶⁸ При этом, подчеркивалась ее малая эффективность. Конкретно указывалось, что военно-строительными работами была охвачена прежде всего молодежь, а профессионалы «рабочие отрыво смеются над студентами и школьниками, говоря, что придется им снова ехать на Карельский перешеек и убирать “загаженные места”, а то большевики рассердятся и тогда хуже будет...».⁶⁹ Если учесть, что те укрепления, которые были созданы на Карельском перешейке в 1939 г. являлись самыми мощными, а советская разведка о них знала крайне мало, можно предположить, что подобная информация содержала явное искаженное представление о реальном состоянии дел.

Показательным в этом отношении было и то, как тогда

⁶⁶ См.: Зимняя война 1939-1940. Политическая история. Кн. 1. М., 1999. С. 131,148.

⁶⁷ РГА ВМФ. Ф. р-307. Оп. 4. Д. 640. Л.3.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

характеризовалась политическая ситуация в Финляндии. В данном случае, прежде всего, обращалось внимание на некое обострение социальных противоречий в стране. Причем это своеобразно сочленилось с областью внешней политики Финляндии. Конкретно, отмечалось, что «в рабочих массах и интеллигенции растет ненависть к Англии и симпатии к СССР». Более того приводилось даже мнение одного анонимного рабочего, заявлявшего тогда: «В нашем правительстве сидят люди с пустыми головами... Министры всех стран едут в Москву, а наши чего-то ждут».⁷⁰ Если сравнить с информацией, которую по этому поводу давала чисто армейская разведка, то ее соображения в данном случае фактически совпадали.⁷¹

Далее, весьма четко подчеркивалось наличие процесса ухудшения экономической ситуации в стране и обращалось внимание на воздействие происшедшего на руководство Финляндии. «В связи с закрытием морских путей, - отмечалось, в частности, - по мере ухудшения экономического положения, усиливается растерянность и боязнь в правительственных кругах».⁷² Заметим, что подобного рода сведения довольно часто заполняли информацию, поступавшую из Финляндии советскому руководству.⁷³ Тем самым изначально разведорганы формировали представления о складывавшейся будто бы безысходности в общеполитической и экономической ситуации в Финляндии. Это было несомненно во многом преувеличением.

По мере развития октябрьских событий 1939 г., когда уже начался обмен мнениями по поводу советского предложения Финляндии приступить к переговорам в Москве, разведка штаба Балтийского флота пыталась также отслеживать данный процесс. В частности, последовало точное сообщение в пддверии переговоров о сложившемся в Финляндии мнении, что «Москва поднимет вопрос об островах в Финском заливе», т.е. на переговорах ожидают рассмотрения территориальной проблемы. При этом разведкой верно улавливалось негативное отношение финской

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Российский государственный Военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1240. Л. 18: Сообщение секретаря военного атташе в Финляндии, 10.10.1939.

⁷² РГА ВМФ. Ф. р-307. Оп. 4. Д. 640. Л.3.

⁷³ Архив Внешней политики Российской Федерации. Ф. 0135. Оп. 22. Д. 764. Л. 30.

общественности к возможной постановке Советским Союзом вопроса об изменении границы с Финляндией. Командованию докладывалось: «Финская пресса заявляет, Финляндия не одобрит соглашение, по которому что-нибудь будет отдано Советскому Союзу».⁷⁴ Одновременно в разведсводке, подготовленной утром 9 октября, говорилось о произведенном в Финляндии экстренном порядке призыве резервистов. Затем в аналогичном документе, датированном уже следующим днем, указывалось, что «сегодня в Хельсинки производятся общие городские противовоздушные учения. Населению приказано затемнить окна с 23 часов...».⁷⁵

В целом вопрос о негативном отношении финского руководства к переговорам с СССР и о подготовке Финляндии к возможному военному противостоянию Советскому Союзу становился одним из центральных в потоке информации, которая содержалась в разведсводках штаба КБФ.

При этом в оценочных положениях отмечалось, что проводимая в такой направленности линия лишь еще больше усугубляет внутривнутриполитическую ситуацию в Финляндии. Обращалось внимание при этом на следующий факт: «Министр внутренних дел Кекконен выступая по радио 10.10. заявил, что 11-12 октября будет произведена эвакуация населения гг. Хельсинки, Виипури, Тампере и Турку», в связи с чем «население призывается к спокойствию».⁷⁶ Разведка поэтому считала, что в стране объективно нарастала напряженность. В ее оценке на следующий день указывалось: «Население к мобилизационным мероприятиям правительства Финляндии относится отрицательно. Имеются заявления, что война приведет к голоду, потому что хлеба недостает даже в мирное время».⁷⁷

В целом информация военно-морской разведки свидетельствовала о том, что определенные изменения в политическом плане, которые происходили в Финляндии, она фиксировала правильно. Однако из этих разведывательных сообщений можно было вместе с тем составить

⁷⁴ РГА ВМФ. Ф. р-307. Оп. 4. Д. 640. Л.8-9.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. Л. 10.

⁷⁷ Там же. Л. 11.

представление, что Финляндия не могла быть способной к серьезному сопротивлению в случае войны с нею и что последовало бы неминуемое быстрое ее поражение. Если учесть, что сходными по выводам была и информация других разведывательных органов,⁷⁸ то становится достаточно понятным существо столь непродуманного и откровенно нереалистичного плана войны, в основе которого была заложена идея не только быстрого разгрома финских войск, но даже и возможного начала в Финляндии революции.

Отмечая же причину столь искаженного отображения в разведотделе штаба КБФ политической ситуации в Финляндии, следует учитывать низкий профессионализм обновленного состава его сотрудников, что привело к ослаблению сбора разведанных, касавшихся Финляндии, и их анализа. Но вместе с тем надо иметь в виду проявлявшееся стремление подстраивать свою информацию под взгляды, которые существовали у высшего государственного руководства и, прежде всего, у И.В.Сталина, считавшего безусловным факт возникновения политического кризиса в той стране, которая вступит в войну против СССР.⁷⁹

⁷⁸ См.: Барышников В.Н. От прохладного мира к зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 235-236; 245-246; 270-271.

⁷⁹ См.: XVII съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М., 1934. С.12.

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ ЛЕНИНГРАДА
В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(По материалам оперативного планирования КБФ
накануне советско-финляндской войны 1939-1940 гг.)

Проблема безопасности северо-западного региона СССР и, в первую очередь, Ленинграда, располагавшего значительным промышленным потенциалом, очень сильно волновала советское политическое и военное руководство накануне Второй мировой войны и стала, своего рода, камнем преткновения на советско-финских переговорах в Москве в октябре-ноябре 1939 года. На основе документов Российского государственного архива Военно-Морского Флота, представляется возможным показать, каким же образом советское военное руководство рассчитывало «обезопаситься» со стороны Финляндии.

В начале ноября 1939 г. высшее военно-политическое руководство СССР, в лице И.В.Сталина и В.М.Молотова, пришло к выводу о бесперспективности дальнейшего ведения дипломатических переговоров с финской делегацией и стало склоняться к военному способу решения вопроса. В период с 1 по 3 ноября И.В.Сталин принял в Кремле несколько групп высших командиров армии и флота (в основном, из состава Ленинградского военного округа, Краснознамённого Балтийского флота, а также ряда приграничных округов).⁸⁰ На этих совещаниях (они, судя по всему, не стенографировались), вероятно, речь шла о возможности войны с Финляндией и командирам было дано недвусмысленное указание проработать возможные варианты плана боевых действий. Во всяком случае, только этим объясняется тот факт, что 3 ноября, сразу же после совещания в Кремле, народный комиссар ВМФ СССР Н. Г. Кузнецов направил Военному Совету КБФ директиву № 10254сс/ов, где определил

⁸⁰ Горьков Ю. А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 243.

основные боевые задачи Балтийского флота и потребовал от Военного Совета КБФ представить ему к 5 ноября оперативный план.⁸¹

Согласно директиве наркома ВМФ от 3.11.39 г. Краснознамённому Балтийскому флоту поручалось: «а/ Найти и уничтожить броненосцы береговой обороны Финляндии, не допустив их ухода в Швецию; б/ Действиями подлодок и авиации у берегов Финляндии прекратить подвоз морем войск, боеприпасов и сырья; в/ С началом военных действий захватить, вооружить и удержать острова Гогланд, Большой Тютерс, Лавенсаари, Сескар, Пенисаари; г/ Быть готовым к высадке оперативного десанта, по требованию Командующего ЛВО, во фланг финской армии на Карельском перешейке (Хумалийоки) и огневой поддержке войск ЛВО при захвате укрепленного рубежа Хумалийоки – Вуокси - о. Коневец; д/ Быть готовым, по требованию Командующего ЛВО, к высадке тактического десанта и огневой поддержке с Ладожского озера войск ЛВО при захвате левого фланга финского укрепленного рубежа».⁸²

Если внимательно изучить ряд документов, получается интересный результат. Оказывается, задачи КБФ, поставленные наркомом ВМФ в директиве № 10254, фактически полностью совпадают с теми задачами, которые были определены для Балтийского флота в «Плане операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии», утвержденном Военным Советом ЛВО 29 октября 1939 г.⁸³

Руководствуясь указаниями наркома ВМФ, Военный Совет КБФ 5 ноября 1939 г. утвердил и представил Наркому ВМФ Н.Г.Кузнецову «Общий план боевых действий КБФ».⁸⁴ Как и следовало ожидать, этот план явился лишь производной от вышеупомянутой директивы, со всеми её недостатками. Прежде всего, флоту было поставлено слишком много задач (только основных 5), т.е. больше, чем он мог реально выполнить. В результате, уже на начальном этапе военных действий это приводило к

⁸¹ Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 497. Л. 4.

⁸² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 497. Л. 4.

⁸³ Жуматий В. И. Боевые действия Военно-Морского Флота в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. М., 1997. С. 11.

⁸⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 498. Л. 3-10.

тому, что усилия флота (и особенно ВВС) расплылись сразу по нескольким направлениям. Причём, нигде не оговаривалось, какие задачи надо считать главными, приоритетными, а какие – второстепенными. Плану также присуща явная непродуманность, точнее, нереальность, ряда боевых операций (например, по уничтожению финских броненосцев).

Наконец, совершенно неверно оценивались возможные действия ВМФ противника. Почему-то считалось, что с началом войны финский флот непременно бросится спасаться в Швецию⁸⁵, но никто даже не подумал о другом варианте действий. А ведь на этом несерьёзном предположении была выстроена целая операция по уничтожению броненосцев противника, с использованием бомбардировочной авиации и подводных минных заградителей «Л-1» и «Л-2».

Нарком ВМФ рассмотрел и одобрил план Военного Совета КБФ от 5 ноября 1939 г., потребовав лишь дополнительно отработать выполнение ряда задач.⁸⁶

Получив указания наркома ВМФ, начальник штаба КБФ Ю.А.Пантелеев 6 ноября приказал начальнику 1-го отдела штаба капитану 2 ранга Г.Е.Пилиповскому разработать варианты плана решения операций и подготовить их для доклада к вечеру 10 ноября.⁸⁷ А 10 ноября 1939 г. в Ленинграде состоялось совещание Военного Совета КБФ, на котором также присутствовал заместитель наркома ВМФ И.С.Исаков, прибывший на Балтику специально для того, чтобы проконтролировать подготовку флота к войне. Исаков вместе с командующим КБФ В.Ф.Трибуцем, членом Военного Совета М.Г.Яковенко и другими командирами рассмотрел скорректированный план боевых действий и, по его словам, «основного ничего не менял» в плане, но зато дал ряд практических указаний, так как «были упущения по связи, управлению, взаимодействию».⁸⁸

Вплоть до 20-х чисел ноября 1939 г. оперативный план КБФ не менялся, но буквально за неделю до начала боевых действий произошло окончательное уточнение боевых задач Краснознамённого Балтийского

⁸⁵ Там же. Л. 3, 8.

⁸⁶ Там же. Д. 497. Л. 6.

⁸⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 497. Л. 6.

⁸⁸ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 116. Л. 1.

флота. 21 ноября командующий войсками ЛВО командарм 2-го ранга К.А.Мерецков направил Военному Совету КБФ директиву № 4716, которая добавляла ещё две задачи. Требовалось в них «не допустить подхода иностранных судов и высадки иностранных войск на Аландских островах», а также с продвижением советских войск вглубь южной части Финляндии, захватить полуостров Ханко и использовать его как передовую базу для нашего флота.⁸⁹

С учетом дополнительных задач командующий КБФ В.Ф.Трибуц издал 23 ноября 1939 г. приказ № 5/оп, ставший окончательным оперативным планом флота, не включив в него лишь операцию по захвату п-ова Ханко. В нем, к сожалению, выполнение ряда наиболее ответственных боевых задач было возложено сразу на несколько разнородных соединений флота – отряд лёгких сил, 1-ю и 2-ю бригады подводных лодок и военно-воздушные силы, которым надлежало, к тому же, действовать в одних и тех же районах.⁹⁰ При этом, никаких разъяснений об организации взаимодействия между ними не давалось, что ещё больше могло запутать действия флота.

29 ноября В.Ф.Трибуц получил от Военного Совета Ленинградского округа приказ № 2/оп, согласно которому директива № 4716 вводилась в действие с утра 30 ноября 1939 г.⁹¹ На первый взгляд, этот приказ кажется идентичным директиве ВС ЛВО, но при внимательном рассмотрении можно заметить различия. Во-первых, перечень задач флота был сокращён: две наиболее сомнительные задачи из директивы № 4716 («недопущение» подхода иностранных судов и высадки иностранных войск на Аландах и захват п-ова Ханко) были в данном приказе опущены. Во-вторых, вместо уничтожения финского флота, речь шла о его «захвате» (?! – П.П.). В-третьих, появилось дополнительное требование о перекрытии минами фарватеров на Турку.⁹²

Лучшим показателем качества разработанного плана явился сам ход и итог войны. Результаты же ее, оказались разочаровывающими. Из 7

⁸⁹ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 496. Л. 3.

⁹⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 505. Л. 211-214.

⁹¹ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 497. Л. 1.

⁹² Там же. Л. 1.

основных боевых задач, сформулированных в приказе по КБФ № 5/оп от 23.11.39 г., первые три (уничтожение финского флота, блокада побережья Финляндии и поддержка артиллерийским огнём наступления частей армии на Карельском перешейке) не были выполнены вовсе, а из четырёх оставшихся две задачи (захват островов и обеспечение собственных морских коммуникаций) были выполнены, а две другие – отпали за ненадобностью. Таким образом, план боевых действий Балтийского флота остался в большинстве своем невыполненным.

Уже в конце войны, выступая на совещании командного и политического состава Балтфлота, В.Ф.Трибуц вынужден был признать, что «документация оказалась по ряду важнейших боевых операций нереальной».⁹³ Следующим крупным недостатком вышеописанной документации, по его мнению было «отсутствие глубины, перспективности планирования».⁹⁴ По сути дела, в оперативном плане и боевых приказах были продуманы и разработаны лишь самые первые операции флота (к примеру, десантная операция по захвату островов противника в Финском заливе). Осуществив эти начальные операции, командование Балтфлотом, в принципе, не знало, что же следует делать дальше. К тому же обнаружилось плохое знание системы береговой обороны противника и самого театра военных действий. Командование КБФ не знало об отсутствии укреплений противника на островах в Финском заливе и не располагало точными сведениями о местах расположения финских береговых батарей в Биёркском архипелаге.⁹⁵ В результате, все эти данные приходилось добывать уже в ходе боевых действий, на что, естественно, ушло немало времени, сил и средств.

Единственной задачей, которую Флоту удалось выполнить успешно, была оборона Ленинграда с морского сектора, а также Кронштадта и всего прилегающего побережья.

⁹³ Там же. Л. 24.

⁹⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 637. Л. 341.

⁹⁵ Там же. Л. 224-227, 256, 287-291.

К ВОПРОСУ О БОМБАРДИРОВКЕ ФИНСКОЙ СТОЛИЦЫ АВИАЦИЕЙ КБФ В НАЧАЛЕ «ЗИМНЕЙ ВОЙНЫ»

В финской исторической литературе при описании начала «зимней войны» весьма подробно показывается, как советская авиация нанесла бомбовый удар по столице Финляндии 30 ноября 1939 г. Акцент делался на том, что бомбы падали на жилые районы Хельсинки, в результате чего погибло свыше девяноста человек, а разрушения оказались самыми сильными из всех тех, которые были в ходе войны в финской столице.⁹⁶

В итоге делается заключение, что эта бомбардировка способствовала сплочению финского народа в борьбе против СССР и к тому же представила Советский Союз в крайне невыгодном свете в глазах мировой общественности. Известный финский специалист по вопросам авиации периода второй мировой войны К.-Х.Геуст считает вместе с тем, что «истинные причины бомбардировок Хельсинки до сегодняшнего дня неизвестны»⁹⁷. Так почему же все-таки данное событие произошло и к чему в действительности стремилось советское командование, если планировало эти бомбовые удары по финской столице?

События реально развивались так, что 30 ноября район Хельсинки трижды подвергся атакам советской бомбардировочной авиации, причем главным образом эскадрильями КБФ.⁹⁸ Поэтому боевая деятельность именно военно-морской авиации требует внимательного рассмотрения, а

⁹⁶ Kun Suomi taisteli. Hels., 1989, s. 32; Зимняя война 1939-1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1999, с. 152, 228.

⁹⁷ Геуст К.-Ф. Бомбы на столицу // Родина, 1995, № 12, с. 59.

⁹⁸ Sota-arkisto (Военный архив). N 20733/ 1. Päämajan sotapäiväkirja, N 1; Päämajan sotapäiväkirja, N 277; Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), р-1529, оп. 1, д. 57, д. 212-214.

задачи, которые ставились перед ней позволят составить наиболее четкое представление о реальных целях ее в момент самого начала «зимней войны».

Исходным документом, относящимся к планированию боевых действий морской авиации против Финляндии, является директива наркома ВМФ, адресованная военному совету Балтийского флота 3 ноября 1939 г., в которой ставилась задача перехода к конкретной подготовке военных операций против Финляндии.⁹⁹ Тогда же об этом руководство КБФ отдало соответствующее указание и своему командованию ВВС.¹⁰⁰ А через день командующий КБФ уже предал ему конкретный перечень объектов, связанных с действиями авиации в первый период войны.¹⁰¹

Окончательно же основные цели ВВС были определены уже за неделю до начала «зимней войны», 23 ноября 1939 г. Они были отражены в приказе военного совета Балтийского флота и заключалась прежде всего в том, чтобы «уничтожить флот Финляндии, имея главным объектом броненосцы береговой обороны, подводные лодки, авиацию на морских аэродромах и аэродромные сооружения». Также морским военно-воздушным силам приказывалось «подавить береговые батареи и разрушить укрепления полуострова Ханко».¹⁰² В целом эти задачи полностью соответствовали общему планированию действий Балтийского флота.¹⁰³ Более того командование КБФ в самый канун начала войны, 29 ноября, непосредственно уже определило главную задачу для бомбардировочной авиации флота, причем в этой директиве особо подчеркивалась необходимость «избегать бомбардировки населенных пунктов, не занятых крупными силами противника».¹⁰⁴

Таким образом о нанесении бомбовых ударов по гражданским объектам и тем более по районам проживания мирного населения в период

⁹⁹ См.: Барышников В.Н. К вопросу о планировании Советским Балтийским флотом военных действий против Финляндии в 1930-е гг. (расчеты и реальность) // Россия и Финляндия в XX веке. СПб.-Liechtenstein, 1997, с.111.

¹⁰⁰ РГА ВМФ, р-1529. оп. 1, д. 68, л. 10.

¹⁰¹ См.: Петров П.В. Балтика, ноябрь 1939-го: Материалы боевого планирования Краснознаменного Балтийского флота // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 8. СПб., 1998, с.230.

¹⁰² РГА ВМФ, р-1529, оп. 1, д. 57, л. 212.

¹⁰³ Барышников В.Н. Указ. соч., с. 112-113.

¹⁰⁴ Советско-финляндская война 1939-1940 гг. на море. Часть 1, кн. третья, М., 1946, с. 155.

предвоенного планирования речи абсолютно не велось и таких задач советское командование перед летчиками вообще не ставило. К тому же следует учитывать, что в это время шла активная подготовка к организации т.н. «народного правительства Финляндии»,¹⁰⁵ лояльное отношение к которому со стороны финского населения не должно было никак подрываться. Очевидно, что бомбардировка густо населенных районов Финляндии лишь очень усложняла бы деятельность этого «правительства», чего, конечно, также не могли не учитывать в Москве в ходе подготовки к ведению войны.

Что же касается конкретных действий советской военно-морской авиации, то их начали 61-я истребительная и 8-я бомбардировочная авиабригады, а также подразделения только еще формировавшейся на аэродромах Прибалтики 10-й разведывательной авиабригады и базировавшаяся на побережье Ладожского озера 41-я отдельная морская ближнеразведывательная эскадрилья.¹⁰⁶

30 ноября в полночь штаб авиации КБФ получил приказ о начале военных действий против Финляндии.¹⁰⁷ Естественно, что нанесение бомбовых ударов по объектам на финской территории возлагалось на самолеты 8-й бомбардировочной авиабригады, которая дислоцировалась на аэродромах южного побережья восточной части Финского залива наряду с размещавшейся в этом же районе 61-й истребительной авиабригады. И именно отсюда взлетели первые бомбардировщики морской авиации, взявшие курс на Хельсинки. Но вначале решалась еще и задача, связанная с разведкой прибрежной финской территории и с выяснением того, где конкретно базировались основные силы финского флота.

Уже с утра в районе финской столицы появились первые советские самолеты морской авиации. Однако их действия оказались крайне неудачными. Сразу же два самолета дальней бомбардировочной авиации были сбиты средствами противовоздушной обороны. Среди погибших оказался и командир звена, участвовавшего в этой операции капитан,

¹⁰⁵ См.: Зимняя война 1939-1940, с. 176-191.

¹⁰⁶ Советско-финляндская война 1939-1940 гг. на море, с. 66, 72.

¹⁰⁷ РГА ВМФ, р-92, оп. 2. д. 629, л. 2.

Бельский.¹⁰⁸ Однако вслед за этим в 10³⁶ утра в небе над столицей Финляндии появилось еще двенадцать скоростных бомбардировщиков второй эскадрильи 57-го авиаполка 8-й бригады. Облетев Хельсинки они нанесли со стороны города бомбовый удар по военно-морским объектам, расположенным восточнее его на острове Сантахамина. По данным советских летчиков, «в результате была разрушена казарма ангар и повреждены спуски».¹⁰⁹ Тем не менее такой итог являлся, судя по всему, незначительным, хотя потерь авиации не понесла.

Однако в 16⁵⁰, в условиях наступавшей темноты в воздушном пространстве финской столицы опять появились советские самолеты. На этот раз удар наносили восемь дальних бомбардировщиков 1-го минно-торпедного полка все той же 8-й бригады. Целью этого налета являлся хельсинкский порт и корабли, которые тогда находились на рейде. Прежде всего морским летчикам ставилась задача уничтожить два броненосца. Как было отмечено в советских оценочных документах, «в результате бомбометания летчики наблюдали пожары портовых многоэтажных зданий, нефтескладов и двух кораблей, похожих на надводные минные заградители».¹¹⁰ При этом делалось заключение, что налет оказался наиболее эффективным в действиях морской авиации в начальный период войны.¹¹¹

На самом деле достигнутый результат в той операции был далеко не таким успешным. Эта бомбардировка как раз стала самой разрушительной для гражданских объектов финской столицы, поскольку в зоне ее оказался самый густонаселенный центр города. Бомбы падали между Техническим университетом и автобусным вокзалом, в районе парламента и зоологического музея. Хотя эти места и находились в сравнительной близости от хельсинкского порта, тем не менее все же были в удалении от каких-либо важных военных объектов. Нанесенный

¹⁰⁸ Там же, р-1529, оп. 1, д. 57, л. 212; Тиркельтауб С.В., Степаков В.Н. Против Финляндии. Советская морская авиация на Балтике в войне 1939-1940 годов. СПб., 2000, с. 21.

¹⁰⁹ РГА ВМФ, р-1529, оп. 1, д. 57, л. 214; Более подробно см.: Раков В.И. В авиации – моя жизнь. Записки военного летчика. Л., 1988, с. 174-181.

¹¹⁰ РГА ВМФ, р-1529, оп. 1, д. 57, л. 214.

¹¹¹ Советско-финляндская война 1939-1940 гг. на море, с. 75; РГА ВМФ, р-92, оп. 2, д. 615, л. 19.

бомбовый удар являлся совершенно очевидно ошибкой летчиков. Они не смогли выполнить стоявшую перед ними боевую задачу.

Поскольку эта бомбардировка имела весьма негативные последствия и явилась одним из свидетельств крайне неудачного для СССР начала войны, возникает вопрос, как подобное в действиях морской авиации могло произойти?

Ответ здесь требует соответствующего анализа. А он показывает прежде всего, что время для подготовки к войне с Финляндией вообще и на Балтийском флоте в частности оказалось крайне коротким. И, более того, даже в сам канун войны официально было сообщено личному составу, что «флот готовится к большим учениям». Как затем подчеркивалось, «было распространено мнение о том, что военные действия будут скоротечными, что это будет по сути дела не война, а просто инцидент, который закончится в течение нескольких дней».¹¹² Такая ориентация, безусловно, не могла не сказаться в первые дни войны на качестве выполнения поставленных боевых задач.

Далее следует подчеркнуть, что в предвоенный период отсутствовала хорошо налаженная военно-морская разведка. В результате авиационное командование, не говоря уже о самих летчиках, не имело точного представления, где находятся финские военные корабли и вплоть до самого конца войны два финских броненосца так и не были выведены из строя. Признавая в конечном счете такие итоги руководство морской авиации засвидетельствовало, что «ВВС КБФ вступили в боевые действия недостаточно подготовленными по разведывательной службе».¹¹³ Конкретно «к началу войны... авиация не знала характеристику целей. Не изучала свои объекты действий... Части действовали вслепую».¹¹⁴

Все это усугублялось тем, что боевая подготовка морских летчиков оказалась на крайне низком уровне. Личный состав ВВС флота в это время был укомплектован прежде всего молодыми, слабо еще обученными пилотами.¹¹⁵ К тому же, откровенно признавалось, что «практика

¹¹² РГА ВМФ, р-1549, оп. 1, д. 223, л. 3.5.

¹¹³ Там же, р-92, оп. 2, д. 629, л. 68.

¹¹⁴ Там же, д. 615, л. 3.

¹¹⁵ См.: Там же, д.637, л. 54.

бомбометания не превышала одного двух бомбометаний на экипаж учебными бомбами, в простых полигонных условиях, с горизонтального полета» и «большинство летчиков было подготовлено только для дневных действий».¹¹⁶ В результате все это в условиях войны неизбежно должно было привести и привело к серьезным ошибкам личного состава морской авиации Балтийского флота.

Вместе с тем проблема необученности летчиков заключалась не только в неточном нанесении бомбовых ударов. Уже в первый день войны морская авиация понесла довольно непростительные утраты. Из семи самолетов, которые были потеряны 30 ноября, пять даже не долетели до финской территории. Один из них сгорел в результате боя, возникшего со скоростным бомбардировщиком авиационной части Ленинградского военного округа, другой подорвался вследствие неправильно подвешенных к самолету бомб, третий не смог взлететь и, более того, врезался в склад авиационных боеприпасов.¹¹⁷ Таким образом общая картина подготовки морской авиации к этой войне была довольно неприглядной.

Ошибки, которые были допущены в результате военно-воздушных налетов на Хельсинки, начали тем не менее пытаться вскоре исправлять. Прежде всего от полетов были отстранены малоопытные летчики.¹¹⁸ Кроме того 3 декабря из Москвы был отдан приказ военному совету КБФ, в котором говорилось, что «при действии авиации категорически и безусловно воспрещается бомбардировка городов и мирного населения, о чем довести до сведения каждого летчика и штурмана».¹¹⁹

Однако все эти весьма скороспелые решения красноречиво свидетельствовали о том, что при быстротечной подготовке к ведению боевых действий совершенно не учитывалась реальная обстановка, а сама война в целом была слабо продуманна со стороны политического и высшего военного руководства СССР.

¹¹⁶ Советско-финляндская война 1939-1940 гг. на море, с. 70.

¹¹⁷ РГА ВМФ, р-1529, оп. 1, д. 57, л. 215-216.

¹¹⁸ Советско-финляндская война 1939-1940 гг. на море, с. 75.

¹¹⁹ РГА ВМФ, р-1877, оп. 1, д. 670, л. 67-68.

УРОКИ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ НА МОРЕ

(по материалам совещания командно-начальствующего состава ВМФ в Ленинграде 13-14 марта 1940 г.)

Не успели ещё отгреметь последние залпы советско-финляндской войны, как уже началось предварительное подведение итогов боевых действий. В первой половине дня, 13 марта 1940 года в Ленинграде, в здании Военно-Морской Академии им. К. Е. Ворошилова, началось совещание командиров и комиссаров соединений КБФ, посвящённое итогам боевой деятельности флота. Председатель совещания, командующий Балтийским Флотом флагман 2 ранга В. Ф. Трибуц, открывая его, сразу же заметил, что оно не ставит перед собой задачу «произвести полный и подробный анализ и разбор всех тактических столкновений, эпизодов и отдельных тактических приёмов», а должно ознакомить руководящий командирский состав с оценкой произошедших боевых действий и «сделать предварительные выводы».¹²⁰

Настраивая всех собравшихся на предстоящую довольно жёсткую критику В.Ф.Трибуц предупредил, что в основу дальнейших прений будут положены приказ № 020 и ряд директив народного комиссара ВМФ Н.Г.Кузнецова, в которых подчёркивались крупные недостатки в боевой подготовке личного состава всех флотов и в боевом управлении при проведении операций.¹²¹

Первым, с основным докладом, выступил начальник штаба КБФ капитан 1 ранга Ю.А.Пантелеев. Он дал краткий обзор боевой деятельности различных соединений флота и сделал выводы по важнейшим аспектам войны на море.

Оценивая действия кораблей Эскадры, и в первую очередь, линкоров КБФ в Биёркском архипелаге по подавлению береговой артиллерии финнов, он констатировал, в частности, что батарея в районе

¹²⁰ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 637. Л. 3.

¹²¹ Там же. Л. 4.

Сааренпя не была повреждена.¹²² Коснувшись же действий подводных сил флота по осуществлению блокады побережья Финляндии, признал, что «подлодки мало чем могли помочь, ибо в северной части Балтийского моря противник не появлялся». Результаты же боевых действий военно-воздушных сил КБФ могло быть, по мнению Пантелеева, неизмеримо выше, если бы сразу наносились массированные удары по основным финским портам, а не «растопыренными пальцами», и при наличии точной аэрофоторазведки.¹²³

Очень сильно критиковал Ю. А. Пантелеев работу разведки и, в первую очередь, разведывательного отдела КБФ. Средств для организации морской разведки имелось более, чем достаточно, но, по мнению начальника штаба, морская разведка так и не смогла занять во всей системе организации операций ведущего места. Накопление данных шло неторопливо и так же медленно делались соответствующие выводы, из-за чего происходило постоянное отставание от обстановки.¹²⁴ В работе штабов также обнаружались серьёзные недоработки. Отчёты об операциях составлялись весьма небрежно, с большим опозданием и плохо был поставлен учёт опыта боевых действий. Наблюдалась чрезмерно большая загруженность эфира в ходе радиообмена в силу чего росли искажения, достигавшие иногда 33%.

С интересным обобщающим докладом выступил заместитель народного комиссара ВМФ флагман флота 2 ранга И.С.Исаков. Признавая всю ценность приобретённого боевого опыта, он, в то же время, обратил внимание присутствующих офицеров на его некоторую односторонность. Во-первых, на протяжении войны инициатива всё время была на стороне Балтийского Флота и финны даже не пытались как-то изменить данной ситуации.¹²⁵ Ведь в ходе боевых действий финская авиация ни разу не организовала бомбардировочного удара по нашим аэродромам или морским базам, хотя условия тому благоприятствовали (например, в Палдиски). Подводные лодки финнов также не проявили себя активным

¹²² Там же. Л. 32.

¹²³ Там же. Л. 16, 36.

¹²⁴ Там же. Л. 21.

¹²⁵ Там же. Л. 95.

образом, не потопив ни одного боевого корабля или вспомогательного судна КБФ. И во-вторых, за всю войну не было ни одного морского боя с противником.¹²⁶

В то же время И.С.Исаков признал, что на Балтике во время боевых действий имели место практически все основные виды морских операций – «блокадные, борьба с укрепленными районами, досрочные операции, крупные перевозки, совместные операции, ледовые операции двух типов, шхерные операции, операции против баз противника и т. д.».¹²⁷ Единственной разновидностью операций, которая не осуществлялась на Балтике, была противодесантная, да и то только потому, что финны и не пытались высаживаться на нашем берегу.

Как и предыдущие докладчики, Исаков раскритиковал деятельность разведывательных органов КБФ, но выразился более резко в их адрес. По его мнению она «не имела должного авторитета». Тем не менее он сказал, что разведывательный отдел оказался прав, когда накануне войны утверждал, что на островах в Финском заливе не было гарнизонов и укреплений, но этим данным командование КБФ не поверило.¹²⁸

Постепенно, Исаков подошёл к самому главному моменту своего выступления. Он сообщил, что имел беседу с Н.Г.Кузнецовым, который откровенно высказал своё мнение о причинах многочисленных неудач во время войны. Нарком, по его словам, заметил следующее: «...Прошедшие боевые события и выводы из них показывают, что мы плохо изучили людей» и «не сумели в них разобраться».¹²⁹ В этих словах было самокритичное признание высказывание, особенно по части неумения разбираться в людях. Ведь поскольку большинство командиров соединений и частей, а также начальников штабов и разных специалистов назначались после утверждения их на должности им самим.

Исаков не стал конкретно уточнять, кто именно из командиров КБФ оказался, как он выразился, «дутой фигурой». Таких оказалось не так

¹²⁶ Там же. Л. 96.

¹²⁷ Там же. Л. 97.

¹²⁸ Там же. Л. 110-111.

¹²⁹ Там же. Л. 116.

уж мало. В ходе войны отдельные командиры были сняты с занимаемых должностей. Это произошло в отряда лёгких сил КБФ, в Лиепайской военно-морской базе, во 2-й бригаде подводных лодок. Кроме того оказались отстраненными от руководства начальники штабов ВВС КБФ, 2-й бригады подводных лодок и ряд командиров других частей.

Работу совещания И. С. Исаков определил как «первую попытку сделать частное обобщение», имея в виду, что более глубокое заключение должно будет сделать высшее руководство флотом. Но он призвал извлечь уроки из опыта ведения боевых действий. От начальников штабов соединений и частей, а также различных тыловых служб И.С.Исаков потребовал предоставить командованию ВМФ детальнейшие отчёты, где содержались бы конкретные предложения, вытекавшие из боевого опыта. К этой работе он считал целесообразным привлечь кроме того Военно-Морскую Академию и историков.¹³⁰

С содержательными докладами на совещании выступили от руководства ВВС С.Ф.Жаворонков и П.П.Квадэ, командующий Ладожской флотилией капитан 1 ранга П.А.Трайнин, начальник управления тыла КБФ генерал-майор Москаленко, командующий эскадрой КБФ Н.Н.Несвицкий, командир 3-го дивизиона эсминцев И.Г.Святов и ещё 11 присутствовавших на совещании командиров и комиссаров Краснознамённого Балтийского Флота.

Выступивший с заключительным словом В.Ф.Трибуц фактически воспроизвел те положения, которые уже содержались в приказе наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова № 020. Одним из основных недостатков он отметил отсутствие глубины и перспективности оперативного плана КБФ, составленного 23 ноября 1939 г., и указал, что проведение некоторых операций (особенно в западной части Финского залива) не вызывалось складывавшейся военной обстановкой. Были отмечены также отрицательные явления, как неправильный подход к осуществлению боевой подготовки, проявившейся в т.н. «сезонности» плавания флота, недостаточное использование тактических приёмов при проведении

¹³⁰ Там же. Л. 91-92.

операции, плохое взаимодействие различных сил флота, слабая артиллерийская подготовка надводных кораблей и подводных лодок.¹³¹

Работа совещания дала довольно значительный материал для осмысления и практического его применения. Она явилась первым важным этапом в изучении опыта боевых действий на море в период советско-финляндской войны. Был дан импульс к проведению в апреле-июне 1940 г. целой серии заседаний Главного военного Совета ВМФ, где обсуждались различные аспекты использования флота в войне с Финляндией. Выводы, содержащиеся в его решениях, в значительной мере были затем учтены при разработке новых курсов боевой подготовки для надводных кораблей, подводных лодок и морской авиации, а также при подготовке ряда важных руководящих документов и прежде всего «Наставление по боевой деятельности штабов соединений ВМФ» от 18.07.40 г., а также «Наставление по ведению морских операций» от 26.11.40 г.

¹³¹ Там же. Л. 341-343, 351, 364.

ЛЕНИНГРАД И СОВЕТСКАЯ КАРЕЛИЯ: СОВМЕСТНОЕ ОСВОЕНИЕ
«НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ» В 1940-1941 ГГ.

В итоге зимней войны советскому руководству удалось решить территориальный вопрос, который ставился СССР перед Финляндией еще в ходе советско-финляндских переговоров 1938-1939 гг. - граница от Ленинграда была отодвинута. Советскому Союзу отошли Северное Приладожье и Карельский перешеек, включая Выборг. Новая граница проходила теперь гораздо дальше той линии, до которой дошла Красная Армия к концу зимней войны. Численность населения территорий, отошедших к СССР, составляла почти 450 тыс. человек, или около 12% всех жителей Финляндии. Однако это население было переселено на запад, за новую границу, так что оказавшаяся в распоряжении СССР территория не имела жителей.

В связи с включением в состав СССР новых финских территорий встал вопрос об их государственном устройстве. Необходимо было уточнить границы между Ленинградской областью и Карелией. Еще 26 февраля 1940 г., за два дня до того, как в Москве были выработаны окончательные условия мирного договора с Финляндией, председатель исполкома Ленинградского областного совета Н.Соловьев подготовил и направил в адрес А.А.Жданова проект Указа Верховного Совета СССР по Карельскому перешейку. В документе предлагалось включить всю территорию Карельского перешейка в состав Ленинградской области и осуществить там национализацию земли, ее недр и лесов.¹³²

Однако планы руководства Ленинградской области не осуществились полностью. Когда было принято решение о создании новой союзной республики - Карело-Финской ССР и включении в ее состав большей части территории Финляндии, отошедшей к СССР после зимней войны, Ленинградской области досталось лишь 4000 кв. км прилегающих

¹³² Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД С.-П). Ф.4. Оп. 2в. Д.4241. Л.76-77; Д.4247. Л.179.

районов, в которых насчитывалось около 200 селений с 5750 домами, 14 мелких предприятий и примерно 50 га пашни.¹³³

Принципиальное решение о преобразовании КАССР в новую союзную республику было принято на заседании политбюро ЦК ВКП(б) 24 марта 1940 г. «в связи с отходом к СССР по мирному договору с Финляндией новых территорий».¹³⁴ На нем же для подготовки практических предложений по этому вопросу и определения границ между КФССР и РСФСР была создана комиссия под председательством А.Жданова. Через два дня комиссия представила в ЦК ВКП(б) перечень мероприятий по преобразованию КАССР в КФССР, а также проекты Закона СССР «О преобразовании КАССР в КФССР» и Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об установлении границы между КФССР и РСФСР». Все эти документы с небольшими поправками были одобрены на заседании политбюро ЦК ВКП(б) 27 марта 1940 г.¹³⁵

Исходя из этих решений VI сессия Верховного Совета СССР 31 марта 1940 г. постановила включить большую часть территорий, отошедших от Финляндии к СССР в состав Карелии и приняла 31 марта 1940 г. Закон СССР «О преобразовании КАССР в КФССР».

В деле создания новой союзной республики было немало трудностей. Одна из них заключалась в том, что население союзной республики должно было составлять не менее 1 млн. человек, но в Карелия насчитывалось всего 468.898 человек.¹³⁶ Иными словами Карелия «слабо тянула» на статус союзной республики. К тому же согласно переписи 1939 г., находилось лишь 8.322 финна, а подовляющую часть ее населения составляли 296.529 русских, 108.571 карелов, 21.112 украинцев. Даже вепсов насчитывалось больше, чем финнов - 9.388 человек.¹³⁷

Но руководство и СССР, и новой союзной республики объясняли название тем, что к Карелии присоединили финские территории. 24 апреля 1940 г., выступая на первом съезде КП(б) КФССР, Г.Н.Куприянов изложил

¹³³ Там же. Д.4246. Л.52-53; Д.4247. Л.179.

¹³⁴ Архив Президента Российской Федерации (АПРФ). Ф.3. Оп. 61. Д.378. Л.1.

¹³⁵ Там же. Д.378. Л.2-15.

¹³⁶ Там же. Л.158; Государственный архив общественно-политических движений и формирований Республики Карелия (ГАОПДФ РК). Ф.3. Оп.5. Д.279. Л.32-33.

¹³⁷ Там же.

официальную версию событий: «СНК СССР пошел навстречу пожеланиям трудящихся советской Карельской республики и включил эти территории в состав Карелии. Из этого факта расширения территории, увеличения объема промышленности, вытекает и другое пожелание трудящихся Карелии - о преобразовании Карелии в Союзную Советскую Социалистическую Республику».¹³⁸

Проблему с увеличением населения в новой союзной республике руководство СССР предполагало решить за счет массового переселения жителей из других районов страны. Опыт такой политики уже был накоплен в 1930-е гг.

Сложнее обстоял вопрос с экономическим потенциалом Карелии. Развитие промышленности и сельского хозяйства КАССР не соответствовало требованиям союзной республики. Наибольший экономический вклад в создание КФССР внесли бывшие финские территории, вошедшие в состав союзной республики. Оценивая новое приобретение, председатель СНК КФССР П.Соляков в июле 1940 г. заявил, что «эта сравнительно небольшая территория - лишь 34,8 тыс. кв. км (без водных пространств) имеет исключительно большое экономическое значение».¹³⁹ На ней насчитывалось 227 больших и мелких предприятий, причем только целлюлозно-бумажные комбинаты производили примерно столько же целлюлозы и лучшего качества, чем на всей остальной территории СССР.¹⁴⁰ Имевшиеся 19 электростанций производили гораздо больше электроэнергии по сравнению с Советской Карелией. Только ГЭС Раухиала на реке Вуокса вырабатывала около 92 тыс. квт./час., тогда как все 105 электростанций КАССР (из них 66 работали на дровах) в 1939 г. производили электроэнергии в 2 раза меньше - лишь 40,9 тыс. квт./час.¹⁴¹ Велико было и сельскохозяйственное значение этой территории, на которой было учтено 255 тыс. га пашни с налаженным

¹³⁸ Там же. Оп.1. Д.3ф. Л.4.

¹³⁹ Там же. Д.15. Ф. Л.19-20.

¹⁴⁰ Там же. Л.22-24.

¹⁴¹ Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф.1951. Оп.1. Д.4/20. Л.180-253; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф.4372. Оп.38. Д.689. Л.3.

производством зерновых и овощей. Пахотные земли в КАССР к 1939 г. составляли только 66,9 тыс. га.

Официально КФССР была образована «по просьбам трудящихся автономной республики». На деле же не только не выяснялось мнение населения, но не сочлось даже возможным, чтобы из Москвы посоветовались с партийно-советским руководством автономии. Первый секретарь ЦК КП(б) КФССР Г.Н.Куприянов в неопубликованных воспоминаниях писал: «Сталин не спрашивал нашего мнения о том, надо ли создавать союзную республику, он просто объяснил свое решение. Мне было поручено написать проект решения политбюро о создании Карело-Финской республики и уточнить с А.А.Ждановым вопрос о границах между Ленинградской областью и Карело-Финской республикой. Г.М.Маленкову и мне было поручено подготовить и внести на утверждение политбюро вопрос о руководящих работниках новой союзной республики».¹⁴²

Сразу после окончания зимней войны перед руководством СССР встали задачи заселения и освоения новых территорий. Уже в начале апреля 1940 г. в эти районы была направлена правительственная комиссия во главе с Чадаевым. В ее состав вошли заместители ряда союзных наркоматов, позднее к комиссии присоединились представители КФССР и Ленинградской области. Комиссия обследовала состояние экономики бывших финских территорий, подготовила проекты постановлений для руководства партии и государства по их освоению.¹⁴³ Вообще же только за два месяца (апрель-май) 1940 г. СНК ССР и ЦК ВКП(б), Экономический Совет при СНК СССР приняли около 20 постановлений по освоению новых территорий.¹⁴⁴

Самое пристальное внимание руководство СССР уделяло восстановлению и развитию предприятий целлюлозно-бумажной промышленности. Был утвержден план мероприятий по восстановлению комбината Энсо, целлюлозного завода в г. Питкяранта, ЦБК Иоханнес,

¹⁴² Неопубликованные воспоминания Г.Н.Куприянова. ГАОПДФ РК. Ф.5002. Оп.3. Д.297. Л.39-40.

¹⁴³ РГАЭ. Ф.4372. Оп.38. Д.689. Л.1-2.

¹⁴⁴ Там же (подсчеты автора).

бумажной фабрики в пос. Ляскеля, сульфитно-целлюлозного предприятия в Кексгольме.¹⁴⁵

Наркомату финансов СССР предписывалось отпустить из резервного фонда СНК СССР на восстановление предприятий ЦЕП 45 млн. руб., в том числе: 30 млн. рублей ГУЛАГУ НКВД СССР для производства восстановительных работ: 15 млн. руб. Наркомлесу СССР на обеспечение этих предприятий сырьем, а также направить туда инженерно-технических работников, рабочих и колхозников из других регионов СССР.¹⁴⁶

Но самым важным решением по заселению и освоению бывших финских территорий, отошедших к СССР, стало совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по восстановлению хозяйства в новых районах КФССР и Ленинградской области», принятое 28 мая 1940 г. Согласно этому объемному документу, включающему 41 пункт, все промышленные предприятия были разделены между союзными и республиканскими наркоматами, на которые возлагались конкретные задачи по их пуску и эксплуатации. Постановление предусматривало ассигновать на проведение указанных мероприятий 168,2 млн. руб.¹⁴⁷

В этом постановлении определялись и задачи по заселению указанных районов. Требовалось переселить в новые районы КФССР 40 тыс. семей колхозников, по 20 тыс. в 1940 и 1941 гг. Перевоз колхозников предполагалось осуществить из регионов СССР с избыточными трудовыми ресурсами: Белорусской ССР, Чувашской, Мордовской и Татарской АССР, Рязанской, Калининской, Смоленской, Кировской и Вологодской областей. В новых районах КФССР намечалось создать 5 машино-тракторных станций.¹⁴⁸

В процессе освоения новых территорий приходилось сталкиваться с многочисленными трудностями. Для того, чтобы пустить в действие мощные ЦБК на Карельском перешейке, в Северном и Западном Приладожье требовалось обеспечить их сырьем - деловой древесиной,

¹⁴⁵ Там же. Л.1; ГАОПДФ РК. Ф.8. Оп.9. Д.2. Л.1.

¹⁴⁶ АПРФ. Ф.3. Оп.61. Д.380. Л.87-88, 100; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.5446. Оп.24а. Д.2647. Л.6-8.

¹⁴⁷ АПРФ. Ф.3. Оп.61. Д.380. Л.108-109; РГАЭ. Ф.4372. Оп.38. Д.68. Л.48-49.

¹⁴⁸ АПРФ. Ф.3. Оп.61. Д.380. Л. 104-105; ГАРФ. Ф.5446. Оп.24. Д. 1911. Л.25.

направить на предприятия необходимое количество людей. Решено было построить туда железную дорогу (Суоярви-Юшкозеро), протяженностью около 150 км, с тем, чтобы обеспечить подачу древесины на ЦБК из северо-западных районов республики, богатых лесом.¹⁴⁹

Что касается задачи обеспечения предприятий КФССР техникой и трудовыми ресурсами, то здесь огромную помощь оказал Ленинград. Только на Карельский перешеек для восстановления предприятий ЦБК из Ленинграда и области выехало 8 тыс. рабочих.¹⁵⁰

В итоге в 1940 и первой половине 1941 гг. в новых районах КФССР и Ленинградской области были полностью или частично восстановлены и введены в эксплуатацию основные промышленные предприятия. В конце 1940 г. только в КФССР на восстановленных предприятиях работало около 15 тыс. рабочих и ИТР. Всего к началу 1941 г. общая численность населения в новых районах республики составила 188 тыс. человек.

Однако план сельскохозяйственного освоения новых территорий полностью выполнить не удалось. Из намеченного по плану переселения 20 тыс. семей в 1940 г. было переселено только 13 тыс. семей. В Карелии к концу 1940 г. было организовано 253 колхоза, большинство которых испытывало острый недостаток как в людях, так и в технике.¹⁵¹ Весной 1941 г., как отмечает Г.Н.Куприянов, руководством СССР было неофициально решено приостановить заселение новых территорий в связи с нарастанием военной опасности.¹⁵²

В целом, времени для достаточного заселения и освоения новых территорий, отошедших от Финляндии к СССР по Московскому мирному договору 12 марта 1940 г., не хватило - началась Великая Отечественная война.

¹⁴⁹ РГАЭ. Ф.4372. Оп.38. Д.689. Л.7.

¹⁵⁰ Ленинградская правда. 1940. 22 мая.

¹⁵¹ ГАОПДФ РК. Ф.8. Оп.1. Д.19ф. Л.29-40.

¹⁵² Там же. Ф.5002. Оп.3. Д.283. Л.6.

ОСВЕЩЕНИЕ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПЕЧАТИ ПРОЦЕССА
НАД ВИНОВНИКАМИ ВОЙНЫ В ФИНЛЯНДИИ

19 сентября 1944 г. Советский Союз и Великобритания подписали соглашение о перемирии с Финляндией. Согласно 13 статье Соглашения Финляндия взяла на себя обязательство сотрудничать с Союзными Державами в деле задержания лиц, обвиняемых в военных преступлениях и суда над ними.¹ В соответствии с этим финны должны были осудить не только лиц, совершивших преступления, противоречащие правилам ведения войны, но и виновных в вовлечении в нее своей страны, а также затягивании заключения мира. Особенно пристально следили за выполнением этого обязательства в Ленинграде, в полной мере испытавшем на себе германо-финляндское «братство по оружию».

Цель данной работы рассмотреть в качестве историографического источника материалы ленинградской прессы о подготовке и ходе судебного разбирательства, отразившие не только сложность внутри- и внешнеполитической ситуации в Финляндии, но и специфику советско-финляндских отношений в период перемирия 1944-1947 гг.

Характерной особенностью при этом является то, что основной комплекс публикаций по указанной проблеме составляют материалы ТАСС, включающие официальные сообщения Финского телеграфного агентства и радио, выступления политических лидеров Финляндии, обзоры публикаций в зарубежной печати, в основном финской и шведской. Газеты «Смена» и «На страже Родины» в силу своего небольшого формата помещали их регулярно, но выборочно и сокращенно. Когда судебный процесс подходил к концу, публикации появились и в газете «Вечерний Ленинград», первый номер которой вышел в середине декабря 1945г. Полный же объем материалов был представлен на страницах «Ленинградской правды».

Следует отметить, что ее публикации четко обозначили два этапа в ходе реализации 13 статьи, для каждого из которых характерна своя

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. М., 1946. С. 218.

специфика проблем и задач. На первом (сентябрь 1944г. –август 1945г.) шла борьба вокруг принятия закона, служившего основанием для проведения судебного процесса. В связи с этим «Ленинградская правда» уделила основное внимание внутривнутриполитической обстановке в Финляндии. В качестве ее индикатора, рассматривалась ситуация на съезде Социал-демократической партии (СДПФ), большинство участников которого отказалось признать политику Финляндии в годы войны неправильной и осудить политических лидеров. При таком общественном настроении представляли бывшего руководства страны (Р.Рюти, В.Таннер, Й.В.Рангель и др.) продолжали занимать ряд ответственных постов в государственных учреждениях и видное место в обществе.²

Опубликованные материалы свидетельствовали о явном недоумении, проявлявшемся за рубежом, по поводу создавшегося положения. Да и в определенных кругах Финляндии также понимали, что это создает сложность в восстановлении необходимых связей с границей и нормализацию отношений с СССР. Тем не менее из Хельсинки заявили, что правовые нормы североевропейских стран не предусматривают применение принципов виновности к лицам, отвечавшим за начало и ведение наступательной войны и для решения возникшей проблемы считали достаточным добровольный уход в отставку лиц прогерманской ориентации.

Анализ причин возникновения подобной ситуации привел в СССР и в других странах к выводу, что в Финляндии все еще встречаются проявления «фашистского толка», в связи с чем началась широкомасштабное противодействие этому в области пропаганды.³

Но вместе с тем требовалось решительное принятие мер, направленных на обновление самого руководства страны. В связи с этим главное внимание в материалах ТАСС уделялось парламентским выборам, поскольку кандидатами в депутаты были выдвинуты политики военного времени. Под давлением зарубежной общественности, сторонников

² Ленинградская правда. 1944, 25 окт., 26 нояб.

³ Там же. 1944, 20, 27 декаб.; 1945 11, 30 июня.

«мирной оппозиции» в самой Финляндии и твердой позиции премьер-министра Ю.К.Паасикиви они сняли свои кандидатуры.

После выборов в марте 1945 г., три крупнейших фракции парламента - СДПФ, Демократический союз народа Финляндии и Аграрный союз - заключили договор о сотрудничестве, закрепивший основные принципы политических преобразований. Как свидетельствовали публикации наиболее важным из них являлась добровольная их отставка. Однако это затягивалось и поэтому ситуация до июня 1945 г. не менялась. В тот период «Ленинградская правда» большое внимание уделила ведущей роли ДСНФ в проведении акций с требованием наказания виновников войны. Промедление в выполнении 13 статьи вызвало обострение советско-финляндских отношений. Под давлением внутренних сил и четко выраженного мнения «большой тройки» Ю.К.Паасикиви вынужден был 4 июля 1945г. призвать лиц, поддерживавших политику войны добровольно уйти с занимаемых постов. Тогда вскоре последовала серия отставок, в том числе Рюти и Рангеля.⁴ Таковы были итоги на момент восстановления СССР дипломатических отношений с Финляндией 8 августа 1945 г.

Второй этап (сентябрь 1945г. – февраль 1946г.) связан с организацией и проведением судебного процесса. На повестке дня стоял вопрос о заключении мирного договора и после того, как в августе 1945г. на совещании министров иностранных дел союзных держав в Лондоне было принято решение о применении принципов виновности к тем, кто отвечал за начало и ведение наступательной войны, финны приступили к выработке собственного закона. Он был подписан 13 сентября 1945 г. и 15 ноября 1945 г. начался суд. В качестве обвиняемых были привлечены 8 человек: Р.Рюти, Й.В.Рангель, Э.Линкомиес, В.Таннер, Т.М.Кивимяки, Т. Рейникка, А.Кукконен, Р.Вальден, Х.Рамсай.⁵

Кроме материалов ТАСС, в период с декабря 1945г. по февраль 1946г. «Ленинградская правда» в рубриках «На процессе в Хельсинки» и «Письма из Хельсинки» помещала очень эмоциональные заметки собственного корреспондента М.Михалева о ходе судебного

⁴ Там же. 1945, 3, 7 июля.

⁵ Там же. 1945, 13, 14, 15 сент.

разбирательства. Они довольно решительно и в резкой постановке отражали позицию советской стороны, в отличие от чисто официальных материалов ТАСС. По свидетельству Михалева, в Финляндии, в связи с процессом, шли разговоры о разногласиях в «большой тройке» и неизбежности новой войны. Характерно, что в этой обстановке подсудимые полностью отрицали свою вину, пользуясь поддержкой со стороны консерваторов и отчасти общественного мнения.⁶

Решающий перелом в ходе процесса наступил после оглашения германских документов, в том числе плана «Барбаросса» и показаний немецких военных преступников. Обвинение доказало, что перед войной были разработаны оперативные планы наступления финской армии на Ленинград. При этом руководство Финляндии само проявило готовность участвовать в войне на стороне Германии, преследуя реваншистские и захватнические цели в отношении советской Восточной Карелии и Ленинградской области. Существование самого Ленинграда на новой границе оно считало нежелательным.

Пристальное внимание советского журналиста было привлечено к тому обстоятельству, что и после оглашения записей проводимого Гитлером совещания 16 июля 1941 г., где было заявлено, что «со всей осторожностью нужно подготавливать присоединение Финляндии, как подчиненного государства к Германии», обвиняемые продолжали доказывать правильность проводившейся ими политики.⁷

Суд над виновниками войны отразил напряженность политической обстановки в стране, остроту противоречий между различными политическими партиями. Это выразалось в отмеченных нарушениях процессуального порядка, многочисленных перерывах (из четырех месяцев, которые длился процесс, суд фактически заседал по времени лишь месяц), в освобождении из-под ареста после предъявления обвинения четырех обвиняемых, в промедлении с вынесением приговора.⁸

На этом основании корреспондент сделал вывод, что в Финляндии еще сильны позиции сторонников войны, мечтающих о реванше. В своих

⁶ Там же. 1945, 21 декаб.

⁷ Там же. 1945, 13, 16, 20 декаб.; 1946, 13, 15 янв.

⁸ Там же. 1945, 8 нояб., 12 декаб.; 1946 19, 21 февр.

публикациях он заявлял, как важно, чтобы в Финляндии поняли, что цель данного процесса осудить не только людей, конкретных виновников войны, но в первую очередь их политику.⁹

21 февраля 1946 г. был вынесен приговор и казалось бы выяснены все обстоятельства, связанные с участием Финляндии в войне. Но и до сегодняшнего дня версия, выдвинутая финским руководством в 1941 г. и отстаивавшаяся им на суде об «оборонительном» характере войны, в которую вступила Финляндия и являясь соучастником германской агрессии, сохраняет твердые позиции в финляндской историографии. С чем это связано?

В рассмотренных материалах привлекают внимание две особенности. Во-первых, освещение происходивших событий осуществлялось в основном сквозь призму одного источника – ДСНФ и его газеты «Вапаа сана». Из архивных материалов известно, что Москва направляла их деятельность в организации антифашистской пропаганды накануне парламентских выборов 1945 г. и снабжала их разоблачительными материалами.¹⁰ Во-вторых, в ходе подготовки судебных процессов над виновными в развязывании второй мировой войны в Германии и странах сателлитах, союзники достигли договоренности не поднимать вопросы об ответственности стран-победительниц. В этой связи было решено обойти молчанием советско-германское соглашение о разделе сфер влияния 1939г. и историю возникновения «Зимней войны».

В связи с этим можно сказать, что сам суд, а, следовательно, и все материалы к нему относящиеся, были, не в полной мере использованы, что позволяло подсудимым не признавать своей ответственности вообще и способствовало тому, что в финском обществе не сложилось однозначного отношения к данному процессу.

⁹ Там же. 1945, 22 декаб.; 1946, 19 янв.

¹⁰ Архив Внешней политики Российской Федерации. Ф. Референтура по Финляндии. Оп.28. П.155. Д. 4. Л. 79.

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ, НАУКИ И РЕЛИГИИ

В.Г.Бурков

**К ИСТОРИИ СКАНДИНАВСКОЙ ГРУППЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЕКСИЛЛОЛОГИЧЕСКИХ
СИМВОЛОВ**

Среди государственных вексиллологических символов особое место занимает скандинавская группа государственных флагов. В них ярко отражается многовековая история стран европейского Севера, общность судеб народов населяющих страны этого региона.

Определяющим символом для этой группы флагов является датский флаг «Данеброг» – красное полотнище с белым крестом. Согласно легенде 15 июня 1219 г. во время битвы датчан с эстами у крепости Линданиссе в самый ответственный момент, когда воины датского короля Вальдемара II Победителя дрогнули, было вынесено, освященное папой римским, новое знамя – «Данеброг», воодушевившее их и принесшее им победу. Пройдя через столетия, «Данеброг» сохранился неизменным и является сейчас государственным флагом Королевства Дании. От него берет свое начало целый ряд государственных флагов стран Северной Европы: Швеции, Норвегии, Финляндии, Исландии и связанных с ними автономных и прогосударственных образований.

В XVI в. в процессе объединения Дании, Норвегии и Швеции, завершившемся подписанием в 1397 г. Кальмарской унии, появляется флаг объединенного королевства – штандарт датского короля Эрика Померанского, где присутствовали государственные символы трех стран: три датских лазоревых леопарда на золотом поле, норвежский золотой лев с боевым топором и три шведских золотых короны на голубом фоне.

С датским флагом «Данеброг» неразрывно связаны флаги Ферерских островов и Гренландии (до 1985 г.)

Фарерские острова в 1085 г. стали леном Норвегии, а в 1380 г., после заключения датско-норвежской унии, вошли в состав Датского королевства. 5 декабря 1947 г. для Фарерских островов был утвержден

свой флаг – белое полотнище с красным крестом (обратные цвета «Данеброга»), окантованный синей каймой (как напоминание о принадлежности Фарер к Норвегии). 23 марта 1948 г. датский ригсдаг принял закон о введении на Фарерских островах местного самоуправления, по которому этот флаг был признан официальным символом Фарер.

Крупнейший остров в мире Гренландия был открыт в конце IX в. и с 1262 г. принадлежал Норвегии. В 1380 г., после объединения королевств Норвегии и Дании, датский король был объявлен сувереном над Гренландией и в 1814 г. при расторжении датско-норвежской унии Гренландия остается за Данией. В 1846 г. официальным колониальным флагом этой территории был утвержден датский государственный флаг с изображением в крыже двух скрещенных эскимосских гарпунов. 1 мая 1979 г. Гренландия была провозглашена «самоуправляющейся территорией» в составе Датского королевства, и в 1985 г. местный парламент (ландстинг) утвердил свой собственный флаг: красно-белое полотнище с красно-белым кругом, символизирующим яркое солнце, сияющее на фоне вечных снегов и льдов.

В 1523 г. Кальмарская уния распалась. Новая королевская династия Ваза в Швеции устанавливает самостоятельные государственные символы, в том числе, голубой с желтым крестом флаг. По своему графическому изображению он точно повторяет «Данеброк». Официальное его утверждение (специальным законом) состоялось 22 июня 1906 г. В XVI в. в рамках Шведского королевства формируется и государственная символика Финляндии. В 1556 г. юго-западная часть Финляндии в качестве герцогства была передана сыну шведского короля Густава I Вазы Юхану, который ввел, взяв за основу шведский государственный флаг, национальный флаг Финляндии – белое полотнище с голубым крестом. В таком виде (только с изображением гербового некоронованного льва в перекрестии) государственный флаг Финляндии был закреплен «Актом о форме правления» 17 июля 1919 г. (До этого, после провозглашения независимости Финляндии 6 декабря 1917 г. и по февраль 1918 г. государственным флагом страны было красное полотнище с золотым

гербовым львом, а затем, в 1918-1919 гг. в качестве государственного флага использовалось белое полотнище с голубым крестом, в пересечении которого находился коронованный гербовый лев).

В скандинавскую группу государственных флагов, связанных с Финляндией, также входят флаги Аландских островов и временных государственных образований 1919-1920 гг. на северо-западных территориях бывшей Российской империи.

В 1920 г. Аландские острова получили особое политко-административное положение, а в 1921 г., по решению Лиги Наций, они стали автономной шведско-говорящей провинцией в составе Финляндской Республики. 7 апреля 1954 г. был утвержден особый флаг Аландов – синее (голубое) полотнище с красным крестом, окантованным желтой каймой (фактически это повторение шведского государственного флага, но на желтый крест наложен крест красного цвета).

Определенный интерес вызывают флаги временных государственных образований 1919-1920 гг. на северо-западе бывшей Российской империи, которые поддерживались правительством Финляндии. 31 марта 1919 г. на Карельском перешейке, на Лемболовской возвышенности с административным центром в поселке Кирьясало было провозглашено создание Ингерманландии. Тогда же был утвержден флаг Ингерманландии – полотнище в виде Шведского государственного флага, но с обратным расположением цветов: синий (голубой) крест с красной каймой на желтом поле. Сейчас этот флаг используют ингерманландские финны.

Летом 1919 г. в селе Ухта на территории Восточной (Двинской) Карелии было создано Временное правительство Беломорской Карелии («Ухтинское правительство»), которое 21 марта 1920 г. объявило о независимости Карелии, а 29 марта того же года утвердило, выполненный по эскизу известного финского художника Акселя Галлен-Каллела, государственный флаг – зеленое полотнище с черным крестом, окантованным красной каймой. (До 29 марта 1920 г. использовался флаг в виде голубого полотнища с семью серебряными звездами Большой

Медведицы, символизирующий древний карельский народ, стремящийся к независимости). В крыже государственного флага, утвержденного 29 марта 1920 г. было помещено изображение северного сияния. Сейчас этот флаг (без «северного сияния») используют карельские националисты. В 1992 г. по образцу «ухтинского флага» художником В.Ф.Добрыниным был сделан рисунок вепского флага: зеленое полотнище с синим (голубым) крестом с желтой окантовкой.

Флаги Аландов, Фарер, Ингерманландии, «Двинской Карелии», вепсов в своей основе имеют скандинавскую графику и общий принцип цветной окантовки креста. Промежуточное положение в этом плане занимают государственные флаги Норвегии и Исландии.

После поражения Дании в англо-датской войне 1807-1814 гг. по Кильскому договору 14 января 1814 г. Норвегия стала «Королевством, объединенным со Швецией». Однако, 17 мая 1814 г. в местечке Эйдсволл, Учредительное собрание приняло Конституцию страны, провозгласив независимость Норвегии и утвердив свой флаг: «Данеброг», дополненный в крыже золотым норвежским гербовым львом. И все же Швеция заставила Норвегию заключить с ней унию. Борьба продолжалась. 13 июня 1821 г. по постановлению стортинга появляется новый флаг Норвегии: на «Данеброг» (поверх белого креста) был наложен синий крест – символ освобождения страны. 9 декабря 1898 г. этот флаг был утвержден как государственный флаг Норвегии. (Но до провозглашения Норвегии независимым государством действовал утвержденный в 1844 г. шведско-норвежский флаг: 1821 г., в крыже которого находилась шведско-норвежская эмблема, составленная из цветов шведского и норвежского флагов). 7 июня 1905 г., в связи с разрывом унии со Швецией и получением независимости Норвегии, был подтвержден официальный статус норвежского государственного флага 1821 г.

Норвежско-датские исторические связи отразились и в государственном флаге Исландии. Еще, будучи в составе Датского королевства 22 ноября 1913 г. королевским указом Дания признала право Исландии на свой флаг. 19 июня 1915 г. исландский альтинг утвердил

государственный флаг Исландии: синее полотнище с красным крестом, окантованным белой каймой (обратные цвета норвежского государственного флага, как воспоминание о норвежско-исландской унии 1262 г.). 12 февраля 1919 г. датский король Христиан X утвердил исландский флаг, который был подтвержден в качестве государственного флага Исландии 17 июня 1944 г., когда датско-исландская уния была расторгнута и Исландия провозглашена независимой республикой.

Таким образом, скандинавская группа государственных флагов является красноречивым примером тому, как по средствам международной государственной вексиллологии раскрывается образная картина исторических событий на протяжении многих веков, вбирающая в себя жизнь народов Северной Европы, близких по происхождению, религии, языку и культуре, чьи исторические пути развития часто перекрещивались и переплетались.

О.А. Кривдина

СКАНДИНАВСКАЯ СКУЛЬПТУРА В ОСВЕЩЕНИИ РУССКОЙ ПРЕССЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ «ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГАЗЕТЫ» 1836-1841 ГГ.)

Издававшуюся с 1836 г. по 1841 г. в Петербурге «Художественную газету» можно объективно назвать уникальным источником информации о биографиях скульпторов, сведениях об их произведениях, обзорах выставок, о хронике художественной жизни многих европейских стран.¹⁵³ В истории существования газеты выделяется два периода: 1) 1836-1838 гг., когда издателем являлся литератор Н.В. Кукольник и 2) 1840-1841 гг., когда ее редактировал писатель и переводчик А.Н. Струговщиков. В 1839 г. «Художественная газета» не выходила в свет в связи с материальными трудностями, и по той же причине в 1842 году издание ее было прекращено. Изучая «Художественную газету» убеждаешься в меткости слов Н.В. Кукольника, называвшего своё детище «магазином материалов для будущей истории русского искусства», - и значительно шире, - европейского искусства, в том числе и стран Северной Европы. Особенно важен тот факт, что скандинавская скульптура рассматривалась на страницах газеты в контексте общеевропейского искусства.

Январский номер «Художественной газеты» за 1838 г. извещал своих читателей, что шведскому королю Карлу XIV Юхану подарена королем прусским статуя «Весталки», отлитая из бронзы по оригиналу, хранящемуся в Дрезденском собрании антиков. В 1840 г. из Рима в Стокгольм были привезены создававшиеся в течение шести лет скульптором Б.-Э. Фогельбергом (1786-1854) статуи «Аполлон» и «Венера с Амуром». Эти произведения, ставшие собственностью шведского короля, были выставлены для обозрения в королевском музее. В 1840 г. Стокгольмская Академия назначила своими иностранными членами скульптора Б. Торвальдсена [Дания] и профессора Х.-Д. Рауха [Германия].

154

¹⁵³ Кауфман Р.С. Очерки истории русской художественной критики XIX века. // От Константина Батюшкова до Александра Бенуа. М., 1990. С. 40-57; Собко Н.П. Что представляли собой русские художественные журналы 1807-1897 гг. // Искусство и художественная промышленность, 1898, № 1-2.

¹⁵⁴ Художественная газета, 1840, № 6. С. 31; 1840, № 22, С. 35.

В обзорах европейской пластики «Художественная газета» отводит главное внимание информации о знаменитом датском скульпторе Бертеле Альберто Торвальдсене (1768/1770-1844). В сентябре 1836 г. читатели газеты узнали, что Торвальдсен сделал рисунки и модели барельефов для пьедестала монумента Ф. Шиллеру для Штутгарта. «На совершенное окончание памятника Шиллеру в Штутгарте пожаловано королем 8500 гульденов из запасного капитала Государственной казны. Модели статуи и барельефов работы Торвальдсена отданы в музей, названный его именем, и находящийся при Королевской школе искусств», - сообщалось корреспондентом газеты в 1840 г. В том же году скульптор лепил модель статуи И.-В. Гёте и руководству города Франкфурта были представлены два эскиза памятника Гёте, выполненные Б.А.Торвальдсеном. Предпочтение отдали тому, в котором поэт изображался стоя и ее решено было воздвигнуть на парадной площади.¹⁵⁵ Одновременно скульптор получил заказ на исполнение статуи герцога Веллингтона для города Глазго в Великобритании.

В июне 1837 г. «Художественная газета» сообщила о значительном в творческой биографии Торвальдсена факте: в Италии Академия Св. Луки вручила ему золотую медаль, присужденную еще в 1836 г. с надписью: «Alberto Thorvaldsen, Sculptori celeberrimo, sodali bene merenti, ex decreto Academiæ Anno MDCXXXVI».¹⁵⁶ Год спустя в Риме во время эпидемии холеры он вылепил фигуру танцовщицы (в натуральную величину), что по мнению итальянского корреспондента свидетельствовало, «как Торвальдсен еще юн, свеж и деятелен».¹⁵⁷ Малоизвестные в настоящее время данные опубликованы газетой в 1836 г.: «Торвальдсен в 1811 г. сделал для Папского дворца, что на горе Квиринальной, барельеф, изображающий вступление в Вавилон Александра Македонского. Уже тогда известный своим талантом Овербек снял с этого барельефа рисунки, кои и были изданы двумя итальянцами Bettelini и Marchetti. Торвальдсен желал однако же, чтобы Амслер, представивший публике превосходные

¹⁵⁵ Там же, 1836, № 3 (сентябрь). С. 50; 1840, № 18. С. 35; 1840, № 2. С. 30; 1840, № 23. С.34.

¹⁵⁶ Там же, 1837, № 12 (июнь). С. 194. Перевод с лат.: «Альберто Торвальдсену, скульптору знаменитейшему, достойнейшему сотоварищи по указу Академии, год 1836».

¹⁵⁷ Там же, 1838, № 4. С. 145.

гравюры со многих его статуй, издал и этот барельеф. По приглашению Датского двора Торвальдсен исполнил сей барельеф из мрамора для залы в Христиансбурге, - со многими переменами и пополнениями целых групп и фигур. Амслер, в исполнении тех частей, кои взяты из прежнего барельефа, руководствовался рисунками Овербека; с новых частей ему сделаны рисунки итальянскими художниками».¹⁵⁸

В 1840 г. «Художественная газета» на своих страницах постоянно называет имя известного датского мастера. «Деятельность Торвальдсена становится изумительною. Число произведений ежегодно выходящих из его мастерской год от году увеличивается. Ему предстоит исполнить множество заказов, и несмотря на преклонные лета свои, он обещает еще богатую жатву». Король Вюртембергский во время своего пребывания в Риме заказал скульптору «группу трех Амазонок и несколько барельефов». Тогда же портики «великолепного Палаццо герцога Александра Торлония в Риме украшаются знаменитыми мраморными барельефами Торвальдсена»¹⁵⁹.

Одновременно с сообщениями о работах скульптора в Риме, газета пишет и о художественных новостях из Дании: «Для музеума, который будет называться именем Торвальдсена предназначают в Копенгагене так называемую мраморную церковь; средняя часть здания будет по желанию самого Торвальдсена посвящена памяти великих мужей Дании и составит Пантеон наподобие Лондонского и Парижского... Торвальдсен знаменит не одним талантом, но и стремлением к пользам своей родины: художественные сокровища, которые он собрал в Риме, посланы им в Копенгагенский музей, в виде приношения». В 1839 г. в столице Дании была устроена выставка художественных произведений, о которой были проинформированы петербургские читатели: «Нужно ли говорить, что главнейшим украшением Копенгагенской выставки были произведения Торвальдсена... статуи, барельефы, медальоны и фризы неутомимого, неистощимого ваятеля поглощали собою все внимание посетителей». Тогда же датский король Кристиан VIII (1786-1848) заказал скульптору

¹⁵⁸ Там же, 1836, № 3 (сентябрь). С. 50. Уменьшенные гипсовые копии фрагмента рельефа «Вступление Александра Македонского в Вавилон» украшают стены Парадной лестницы Мариинского дворца в Санкт-Петербурге.

¹⁵⁹ Там же, 1840, № 3. С. 36; 1840, № 4. С. 33; 1840, № 6. С. 35.

выполнить модель статуи Кристиана VI (1699-1746). Отлитая из бронзы она должна была быть установлена в притворе Роэскильдского собора (недалеко от Копенгагена, на острове Зеландия). Сразу же после смерти Фридерика VI (1768-1839) Торвальдсен работал над его статуей для Копенгагена, и уже в 1841 г., как сообщила «Художественная газета», приготовил форму для ее отливки¹⁶⁰. Наибольший интерес для исследователей скульптуры представляет обзор произведений Торвальдсена, опубликованный в «Художественной газете» за 1841 г. (№ 9).

После трехлетнего отсутствия в Риме Торвальдсен возвратился туда в начале сентября. «Художники всех наций, - писала газета, - единодушно встретили его и праздновали возвращение знаменитого старца в его второе отечество. Санлукская Академия [Академия Св. Луки - О.К.] немедленно прислала к нему депутацию с поздравлением по этому случаю. Честь необыкновенная».¹⁶¹

В статье известного французского историка искусств Фредерика Мерсе «Живопись и скульптура в Италии», публиковавшейся «Художественной газетой» в 1840 г., отмечено, что многие представители разных стран учились у Торвальдсена и Кановы. В числе итальянских учеников Торвальдсена обычно называют П. Тенерани, из русских скульпторов - Б.И. Орловского. В петербургской мастерской последнего сохранились некоторые гипсовые произведения Торвальдсена,¹⁶² переданные впоследствии в музей Академии художеств.

Созданная Торвальдсеном мраморная статуя «Графини Е.А. Остерман - Толстой» (находится в экспозиции Государственного Эрмитажа) в 1838 г. была преподнесена в дар музею Академии художеств графом А.И. Остерман - Толстым. «Дар сей Академия приняла тем с большею и чувствительнейшею признательностью, что доселе она не имела произведений знаменитого художника и, что статуя Графини есть одно из прекраснейших изваяний его», - сообщалось «Художественной

¹⁶⁰ Там же, 1840, № 4. С. 30, 36; 1840, № 9. С. 17; 1840, № 14. С. 32; 1841, № 18. С. 6.

¹⁶¹ Там же, 1841, № 20. С. 8.

¹⁶² Там же, 1838, № 18. С. 569.

газетой».¹⁶³ Работая в Риме, известный датчанин создал целую скульптурную школу. Он обучал начинающих художников, приехавших в Италию из разных стран совершенствовать свое мастерство, и под его руководством выполнялись ими скульптурные работы. В частности, он помогал А. Гофрту высекать из мрамора группу «Потоп», незавершенную умершим бельгийским скульптором Кессельсом.¹⁶⁴ Его постоянно удостаивала высших похвал русская критика, называя скульптора «неутомимым», «изумительным», «знаменитым».

В числе менее известных датских скульпторов «Художественной газетой» упомянут Герман Эрнст Фройнд (H.E.Freund [1786-1840]), преподававший в Копенгагенской Академии художеств. Как писала газета, заказанная Копенгагенским обществом любителей профессору Фрейнду бронзовая статуя Одина - верховного бога, бога войны и победы в скандинавской мифологии - была начата создаваться им в Риме и окончена в Копенгагене. По своей красоте она, говорили, «возбуждает всеобщее удивление».¹⁶⁵

Знакомство с русской прессой и, в частности с «Художественной газетой», дает представление о ряде ярких фактов из истории скандинавской скульптуры, позволяет выявить ныне забытые и малоизвестные сведения о таком крупном датском скульпторе, как Б. Торвальдсен. Благодаря обращению к названным материалам стало возможным установить, что мраморные статуи «Св. Петр» и «Св. Павел», стоящие перед лютеранской церковью, «Св. апостола Петра» на Невском проспекте (архитектор А.П. Брюллов [1833-1838]), являются повторениями известных работ Торвальдсена, и этот факт устраняет ошибочное мнение о первоначальном предназначении этих статуй для Михайловского замка. Изученные публикации являются свидетельством интересных сведений о связях скандинавской и русской скульптуры. В настоящее время, к сожалению, нет подобного «Художественной газете» издания, которое столь широко знакомило бы русских читателей с искусством европейских стран.

¹⁶³ Там же, С. 569.

¹⁶⁴ Там же, 1838, № 7. С. 237.

¹⁶⁵ Там же, 1841, № 15. С. 8.

ФИНЛЯНДСКИЙ АСПЕКТ ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ АРМИИ СПАСЕНИЯ В ПЕТЕРБУРГЕ В
НАЧАЛЕ XX ВЕКА.

Армия Спасения является одной из самых крупных международных религиозно - филантропических организаций. Несмотря на мировое признание, история её деятельности в России остаётся вопросом мало известным и недостаточно исследованным. Между тем её появление на территории Российской империи относится к рубежу XIX - XX веков.

Основателем Армии Спасения в Великобритании был Уильям Бутс (1829-1912 гг.). Познакомившись в пятнадцатилетнем возрасте с учением методистской церкви, он начал своё служение на религиозном поприще в качестве светского проповедника, а затем методистского пастора в беднейших кварталах Лондона. Молодой человек глубоко проникся основополагающей идеей методизма о том, что решающее значение в деле спасения принадлежит не вере, а выполнению нравственного закона, и, следовательно, чистоту и высоту своей веры надо постоянно доказывать добрыми делами, проповедью и подвигом. Стремление целиком и полностью посвятить себя делу помощи обездоленным побудило его оставить службу в методистской церкви и организовать в 1865 году Христианскую миссию, которая в 1878 году была переименована в Армию Спасения.

В 1909 году в МВД России, в Департамент духовных дел иностранных исповеданий поступил телеграфный запрос Императорского генерального консульства в Лондоне с просьбой уведомить не будет ли со стороны Министерства препятствий для посещения Финляндии и Санкт-Петербурга учредителем Армии Спасения генералом Бутсом, сопровождаемого секретарем и двумя помощниками. В подготовленной по этому случаю в департаменте записке указывалось, что “в пределах Российской Империи последователи генерала Бутса имеются только в Финляндии”, а делопроизводство о разрешении приезда членам Армии Спасения в Россию и “вообще о деятельности сего общества” на

территории страны ранее не производилось¹⁶⁶. Однако на основании распоряжения бывшего обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева от 1891 года о запрещении учредителю Армии Спасения генералу Бутсу въезжать в пределы империи Министерство внутренних дел расценивало такой визит как нежелательный. Несмотря на это 13 марта 1909 года предводитель Армии Спасения генерал Уильям Бутс посетил Санкт-Петербург.

“Пребывание генерала Бутса в Санкт-Петербурге имело целью основать работу Армии Спасения в России. Однако ему не только не удалось открыть компанию здесь, но ему вовсе не позволили говорить публично. Несмотря на это, ему удалось иметь свидание с некоторыми “власть имеющими”, которое, как мы слышали, дало большие надежды”. Такой отзыв на визит генерала в столицу был опубликован в “Христианском поборнике”, журнале, издаваемом общиной методистско-епископской церкви в Санкт-Петербурге. Как далее указывалось в заметке, по словам генерала, Россия занимала его мысли днём и ночью, ибо он видел здесь великие возможности для Армии и желал бы взяться за них. Он сказал: “Я не нуждаюсь в покровительстве и не прошу капиталов. Я прошу только дозволения испытать здесь свои приёмы.”¹⁶⁷. Однако, с сожалением отмечал автор статьи, “несмотря на усердную молитву, несмотря на все старания, сближение с другими верующими остаётся невозможным”. Правительство и православная церковь в силу целого ряда причин противились появлению Армии Спасения в России, основным путём проникновения которой в страну была Финляндия.

Согласно сведениям, предоставленным в Департамент духовных дел Финляндским генерал-губернатором, Армия Спасения действовала в Финляндии примерно с 1889 году и обосновалась там “нелегальным образом”¹⁶⁸. Это дата подтверждается и финскими салютистами, которые приписывали инициативу открытия отделения Армии Спасения в Финляндии Луизе Форселлес. Во время заграничных путешествий она

¹⁶⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.821. Оп.133. Д. 231. Л.3.

¹⁶⁷ Вера и дела прочих христиан. Армия Спасения. // Христианский поборник. Русский орган методистско-епископской церкви. СПб., 1909. №5. С. 39.

¹⁶⁸ РГИА. Ф.821. Оп. 133. Д. 231. Л.16.

имела возможность лично познакомиться с генералом Бутсом и деятельностью его организации. По возвращении на родину, она поделилась своими впечатлениями с некой Ядвигой фон-Гаартман и её единомышленниками, которых волновала проблема “нравственного и физического спасения народа”¹⁶⁹. 8 ноября 1889 г. они провели в Гельсингфорсе первое собрание Армии Спасения. С тех пор собрания приняли регулярный характер, а Ядвига фон-Гаартман была назначена начальницей Армии Спасения в Финляндии.

В 1891 году члены - учредители финляндского отделения Армии обратились в Императорский финляндский сейм с ходатайством узаконить их функционирование в пределах Финляндии, но часть сенаторов высказалась за отклонение поступившего ходатайства. Отказ мотивировался нежелательностью допущения в Финляндии общества, которое, “являясь отделением международной Армии Спасения, должно быть подчинено заграничному начальству и обязано повиноваться его распоряжениям”¹⁷⁰. К этому мнению присоединился генерал-губернатор Финляндии граф Гейден, и прошение Армии Спасения было отклонено. Тем самым любая её публичная деятельность в пределах края запрещалась и подвергалась преследованию. Многие салютисты, являвшиеся иностранными подданными, были высланы из страны за недозволенную агитацию, в силу предоставленного императором генерал-губернатору Финляндии права удалять за границу всех иностранцев, прибывших на её территорию с целью агитации в пользу Армии Спасения.

Тем не менее, на рубеже XIX-XX веков Армия Спасения получила широкое распространение на финляндской территории. Но, по-видимому, с течением времени она перестала обращать на себя внимание властей, а её существование обосновывалось высочайшим указом от 11 ноября 1889 г., дававшим право протестантским религиозным общинам, не принадлежащим к евангелическо-лютеранской церкви, открыто исповедовать свою веру в качестве иноверных общин.

¹⁶⁹ Вестник спасения. СПб., 1914 . №12 . С.4.

¹⁷⁰ РГИА. Ф.821. Оп. 133. Д. 231. Л.17.

Основная причина настороженного отношения властей к Армии Спасения была сформулирована в 1911 г. генерал-лейтенантом Зейном в записке в Департамент духовных дел. Он писал : “Нельзя обойти молчанием, что главный руководитель всей Армии Спасения генерал Бутс, в бытность свою в Гельсингфорсе в 1909 году, обратился с письмом на имя бывшего финляндского генерал-губернатора от инфантерии Бекмана, выказывая между прочим надежду на то, что «старания его подчинённых были полезны властям по части введения порядка и хорошего поведения среди классов, оказавших сопротивление поддержке общественного порядка». Допуская возможность подобной услуги со стороны членов Армии Спасения, генерал Бутс, по-видимому, не считает себе чуждой задачей известного политического воздействия на общественные массы, каковое обстоятельство является неблагоприятным показателем, ибо при изменившихся обстоятельствах или взглядах руководителей Армии Спасения, последняя несомненно сможет проявить широкое влияние и во вред существующему государственному порядку, тем более если иметь ввиду, что главное своё управление общество имеет за границей и тем самым лишено всякого контроля со стороны нашего правительства”¹⁷¹. Таким образом, признавая полезные внешние проявления деятельности Армии Спасения, власти не располагали твёрдой уверенностью, что эта организация, “стремящаяся сплотить своих членов в компактные массы, с придачею им притом характера, пародирующего военную организацию”, лишена скрытых целей и безопасна для общественного порядка в стране. Это была главная причина, препятствовавшая открытию отделений Армии Спасения на территории Российской империи.

Как показывают документы, сохранившиеся в Российском государственном историческом архиве, весной 1911 г. в Министерство внутренних дел России поступило письмо от посла Великобритании в Санкт-Петербурге Бьюкенена с просьбой разрешить членам Армии Спасения свободно действовать на территории Российской империи. По сообщению императорского посла в Лондоне графа Бенкендорфа, из заявления посетившего его члена Армии Спасения видно, что “последняя

¹⁷¹ Там же. Д. 231. Л. 18.

заранее принимает все условия, которые наше правительство поставило бы для её деятельности в Империи, и что вообще общество не намеревается предпринимать чего-либо без ведома наших властей”. Более того на основании личного опыта и наблюдений граф Бенкендорф свидетельствовал, что Армия “состоит из лиц порядочных и добросовестных, и можно быть уверенными, что данное ими заверение будет в точности исполнено”¹⁷². Это мнение находило подтверждение у министра иностранных дел С.Д. Сазонова, который во время поездки в Лондон имел возможность ознакомиться с деятельностью Армии Спасения и констатировал “её поразительные результаты”. По его словам, “Армия стремится к достижению лишь нравственных целей и не носит какого-либо вероисповедного оттенка. Духовенство всех исповеданий горячо приветствует её успехи”. Более того, министр считал, что не преследуя никаких политических целей, она являлась противницей социалистического и анархического учений¹⁷³.

Директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий Ал. Харузиным был подготовлен ответ послу Великобритании, в котором указывалось на затруднение министерством “присвоить этой организации официальное существование в России”. Во-первых, министерство выражало опасение, что Армия Спасения, являясь организацией религиозного характера, в специфических условиях религиозной жизни народа в России начала XX века, может вылиться в новое сектантское течение. Во-вторых, по общему духу законодательства и “сложившейся издавна государственной практике в пределах Российской империи” не допускалось проявление деятельности обществ, союзов и иных организаций, имеющих международный характер и таким образом “не находящихся всецело в сфере воздействия русского закона и русской государственной власти”. И, в-третьих, в самом русском обществе проявилось значительное стремление к созданию организаций, преследующих схожие с Армией Спасения цели религиозного и нравственного созидания среди мелкобуржуазных слоёв населения¹⁷⁴.

¹⁷² Там же. Д. 231. Л.16.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же. Л 8,10,12.

Однако, учитывая широкое признание заслуг этой организации во всём мире и те высокие начала, которым она служит, министр внутренних дел счёл необходимым вынести решение данного вопроса на заседание Совета Министров. Факт этот был по своему уникальным в российской истории, ибо вопросы, связанные с разрешением деятельности той или иной религиозной организации обычно решались на уровне министерства внутренних дел в соответствии с заранее установленным порядком. Он свидетельствовал о том, что правительству предстояло решить проблему не столько религиозного, сколько политического характера.

21 декабря 1911 г. министр внутренних дел А.А. Макаров был уведомлён, что Совет Министров, рассмотрев на текущем заседании от 15 декабря 1911 г. соображения по возбуждённому Армией Спасения ходатайству, согласился с доводами министерства о нежелательности распространения ее деятельности в пределах империи и признал поступившее ходатайство “неподлежащим удовлетворению”¹⁷⁵.

Следующую попытку добиться разрешения на свою деятельность в России Армия Спасения предприняла 6 сентября 1914 г., когда на имя министра внутренних дел Н.А. Маклакова поступило письмо от проживающей в Петербурге Марии Вейсберг, которая от имени Армии Спасения просила лишь “о праве открывать” с разрешения властей “некоторые учреждения, являющиеся в настоящее время особенно нужными”¹⁷⁶. Но и это прошение разделило судьбу предыдущего. Оно было отклонено министром внутренних дел 12 октября 1914 г. Не добившись от властей официального разрешения на свою деятельность, первые салютисты начали свою работу в Петербурге с 1913 г. нелегально.

¹⁷⁵ Там же. Л. 23.

¹⁷⁶ Там же. Д. 231. Л. 25.

НАУЧНЫЕ СВЯЗИ ПЕТРОГРАДА-ЛЕНИНГРАДА
И СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ В 20 - 30-Е ГГ.

В 1918 г. Петроград утратил статус столицы России, но оставался крупнейшим научным и культурным центром страны. Это во многом определяло роль, которую сыграл город и страна в целом в восстановлении и развитии культурных связей с государствами Северной Европы. Первая мировая война, революции и гражданская война в России нарушили традиционные связи в области культуры. Принятое Советом Антанты решение о блокаде Советской России на несколько лет прервало общение отечественных и зарубежных ученых. Но это не могло продолжаться долго. Вскоре многие выдающиеся представители европейской культуры выступили за восстановление нарушенных связей. Среди них были и граждане скандинавских стран.

В 1918-1921 гг. наметились первые контакты на полуофициальном уровне: миссии М. Литвинова и Л. Красина предусматривали, в частности, установление научных связей. Однако эти возможности не удалось реализовать в силу политических обстоятельств. К тому же закрытие Финляндией границы помешало поездкам ученых.¹⁷⁷ В начале 20-х годов сложилась благоприятная обстановка для восстановления международных связей. В 1921 г. по инициативе Ф. Нансена были установлены контакты советских и норвежских полярников на Шпицбергене.¹⁷⁸ В 1920-1921 гг. значительные закупки иностранных изданий и приборов были сделаны Бюро иностранной науки и техники при Совете Народных Комиссаров (СНК), представители которого работали в Берлине и выезжали в скандинавские страны.¹⁷⁹ В 1921г. СНК командировал за границу комиссию Академии наук для возобновления научных связей и закупки книг, журналов, приборов. В 1921-1922 гг. ее члены во главе с неперменным секретарем Академии С. Ольденбургом посетили и скандинавские

¹⁷⁷ Кузьмин М.С. Деятельность партии и советского государства по развитию международных научных и культурных связей СССР. 1917 - 1932 гг. Л., 1971. С. 16

¹⁷⁸ Романовский С.К. Международные культурные и научные связи СССР. М., 1966. С. 27

¹⁷⁹ Шишкин В.А. Советское государство и страны Запада. 1917 - 1923 гг. М., 1969. С. 424-426

страны.¹⁸⁰ В 1921 г. в Норвегии и Швеции вызвал интерес "Вестника новых поступлений Эрмитажа" за 1921 г.¹⁸¹ В 1923 г. Академия наук установила связи и обменялась литературой с Союзом шведских инженеров и архитекторов. Сложнее было организовать личные контакты ученых. Но уже в 1922 г. в Швецию выезжал Н. Вавилов для сбора образцов злаков. В это время выдающийся генетик собирал материалы для коллекции злаковых культур, которая легла в основу всемирно знаменитой коллекции Института растениеводства РАН в Петрограде. В 1923 г. Данию посетил акад. П. Лазарев. Он прочитал цикл лекций о биофизике и Курской магнитной аномалии. Вскоре в Дании выступал с лекциями Г. Графтио об электротехнике и строительстве Волховской ГЭС.¹⁸² В 1923 г. Петроград посетил также известный шведский путешественник Свен Гедин.¹⁸³ Так были установлены первые связи в области научного обмена с Петроградом.

Дипломатическое признание СССР странами Северной Европы в 1924 г. расширило возможности культурных обменов. В 1924-1925 гг. А. Ферсман и группа отечественных геофизиков совершили научную экскурсию в Данию, Норвегию и Швецию для изучения четвертичных отложений. В 1927 г. на празднование 200-летия РАН в Ленинград прибыл шведский профессор Эйлер, а ученые Дании и Финляндии прислали в связи с этим письменные поздравления. Затем, в 1928 г. академик Е. Тарле читал лекции в Стокгольме,¹⁸⁴ а летом 1928 г. А. Ферсман совершил экспедиции в Норвегию и Данию.¹⁸⁵ Вообще 1928 г. сыграл особую роль в укреплении связей с научной общественностью скандинавских стран. Поход ледокола "Красин" для спасения экспедиции Нобиле имел огромный общественный резонанс. Институт Арктики в Ленинграде приобрел всемирную известность. В 1929 г. с лекциями в скандинавских странах выступали академик А. Северцев и И. Павлов.¹⁸⁶ Активизировались связи с Финляндией в области книгообмена. В 1925 г. хельсинкская библиотека и

¹⁸⁰ Крылов А.Н. Мои воспоминания. Л., 1984. С. 241; Известия. 1923. 27 нояб.

¹⁸¹ Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. 5. Д. 40. Л. 5

¹⁸² Документы внешней политики СССР. М. 1974. Т. 19. С. 500-501; Т. 20. С. 293-295

¹⁸³ Известия. 1923. 19 декабря

¹⁸⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5283. Оп. 5. Д. 457. Л. 15

¹⁸⁵ Романовский С.К. Ук. Соч. С. 22

¹⁸⁶ Иоффе А.Е. Международные связи науки, техники и культуры. 1917-1932. М., 1975. С. 128, 129

Библиотека Академии наук в Ленинграде обменялись крупными партиями книг. По просьбе президента Финляндии Л.Реландера, агронома по профессии, были отправлены образцы злаковых культур из Института растениеводства РАН. В январе 1929 г. Ленинград посетила группа финских врачей, которая познакомилась с Военно-медицинской академией, клиниками Медицинского и Ортопедического институтов, больницей им. И.Мечникова.¹⁸⁷ Таким образом, в середине и второй половине 20-х гг. шел процесс восстановления культурных связей Петрограда-Ленинграда со странами Северной Европы.

После небольшого спада культурного сотрудничества приобретают широкий характер связи в области культуры в середине - второй половине 30-х гг. Этот процесс обуславливался экономическим ростом и культурными достижениями в СССР, а также политическими соображениями в условиях нарастания в Европе фашистской военной угрозы. В 1930 г. в Ленинграде побывала группа датских педагогов.¹⁸⁸ Вместе с тем в том же году поездку в скандинавские страны совершил академик В. Миткевич,¹⁸⁹ а в 1931 г. Н. Вавилов читал лекции в Стокгольме о развитии селекции и генетики. Советские ученые приняли участие в работе Международной конференции почвоведов в Копенгагене и Берлине в июле-августе 1933 г.¹⁹⁰

Ленинград был центром исследований в энергетике, что нашло отражение и в международных связях. В 1933 г. советская делегация приняла участие в работе Мирового энергетического конгресса, проходившего в Копенгагене, Стокгольме и Осло. Одновременно состоялся пленум Международной комиссии по большим плотинам. На нем выступал академик И. Александров.¹⁹¹ В 1934 г. Ленинград посетила группа инженеров-электро-техников из Финляндии во главе с министром промышленности и торговли.¹⁹² В свою очередь лекции об электрификации читал в 1937 г. в Стокгольме Г. Графтио. К тому же состоянию

¹⁸⁷ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 5. Д. 457. Л. 33-35

¹⁸⁸ Там же. Оп. 2. Д. 976. Л. 55

¹⁸⁹ Иоффе А.Е. Ук. Соч. С. 129

¹⁹⁰ Архив Российской Академии Наук (РАН). Ф. 632. Оп. 3. Д. 61. Л. 1.

¹⁹¹ См.: Известия. 1933. 7 марта, 9 июня, 12 нояб.

¹⁹² Документы внешней политики СССР. Т. 17. С. 372-374

гражданского и промышленного строительства в Ленинграде изучали в 30-е годы студенты Высшей технической школы Стокгольма.¹⁹³

Широкое развитие в получило международное сотрудничество в области физики и физической химии. Дружеские связи установились между А. Иоффе и Н. Бором. В 1934 г. выдающийся ученый Дании выступил с докладом по теории атома, прочитал курс лекций в Ленинградском физико-техническом институте. На Менделеевский съезд химиков в Ленинграде (сентябрь 1934 г.), приезжали ученые из Швеции, Дании и Финляндии.¹⁹⁴ Показательно, что в то время в университете Хельсинки была создана группа, ставившая своей целью развитие научных связей с СССР. Вскоре в Ленинград прибыла группа финских журналистов для ознакомления с развитием науки и культуры.¹⁹⁵

Заметно активизировались совместные исследования ученых Северной Европы в Арктике. Ленинград при этом являлся уже центром арктических исследований международного уровня. В 1933 г. по программе Международного полярного года были осуществлены исследования, включавшие наблюдения атмосферного электричества и радиоактивности, океанографические, метеорологические, аэрологические работы, горные исследования. Они проводились на прибрежных станциях и в 15 морских экспедициях.¹⁹⁶ С 1933 г. члены Географического общества СССР включаются в работу Международной ледниковой комиссии, объединявшей исследователей Арктики и Антарктики.¹⁹⁷ После закрытия с августа 1933 г. в Германии международного журнала «Арктика» его издание было возобновлено Арктическим институтом в Ленинграде,¹⁹⁸ а в следующем году Р.Самойлович прочитал в Швеции лекции о работах этого института.¹⁹⁹

В 30-е годы в Ленинграде проводились международные встречи географов: 4-я Балтийская гидрологическая конференция (1933 г.) и

¹⁹³ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 5. Д. 551. Л. 4

¹⁹⁴ Известия. 1934. 15 апр., 14, 16 сент.

¹⁹⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 17. С. 778; ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 5. Д. 588. Л. 131

¹⁹⁶ См.: Зубов Н.Н., Козицкий Н.И. Участие Советского Союза в проведении II Международного полярного года (1932 - 1933 гг.). М., 1959.

¹⁹⁷ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22. Л. 9.

¹⁹⁸ Известия. 1933. 12 авг.

¹⁹⁹ Романовский С.К. Ук. Соч. С. 22

Балтийская геодезическая конференция (1934 г.). В гидрологической конференции приняли участие ученые из Швеции, Дании и Финляндии. Форум способствовал выявлению научных достижений по изучению гидрологического режима Балтийского моря.²⁰⁰ Ученые из стран Северной Европы работали на XV Международном физиологическом конгрессе, состоявшемся в Ленинграде в 1935 г.,²⁰¹ а в следующем году ленинградские ученые принимали участие в работе на V Международного антиревматического конгресса, проходившего в Швеции.²⁰²

В итоге краткого обзора существовавших в 20-30 гг. связей с учеными стран Северной Европы, следует отметить, что несмотря на произошедшие в России изменения Ленинград тогда продолжал олицетворяться в Скандинавии и Финляндии в качестве крупнейшего мирового научного центра.

²⁰⁰ ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 952. Л. 3, 5; Известия. 1933. 8 и 16 сент.

²⁰¹ Там же. Ф. 3316. Оп. 27. Д. 426. Л. 16, 17, 53. Известия. 1935. 10 авг.

²⁰² Известия. 1934. 4, 22 мая.

РУССКО-НОРВЕЖСКОЕ МОРЕХОДНОЕ ОБЩЕСТВО В ЛЕНИНГРАДЕ

Торговый флот Советской республики был национализирован декретом СНК 30 января 1918 г., но только с 1920 г. он стал собственностью советской власти. Созданный в 1922 г. Госторгфлот в составе Наркома путей сообщения участвовал в заграничных перевозках всего на 8,5%,¹ но уже в 1924 г. акционерное общество Совторгфлот собрало под единое руководство весь морской торговый флот страны, разбросанный ранее по разным наркоматам и акционерным обществам. В этот период морской торговый флот по количеству, возрасту и состоянию представлял собой подновленные остатки того торгового флота России, который и в прежние времена не отвечал большим по масштабу интересам всей страны. Иностранные государства искали пути для экономического охвата внешней торговли с целью проникновения на территорию возрождающегося сырьевого рынка СССР. В первые годы советской власти советское правительство было вынуждено со своей стороны искать различные формы торговых связей с заграницей. В результате интересы двух стран – СССР и Норвегии – объединились в форме смешанных обществ «Руссонорзе» и «Норсруссиск». Эти общества тесно сотрудничали и с Доброфлотом, оставшимся с дореволюционных времен, и с Госторгфлотом.² Для СССР создание смешанных обществ было необходимо для поднятия политической значимости и для прорыва экономической блокады. Норвежской же стороне в период экономического кризиса начала 1920-х годов открывалась возможность задействовать часть от своих 3740 судов общим тоннажом в 2620000 единиц.³

В феврале 1923 г. гособъединение «Северолес» при участии АО «Аргос» и норвежской пароходной фирмы в Бергене учредили Русско-норвежское мореходное общество. Центральная контора располагалась в Лондоне и действовала в соответствии с английскими законами, фрахтуя

¹ В Совет Труда и Оборона Полномочной комиссии СТО по обследованию морского судоходства. М., 1924 (на правах рукописи). С.11.

² Там же. С.17

³ Репневский А.В. СССР-Норвегия. Экономические отношения межвоенного двадцатилетия. Архангельск, 1998. С.122

суда для советских нанимателей. Директорами с советской стороны были А.А.Квиатовский, В.В.Саговский, А.В.Ясвоин, а с норвежской – Карл Кнутсен, Томас Фальк и Кнут Семме. В первый год работы эта компания зафрахтовала для СССР 469 пароходов, из которых 31 русское судно. На следующий год, в 1924 г., под лес ею было зафрахтовано 304 парохода, из которых 218 - норвежских и 86 из других стран. Всего в этот год было зафрахтовано 478 пароходов.⁴ Прибыль норвежской стороны общества «Руссонорзе» заключалась в том, что норвежский тоннаж при высоком фрахте на лес обслуживал в большей части советские лесные перевозки (218 из 304) и в расчетном балансе Норвегии стояла крупная сумма актива от скрытого вида экспорта транспортных услуг.

Смешанное общество не доверяло агентствам Госторгфлота и Доброфлота оформление зафрахтованных советских судов. Это же общество было агентом советских торговых флотов за границей. Деятельность смешанных обществ была более авторитетной, чем деятельность Госторгфлота и пользовалась покровительством зарубежных торговых представительств СССР. Норвежская сторона общества была сильнее советской, сумела использовать в своих интересах невыгодно составленный десятилетний договор, а ее торговый партнер не смог воспользоваться и теми незначительными правами, которые были там предоставлены.

Тем не менее, это общество работало в течение 5 лет, имея центральную контору в Лондоне и агентства в Ленинграде, Мурманске и Архангельске, а также представительство в Москве. Агентства в Ленинграде, Мурманске и Архангельске были созданы для обслуживания в Беломорских и Балтийских портах СССР судов, представляемых обществом «Руссонорзе», а также для получения наиболее правильной информации на местах о продвижении зафрахтованных судов и их тоннаже. Представители агентств назначались из числа граждан СССР. Агентства снабжали продовольствием, необходимыми материалами, наблюдали за погрузо-разгрузочными работами, рассчитывались с портовыми организациями,

⁴ В Совет Труда и обороны Полномочной комиссии СТО по обследованию морского судоходства. С.18

защищали интересы пароходных команд, организовывали ремонтные работы, страхование судов, связь с Москвой. Отчетность работы агентств велась на русском языке.⁵

Особо представляет интерес деятельность Ленинградского агентства. Прежде всего, надо сказать, что в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга хранится большое количество документов Ленинградского агентства Русско-норвежского мореходного общества, содержащих сведения за 1923-1928 гг., относящихся к финансовым и кадровым вопросам, переписку с зарубежными фирмами, данные об обслуживании пароходов, ледовой обстановке и другие.

Штатный состав Ленинградского агентства был невелик - не более шести сотрудников. Оклады имевшихся в нем в 1928 г. трех служащих составляли в общей сумму 475 рублей в месяц.²⁰³ Центральная контора агентства, совершенно очевидно, имела экономию на расходах в Ленинграде. Переписка агентства характеризует большой масштаб деятельность ленинградского отделения. Среди писем на английском и русском языках встречаются адреса Двинлеса, Лесэкпорта, Лесной конторы Севзапгосторга, Экспорта и других советских представительств. Кроме того, огромное количество писем с адресами датских и шведских пароходных компаний.⁷ Таким образом, агентство было теснейшим образом связано со многими норвежскими компаниями, не говоря уже о норвежских судах, документы которых представлены в указанном архиве.

Но уже в 1924 г. Полномочная комиссия Совета Труда и Оборона приходит к выводу, что «Руссонорз» не принесет никакой выгоды для СССР, и смешанным обществам ни под каким предлогом нельзя предоставлять монополию в осуществлении морских перевозок. В связи с организацией Свторгфлота надобность в существовании «Руссонорза» отпадала, так как оно мешало этой новой организации развернуть свою деятельность за рубежом.

⁵ Российский государственный архив Санкт-Петербурга (РГА Спб). Ф.6996. Оп.1. Д. 20. Л.40-40 об.

²⁰³ Там же. Л. 12.

⁷ РГА Спб. Оп.3. Д. 19. Л.12, 16, 27, 40, 60,70.

В 1928 г. договор с «Руссонорз» был расторгнут, а Ленинградское отделение русско-норвежского общества ликвидировано. Важно, однако, подчеркнуть ту существенную роль, которую оно сыграло в прорыве экономической блокады СССР в начале 1920-х годов.

Итак, в Ленинграде на протяжении 5 лет осуществлялись тесные деловые контакты по приему и отправлению судов, зафрахтованных норвежскими фирмами, преимущественно это были норвежские суда. В город приходили норвежские моряки, знакомились с Ленинградом, общались с его жителями. Деятельность русско-норвежского общества, несомненно, имела существенное значение в экономическом развитии страны.

КАФЕДРА СКАНДИНАВСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

- ЦЕНТР ПРЕПОДАВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКОВ СКАНДИНАВИИ

Когда осенью 1935 г. первые студенты приступили к занятиям по шведскому языку на филологическом факультете Ленинградского университета - во «дворце Петра II» (прямо напротив Медного всадника) на Васильевском острове, то вряд ли кто-нибудь осознавал всю важность произошедшего. Между тем это означало создание первого в истории России (и, очевидно, первого во всей Восточной Европе) специального отделения, дающего высшее университетское образование в области скандинавистики.

Через десять лет, в 1945 г., открывается и норвежское отделение, а в 1947 г. - датское. Затем, в 1958 г., было уже оформлено создание кафедры скандинавской филологии - первой кафедры такого рода во всей стране.²⁰⁴ Сейчас ежегодно принимается и выпускается от одной до трех групп, а обучается одновременно около 50 человек. Первыми же первопроходцами в минувшие трудные годы работы были преподаватели, о которых следует упомянуть добрым словом: Г.Т.Купинская, В.В.Рахманов, А.Ю.Костина, Е.Н.Благовещенская, Э.Р.Полонская, М.П.Ганзен-Кожевникова.

Сегодняшним студентам даже представить себе трудно, насколько сложны были условия, в которых учились их предшественники в первые годы: не было ни словарей, ни учебников, ни магнитофонных записей в лингафонном кабинете, ни - тем более - поездок в страну изучаемого языка. Как пример, можно вспомнить занятия по фонетике, которые в 50-е гг. проходили по граммофонным записям. Оригинальные пластинки надо было

²⁰⁴ В первые послевоенные годы один скандинавский язык - шведский - преподавался также в Первом Ленинградском институте иностранных языков. Он в 1957 г. был присоединен к ЛГУ и в следующем году вошел в состав филологического факультета. С 1972 г. по настоящее время на кафедре скандинавской филологии работает четвертое, нидерландское отделение.

усиленно беречь, поэтому перезаписи делались на гибкую пластмассовую пленку, большей частью рентгеновскую с просматриваемыми изображениями костей. Когда появилась факультетская лингафонная лаборатория с первыми, тогда еще громоздкими магнитофонами с бобинами, то это воспринималось как прорыв в далекое будущее.

В первое время не существовало также многих из привычных ныне курсов по теоретическим дисциплинам, не было научных статей и монографий, серьезной исследовательской работы преподавательского и студенческого коллектива. Появление таких изменений связано в первую очередь с деятельностью М.И.Стеблин-Каменского и С.С.Масловой-Лашанской.

Михаил Иванович Стеблин-Каменский (1903-1981) - всемирно известный ученый, патриарх отечественной школы скандинавистики, доктор филологических наук, профессор, почетный доктор Стокгольмского и Рейкьявикского университетов. С 1945 г. он возглавлял скандинавское отделение, а в 1958 г. именно по его инициативе и при самом непосредственном участии была создана кафедра скандинавской филологии, которой он руководил до 1978 г. Более 250 будущих специалистов по скандинавским языкам слушали его лекции, участвовали в проводившихся им семинарах, посещали практические занятия, трудились над курсовыми и дипломными работами. Десятки человек под его руководством, закончив аспирантуру, успешно защитили кандидатские диссертации. В их числе есть и доктора наук. М.И.Стеблин-Каменский опубликовал около полутора сотен работ. Они написаны просто, живо и остроумно. Полностью сохраняя свое новаторское значение для науки, эти работы в то же время открывали людям, далеким от науки увлекательный мир культуры других эпох и стран.²⁰⁵

Сарра Семеновна Маслова-Лашанская (1916-1990) защитила кандидатскую диссертацию по истории скандинавских языков еще до войны. В послевоенное время она, преподавая теоретические и

²⁰⁵ Наиболее полную библиографию работ М.И.Стеблин-Каменского см. в кн.: Steblin-Kamenskij M.I. Myth. Ann Arbor: Karoma, 1982. P.132-150.

практические аспекты языка, занималась изучением проблем шведской лексикологии и защитила докторскую диссертацию.

С 1978 по 1997 гг. возглавлял кафедру скандинавской филологии доктор филологических наук профессор Валерий Павлович Берков, действительный член Академии Наук Норвегии, а в Нидерландах - член Фризской Академии. Весной 1999 г. В. П. Беркову в Осло на торжественной церемонии вручили высший норвежский орден «За заслуги» 1 класса, после чего он был на аудиенции у короля Норвегии Харальда V. А две недели спустя представитель Президента России в Петербурге вручил ему российский «Орден Дружбы» за большие заслуги в научной и педагогической деятельности и в связи с 275-летием со дня создания Санкт-Петербургского университета.²⁰⁶

На протяжении всей истории кафедры преподаватели-скандинависты не только обучали студентов практическому языку во всех его аспектах, читали общие и специальные теоретические курсы по скандинавской филологии и руководили работой студентов над курсовыми и дипломными сочинениями. Преподаватели создавали также многочисленные труды.²⁰⁷

Целый ряд работ преподавателей кафедры в области лингвистики пользуется самой широкой известностью и при этом не только среди скандинавистов. «История скандинавских языков», «Древнеисландский язык», «Грамматика норвежского языка», «Спорное в языкознании» и другие книги М.И.Стеблин-Каменского принадлежат к их числу. С.С.Маслова-Лашанская опубликовала книги «Шведский язык» (1953) и «Лексикология шведского языка» (1973), последняя по охвату и глубине не имеет аналогов даже в Швеции.

²⁰⁶ Библиографию работ В.П.Беркова см. в кн.: Профессор Валерий Павлович Берков. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.

²⁰⁷ Библиографии работ отечественных лингвистов по скандинавскому языкознанию публиковались в выпусках кафедральных сборников «Скандинавская филология (Scandinavica)»: I - 1961, III - 1978, IV - 1985, V - 1991.

В.П.Берков написал большое количество работ по лексикографии, которые не только обобщили опыт многих поколений ученых в разных странах, но и стали новым словом в науке. В концентрированной форме автор изложил теоретические основы составления словарей в своей книге «Двуязычная лексикография» (1996), ставшей первым в мировой науке учебником по этой отрасли языкознания. Результатом осмысления процессов, происходящих в лексике, стала книга В.П.Беркова «Норвежская лексикология», вышедшая в Санкт-Петербурге на русском языке (1994). В Норвегии проявили к ней настолько большой интерес, что в короткое время был сделан перевод на норвежский. Книга не только вышла (1997), но и используется теперь в качестве учебника в некоторых университетах. В.П.Берков - германист широкого профиля. Его книга «Современные германские языки» (1996) представляет собой не только описание каждого из языков по единой схеме, но и сопоставление отдельных аспектов и явлений данных языков, сделанное чрезвычайно оригинально и убедительно.

Коллективом кафедры создано также большое количество статей по частным вопросам различных аспектов скандинавских языков. Помимо теоретических трудов разрабатываются также многочисленные учебники и учебные пособия. Среди них следует назвать «Учебник шведского языка» С.С.Масловой-Лашанской и Н.Н.Толстой, вышедший уже несколькими изданиями.

Важным видом деятельности ученых кафедры является составление словарей. В частности, опубликован большой «Русско-шведский словарь» (1976), первый в истории «Исландско-русский словарь» (1962), «Датско-русский политехнический словарь» (1987), словарь «Русские фразеологизмы в картинках (для говорящих на датском, норвежском и шведском языках)» (1988). На протяжении нескольких десятков лет шла работа над созданием «Русско-норвежского словаря», который после многих задержек был выпущен в 1987 г. Второе его издание вышло в 1994 г.

В своих интересах филологи-скандинависты не ограничиваются вопросами языка. Написаны многочисленные работы по литературоведению, такие как замечательные исследования М.И.Стеблин-Каменского по средневековой литературе и культуре: «Культура Исландии», «Мир саги», «Миф», «Становление литературы», переводы которых были выпущены в Норвегии, Дании, Исландии, США и Японии.

Крупнейшим исследователем скандинавской литературы нового времени является Ирина Петровна Куприянова, доктор филологических наук, профессор. В своей монографии «Датская драматургия первой половины XX века» (1979) и многих статьях она проанализировала литературный процесс в этой части Европы.²⁰⁸ У В.П.Беркова есть ряд работ, посвященных норвежской и исландской литературе разных периодов. Он является одним из лучших специалистов по древнеисландской литературе.

Много сил преподаватели кафедры уделяют и переводческой деятельности, ознакомлению российской читающей публики с крупнейшими памятниками древнеисландской литературы: родовыми сагами, поэзией скальдов, «Старшей Эддой», «Младшей Эддой», «Кругом земным». Переведены на русский язык произведения многих норвежских и исландских писателей, древнеисландская «Сага о Ньяле». Е.В.Краснова перевела большой роман датского писателя Питера Хёга «Смила и ее чувство снега» (1999).

Кафедра скандинавской филологии имеет широкие научные связи с учеными многих стран. На различных научных конгрессах и конференциях в России и за рубежом выступают ученые-скандинависты филологического факультета.

Вот уже много лет российским преподавателям в обучении студентов помогают высококвалифицированные преподаватели скандинавских языков, приехавшие из северных стран. Благодаря всей этой работе уровень

²⁰⁸ Библиографию работ И.П.Куприяновой см. в кн.: Литература в зеркале эпохи. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 176-179.

знаний выпускников по разным предметам специальности довольно высок, что отмечается как у нас в стране, так и за рубежом.

Общее количество выпускников уже приближается к 500. Они работают в самых разных областях. Среди них есть научные работники, преподаватели вузов и школ, устные и литературные переводчики, переводчики фирм и дипломатических представительств, деятели туристского бизнеса, библиотечные работники, журналисты. Глубокая теоретическая подготовка, полученная на кафедре, позволила некоторым выпускникам, пожелавшим покинуть лоно филологии, не только обратиться к другим наукам, но и достигнуть в них больших научных высот. Это прежде всего относится к таким областям, как история и библиотековедение.

Плодотворная педагогическая и научная работа университетских филологов-скандинавистов Санкт-Петербурга заслужила уже должное признание.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
ПЕТЕРБУРГА И СЕВЕРНЫХ СТРАН: ОПЫТ БИБЛИОМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Цель проделанной работы - показать состояние и перспективы международного творческого сотрудничества научного сообщества Санкт-Петербурга и стран Северной Европы. Несомненно такое сотрудничество имеет определенную специфику, обусловленную как сходством географических особенностей (климатических, метеорологических, ландшафтных и ряда других) регионов, так и исторически сложившимися культурными и экономическими связями. Анализ осуществляющегося взаимодействия этого крупнейшего северо-западного научного центра России со странами Скандинавии позволит выявить новые возможные направления ведущихся учеными совместных исследований.

Происходящие перемены в российском обществе привели к ликвидации ряда барьеров, мешавших международным контактам деятелей отечественной науки. С исчезновением многих запретов стало возможным не только лучше обмениваться научной информацией, но и активно проводить совместные исследования. Интеграция российской науки в мировую привела к заметной профессиональной мобильности ученых России. Возможность стажировок в иностранных научных центрах, участия в конкурсах на получение международных исследовательских грантов, проведение совместной работ с зарубежными коллегами потребовали не только географического перемещения специалистов, но и изменения тематики исследований в сторону проблем, актуальных для мирового сообщества.

Международное научное сотрудничество, как правило, приводит к появлению документов, соавторы которых - ученые разных стран и организаций, проводившие совместные работы. Поэтому в основу исследования легло изучение соавторства. В тех случаях, когда работа в стране индивидуальна или в соавторстве, но выполнялась в разных

научных центрах, то часто считается необходимым указать в тексте публикуемой статьи все организации, где проводилось исследование. Тем самым изучение сведений о месте исследовательской работы позволяет охарактеризовать уровень международной кооперации, степень интеграции научных сообществ разных стран как в целом, так и по отдельным областям знаний. При этом число совместных исследований ученых разных национальных сообществ отражает степень творческой кооперации этих сообществ. Сказанное в полной мере относится к возможности изучения международного сотрудничества Санкт-Петербурга и стран Северной Европы.

Проведение библиометрического анализа стало возможным после появления БД Science Citation Index (SCI), в котором в каждой библиографической записи приводятся наименования организаций, выполнявших изложенное в статье. Эти сведения заимствуются из текстов библиографируемых документов.

Поскольку известно, что в БД SCI сканируются статьи из небольшого числа лучших научных журналов мира, нет необходимости в описании всех творческих контактов. Однако принято считать, что попадание публикации в БД SCI свидетельствует о высокой значимости как самой статьи, так и о научном уровне её авторов.

Технология исследования включала выявление в БД SCI за 1995-1996 гг. статей конкретных сотрудников соответствующих учреждений Санкт-Петербургского региона и последующего анализа каждого использовавшегося документа со следующих позиций:

- тематическая принадлежность (определялась по наименованию журнала);
- наличие соавторов из стран Северной Европы или данных о выполнении работы в соответствующих научных центрах.

Полученные сведения подлежали библиометрической обработке, а также последующему анализу. Ниже приведены результаты проделанного.

Проведенное сравнение доли совместных исследований петербургскими учеными с данными их зарубежных коллег позволило

Общенаучн.	116	3,24	10	0,57					
Математика	40	1,12	31	1,7	77,4			10,0	10,5
Механика	9	0,25	9	0,52					
Астрономия	135	3,78	96	5,51	20,8	8,0		4,4	
Физика	1793	50,16	869	9,86	59,2	48,0	50,0	37,8	58,9
Химия	597	16,70	219	2,56	29,7	4,0	15,0	10,0	6,3
Наук. о земле	135	3,78	114	6,54	51,8	16,0	30,0	11,1	7,4
Биология	542	15,16	259	4,86	36,3	20,0	5,0	20,0	13,7
Техника	110	3,08	39	2,24	48,7			2,2	1,1
Медицина	87	2,43	87	4,99	36,8	4,0		4,4	2,2
Сельс. х-во	10	0,30	10	0,57					

Сравнение показывает, что явно далеко не все области науки, развитые в Санкт-Петербурге, привлекали внимание ученых северных стран с точки зрения совместных исследований. Особенно активно идет сотрудничество в математике (общая доля математических исследований в потоке - 1,7%, а доля в совокупности совместных работ с Финляндией и Швецией более 10%). Превышает доля совместных публикаций ученых стран Северной Европы с санкт-петербургскими коллегами и в науках о земле (6,5% в общем потоке и от 7,4 до 30% в северных странах). Примерно равны они для исследований по физике и медицине.

Проведенное исследование касается, как уже говорилось выше, только элитарных ученых Санкт-Петербурга и стран Северной Европы. И полученные данные говорят о том, что это сотрудничество находится лишь в начальной стадии своего развития. Кроме того необходимо иметь в виду, что контакты специалистов не ограничиваются совместными исследованиями. За пределами анализа - проводимые исследования учеными, не входящими в научную элиту, а также теоретические конференции, семинары и симпозиумы и другие совместные научные мероприятия.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

Т.П.Мазур. Петербург в судьбе выходцев из Норвегии в эпоху Петра I....

А.И.Терюков. Отклики на путешествие А.И.Шегрена в странах Северной Европы.....

Д.В.Митюрин. «Покоритель Финляндии» - генерал от инфантерии
Н.М.Каменский.....

Л.В.Суворова. Карл-Эмануэл Янсон, академик живописи.....

Л.А.Садова. Роль С.Ю. Витте в развитии русско-норвежских отношений в конце XIX - начале XX веков.....

А.В.Репневский. Консул Ф.С.Платоу и дело о «шпионаже» его русской супруги.....

Г.С.Усыскин. Архивные разыскания Юрия Федоровича Дашкова в Северных странах Европы.....

Н.И.Барышников. Битва за Ленинград в исследованиях Хельге Сеппяля.....

Т.К.Михалкова. М.И.Безрукова – исследователь искусства Северных стран.....

война и политика

П.А. Кротов. Об использовании датского образца права при подготовке русского Морского устава 1720 г.

Е.Ю. Дубровская. Сведения о Швеции в годы Первой мировой войны (по донесениям русских военных властей в Финляндии).....

И.Н.Новикова. Деятельность русских организаций в Финляндии в 1918 г. ...

В.И.Мусаев Советско-финляндские отношения и положение финского меньшинства в СССР в 1930-е гг.

Н.М.Межевич. Проблема безопасности Балтийского флота в контексте вопроса о причинах советско-финляндской войны 1939-1940 гг.

В.Н.Барышников. Анализ положения в Финляндии в октябре 1939 г. (по информационным материалам разведки штаба КБФ).....

П.В.Петров. Проблема безопасности Ленинграда в период Второй мировой войны (По материалам оперативного планирования КБФ накануне советско-финляндской войны 1939-1940 гг.).....

В.Н.Барышников. К вопросу о бомбардировке финской столицы авиацией КБФ в начале «зимней войны».....

П.В.Петров. Уроки советско-финляндской войны на море (по материалам совещания командно-начальствующего состава ВМФ в Ленинграде 13-14 марта 1940 г.).....

С.Г. Веригин. Ленинград и Советская Карелия: совместное освоение «новых территорий» в 1940-1941 гг.

Е.А.Акимова. Освещение в ленинградской печати процесса над виновниками войны в Финляндии.

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ, НАУКИ И РЕЛИГИИ

В.Г.Бурков. К истории скандинавской группы государственных
вексиллологических символов.....

О.А.Кривдина. Скандинавская скульптура в освещении русской прессы (по
материалам «Художественной газеты» 1836-1841 гг.).....

Е.А.Терюкова. Финляндский аспект история появления Армии Спасения в
Петербурге в начале XX века....

В.И.Фокин. Научные связи Петрограда-Ленинграда и стран Северной
Европы в 20 - 30-е гг.....

Т.А.Шрадер. Русско-норвежское мореходное общество в Ленинграде.....

Б.С.Жаров. Кафедра скандинавской филологии - центр преподавания и
изучения культуры и языков Скандинавии....

О.М.Зусьман, Т.В.Захарчук. Международное исследовательское
сотрудничество Петербурга и Северных стран: опыт библиометрического
анализа....

¹ Используются следующие источники:

Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Фонды 176, 177, 182, 212, 223, 233, 234 и 315; Общий морской список. Т. I. СПб., 1885; Военная энциклопедия. Т. V, XIII. СПб., 1911-193; Военный энциклопедический лексикон. Т. II. СПб., 1853; Материалы по истории русского флота. Т. I-IV. СПб., 1865-1866; Морской сборник. № 1. 1864, № 10. 1869; В. Берх. Жизнеописания первых российских адмиралов или опыт истории русского флота. Ч. I. СПб., 1831.